

ЛОБСАНГ РАМПА

Я ВЕРЮ

Рампа Лобсанг

Я верю

Эта книга расскажет о жизни до рождения, о жизни на Земле и о возвращении с Земли НА ТУ СТОРОНУ...

«Я верю» — семнадцатая по счету книга Лобсанга Рампы. В предыдущих книгах он писал о годах своей молодости, об учебе в ламаистском монастыре и о своих битвах со вселенскими силами зла. В этой книге по просьбе своих многочисленных последователей, которые имеются у него во всем мире, он высказал свои взгляды на жизнь после смерти. Из нее вы узнаете откровения выдающегося Учителя, которые способны принести утешение его многочисленным читателям и пролить свет на одну из величайших тайн человечества.

ОГЛАВЛЕНИЕ

[ГЛАВА
ПЕРВАЯ](#)

[ГЛАВА
ВТОРАЯ](#)

[ГЛАВА ТРЕТЬЯ](#)

[ГЛАВА](#)

[ЧЕТВЕРТАЯ](#)

[ГЛАВА ПЯТАЯ](#)

[ГЛАВА
ШЕСТАЯ](#)

[ГЛАВА
СЕДЬМАЯ](#)

[ГЛАВА ВОСЬМАЯ](#)

[ГЛАВА ДЕВЯТАЯ](#)

[ГЛАВА ДЕСЯТАЯ](#)

[ГЛАВА
ОДИННАДЦАТАЯ](#)

А письма все приходили, и приходили... Письма оттуда, письма отсюда, письма отовсюду... С Севера и Юга, с Востока и Запада — письма, письма, письма — все они требовали ответа... В них говорилось:

«Расскажите подробнее о том, что происходит после смерти. Расскажите подробнее о том, ЧТО такое смерть. Мы не понимаем смысла смерти, а того, что вы говорите, нам недостаточно, поскольку вы не проясняете суть вопроса. Расскажите нам обо всем...»

Вот так, сам того не желая, я был вынужден написать семнадцатую книгу. И согласно общему мнению, которое выяснилось после внимательного прочтения всех писем, названием книги должны были стать слова:

«Я верю».

*Посвящается Джону Хедмену,
который верит,
и доктору Брюсу Данмету,
гуманисту и человеку,
чья жизнь делает честь
всему человечеству*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Мисс Матильда Хокерсниклер*, что жила в районе Аппер-Литл-Паддлпетч, сидела у полураскрытого окна. Книга, которую она читала, захватила ее целиком. Похоронный кортеж прошел, незамеченный ее тенью за украшавшими ее окна тонкими кружевными занавесками. Перебранка между двумя соседями прошла неотмеченной дрожанием цветов аспидистры, обрамлявших центр нижнего окна. Мисс Матильда читала.

На минуту отложив книгу на колени, она подняла на лоб свои очки в стальной оправе, чтобы потереть покрасневшие от напряжения глаза. Затем, вернув очки на свой весьма выдающийся нос, она принялась читать дальше.

Сидевший в клетке зелено-желтый попугай, с глазами-бусинками, надменно следил за нею с некоторым любопытством. Вдруг послышался его хриплый вопль:

— Полли хочет выйти! Полли хочет выйти!

Мисс Матильда Хокерсниклер подскочила так, словно ее кто-то толкнул.

— О Господи! — воскликнула она. — Прости меня, моя крошка: я совсем забыла перенести тебя на твою жердочку.

Она осторожно открыла дверцу золоченой проволочной клетки и, запустив туда руку, сняла с шеста слегка потрепанного старого попугая и бережно извлекла его на волю.

— Полли хочет выйти, Полли хочет выйти! — снова проскрежетал попугай.

— Ах ты, глупая птица, — ответила ему мисс Матильда. — Да ты УЖЕ вышел! Сейчас я посажу тебя на жердочку.

С этими словами она посадила попугая на перекладину, закрепленную на полутораметровом шесте, основанием которому служило что-то вроде подноса или поддона для крошек. Осторожно обвив тонкой цепочкой лапку попугая, она затем проверила, полны ли чашки с водой и кормом, что стояли у основания шеста.

Попугай взъерошил свои перья, а затем положил голову под крыло, то воркуя, то громко чирикая.

— Ах, Полли, — сказала Мисс Матильда, — лучше бы ты почитал со мной эту книжку. Здесь все говорится о том, что мы представляем собой, когда нас здесь нет. Я хотела бы знать, во что этот автор и вправду верит, — сказала она, усаживаясь снова и с благопристойным тщанием оправляя свои юбки, чтобы под ними ни в коем случае не обнаружились колени.

Она снова взяла книгу с колен, но, не успев поднести ее к глазам, вдруг замерла в нерешительности и вновь отложила, потянувшись за длинной вязальной спицей. А затем, нежданно обнаружив удивительную для ее возраста гибкость, она с видимым наслаждением почесала себя вдоль спины между лопаток.

— Ах, — воскликнула она, — какое облегчение! Что-то мне мешает за корсажем. Волос туда попал, что ли? Почешука я еще — это так успокаивает.

И она с новой силой принялась чесать себя вязальной спицей, причем ее лицо так и светилось от удовольствия.

Не найдя мешавшего ей предмета у себя за спиной, но несколько уняв свой зуд, она отложила спицу и взялась за книгу.

— Смерть, — сказала она себе, а возможно беспечному попугаю, — если бы знать, что и ВПРАВДУ думает автор о том, что будет после смерти.

* В именах людей и в названиях улиц ощущается авторская игра слов: Hockersnickler можно было бы «перевести» как «Рейнвейндринкинг», Upper Little Puddle-patch — «Верхний Малый Непролазный Околоток». — Прим. перев.

Она на мгновение остановилась и потянулась к дальнему краю ящика с аспидистрами, чтобы взять несколько засахаренных фруктов, которые там хранила. Затем опять со вздохом поднялась и подала одну фруктовую конфетку свирепому тарасившемуся на нее попугаю. Стремительным движением птица схватила угощение и зажала его в своем клюве.

Мисс Матильда, на этот раз держа в одной руке спицу, во рту — конфету, а левой рукой придерживая книгу, снова уселась и продолжила чтение.

Она останавливалась еще несколько раз:

— Почему это наш проповедник всегда говорит, что если человек не является добрым католиком — то есть добрым прихожанином, — то ему не достигнуть Царствия Небесного? Что, если духовник не прав и люди иной веры также отправляются к Небесам?

Она опять впала в молчание, и лишь иногда тихо бормотала, стараясь уяснить себе значение некоторых наиболее непонятных слов. «Хроники Акаши», «астральное путешествие», «Небесные поля».

Солнце катилось через крышу ее дома, а мисс Матильда все сидела и читала. Попугай спал, спрятав голову под крыло. Лишь изредка устраиваясь слегка поудобнее, эти двое проявляли признаки жизни. Но когда где-то вдалеке пробили часы на церковной башне, мисс Матильда вздрогнула и очнулась.

— Ах Ты Боже мой, Боже Ты мой! — вскричала она. — Я ведь собиралась попить чаю и отправиться в церковь, на собрание прихожанок.

Она быстро вскочила и аккуратно вложила резную закладку в книжку в бумажной обложке, которую затем спрятала под швейный столик.

Она пошла готовить свой запоздалый чай, и в это время, пожалуй, только попугай мог разобрать ее невнятный шепот:

— Да, хотела бы я знать, во что действительно верит этот автор... Хотелось бы мне с ним поговорить. Это было бы такое утешение!

А на далеком-далеком солнечном острове, который так и останется безымянным, хотя мог бы иметь какое-то название, поскольку все описанное здесь является правдой, в густой тени столетнего дерева томно раскинулся Цветной Джентльмен. Ленивым жестом он отложил недочитанную книгу и потянулся к сладкому плоду, что заманчиво свисал с ветки над его головой. Праздным движением он сорвал этот плод, проверил, нет ли в нем насекомых, и лишь затем опустил его в свой вместительный рот.

— М-м-да, — невнятно пробормотал он, пережевывая истекающий медовым соком плод. — М-м-да, что-то я не пойму, куда этот парень клонит. Хотел бы я знать, во что конкретно он верит.

Он опять растянулся на солнце и, расслабив спину, оперся о ствол дерева. Лениво он попытался поймать пролетающую мимо муху и, промахнувшись, продолжил движение, опять пододвинув к себе книгу.

— Жизнь после смерти, астральное путешествие, память времен. — Цветной Джентльмен перелистал, не глядя, сразу несколько страниц.

Он хотел поскорей добраться до конца этой книги, не утруждая себя тем, чтобы вчитываться в каждое слово. Он выхватывал один абзац оттуда, фразу отсюда, а затем приступал к следующей странице.

— М-м-да, — повторил он, — хотелось бы мне знать, во что он на самом деле верит.

Но солнце припекало. Жужжание насекомых усыпляло. В конце концов, голова Цветного Джентльмена упала ему на грудь. Его смуглые пальцы медленно разжались, и книга в бумажной обложке выскользнула, опустившись на мягкий

песок под его ладонью. Цветной Джентльмен все храпел и храпел, и ему были совершенно безразличны проблемы космического масштаба.

Проходивший мимо юнец глянул на спящего негра, а затем опустил взгляд на книгу. Снова взглянув на спящего, юнец подошел ближе и, почти не коснувшись его, поддел книгу цепкими пальцами ноги, а затем — согнув колено — переложил ее в руку. Прикрывая книгу своим телом так, чтобы потревоженный спящий не смог случайно заметить ее, он пошел прочь нарочито беспечной походкой.

Он удалился прочь, в небольшую рощу. Пройдя сквозь нее, он снова вошел в поток солнечного света, в пределы покрытого ярко-белым песком пляжа. Шум прибоя долетал до его слуха, но оставался незамеченным, поскольку то была его жизнь — шум волн, бившихся об окружающие лагуну скалы, давным-давно был для него чем-то обыденным. Жужжание насекомых и стрекот цикад были постоянным фоном его жизни, и он не обращал на него никакого внимания.

Он шел все дальше, просеивая мелкий песок сквозь пальцы ног, поскольку всегда надеялся найти здесь что-нибудь ценное, хотя бы несколько монет. Не его ли приятель подобрал однажды на пляже золотой мексиканский доллар?

Узкая полоска воды отделяла его от крохотного островка — клочка суши с тремя одинокими деревьями на нем. Идя вброд, он скоро преодолел водную преграду и добрался до глубокой тени между деревьями. Здесь он осторожно залег, чтобы осмотреться, и медленно выкопал небольшую ямку, чтобы мягче было сидеть. Затем удобно положил свою голову на выступающий корень дерева и взглянул на книгу, которую стащил у спящего.

Он тщательно огляделся вокруг, чтобы убедиться, что его никто не преследует. Довольный тем, что все было спокойно, он вновь устроился

на своем уютном сиденье и провел одной рукой по густым, как шерсть, волосам, а другой повернул к себе книгу. Сначала на глаза ему попала задняя сторона обложки. На ней он прочитал обращение к читателям. Затем перевернул книгу и, почти прикрыв глаза-щелочки, стал изучать картинку. При этом он хмурил брови и шевелил губами, тихо повторяя непостижимые для него вещи.

Он почесал у себя в паху и поудобней подтянул штаны. Затем, лежа на левом боку, пошелестел страницами и принялся читать.

— «Формы выражения мысли», «мантры»... ну и ну! Это тебе не в песке копаться! Вот бы мне изобрести такую «форму мысли», чтобы Абигаиль согласилась делать все, что я захочу. Да-а, парень, это было бы клево!

— Он перекатился на спину, немного поковырял в носу и затем сказал:

— Интересно, мог бы я поверить во все это?

Спокойный полумрак комнаты источал атмосферу святости. Все было тихо, только в огромном каменном камине потрескивали объятые пламенем поленья. Время от времени из них вырывалась струя нагретого пара, которая злобно шипела на огонь: пар, образуемый влагой, томился в щелях непросохших поленьев. Время от времени древесные ткани рвались от маленьких взрывов, которые вздымали кверху снопы ярких искр. Мерцающий свет, исходящий от камина, создавал в комнате некое необычное ощущение — пространство тайны.

По одну сторону камина стояло глубокое кресло, спинка которого смотрела на дверь. Старомодный торшер, сделанный из латунных прутьев, стоял рядом с креслом, и мягкий свет струился от неяркой электрической лампы, скрывавшейся под зеленым абажуром. Свет нисходил, постепенно переходя в глубокую тень, поскольку путь ему преграждала спинка кресла.

Вдруг в этой комнате послышался сухой кашель и шелест перелистываемых страниц. Вновь наступила тишина, и лишь огонь трещал в камине, да шелестели

переворачиваемые пальцами страницы, уходившие, чтобы уступить дорогу новым мыслям.

Откуда-то издалека донесся перелив звонка — он прозвучал в неспешном темпе. Затем послышалось шарканье обутых в сандалии ног и очень мягкое журчание голосов. Последовал лязг открываемой двери, а минутой позже раздался глухой стук — дверь закрыли. Вскоре сюда донеслись звуки органа, и хор мужских голосов усилил их своим пением. Эта песня длилась какое-то время, а затем послышался шорох, за которым последовала тишина. И эта тишина была нарушена журчанием голосов, бормочущих нечто непонятное, но очень хорошо отрететированное.

Внезапно раздался резкий звук, будто книга упала на пол. И тут же с места вскочила какая-то темная фигура:

— Ах, Боже мой! Я, должно быть, заснул.

Силуэт в темном одеянии наклонился, чтобы поднять книгу, и тщательно отыскал в ней нужную страницу. Педантично вложил туда закладку и весьма почтительно поместил книгу на стоящем рядом столике. Несколько мгновений он сидел, сцепив пальцы и насупив брови. Затем поднялся с кресла и пал на колени, взирая на висевшее на стене распятие. Он сложил ладони и, склонив голову, прошептал слова молитвы о наставлении. Покончив с нею, он встал на ноги, подошел к камину и подбросил еще одно полено в жарко горевшие угли. Какое-то время он сидел на корточках возле выложенного из дикого камня камина, обхватив свое лицо ладонями.

Повинуясь внезапному импульсу, он хлопнул себя по бедрам и вскочил на ноги. Стремительным шагом пересек темную комнату и направился к письменному столу, что скрывался в тени. Резкое движение, дернулся шнур, и угол комнаты вдруг наполнился теплым светом. Темный силуэт отодвинул стул и открыл крышку секретера, затем сел. На мгновение он замер, безучастно глядя на листы бумаги, которые только что разложил перед собой. В рассеянности он простер вперед руку, чтобы взять со стола книгу, которой там не было. С воплем досады он вскочил и схватил книгу с того столика, который стоял рядом с креслом. Он снова устроился за письменным столом и принялся перебирать страницы книги, пока наконец не нашел то, что искал, — адрес. Быстрым почерком он надписал конверт, а затем стал размышлять, собираясь с мыслями, о том, что ему делать дальше, и подбирая слова, которые намеревался высказать.

Вскоре его перо потянулось к бумаге, и наступила тишина. Слышалось лишь шуршание пера по листу бумаги да отдаленное тиканье часов.

— Дорогой доктор Рампа, — так начиналось письмо, — я — иезуитский священник, преподаю гуманитарные предметы в нашем колледже, и я прочитал ваши книги с более чем обычным интересом.

Я убежден, что лишь те, кто следуют нашей форме религии, могут обрести Спасение через кровь Господа нашего Иисуса Христа. Я верю в это, обучая моих студентов. Я верю в это, когда пребываю в стенах Церкви. Но, оставаясь один в темные ночные часы, когда никто не следит за движениями моей души и не анализирует мои мысли, я начинаю сомневаться. Прав ли я в своей Вере? Верно ли, что лишь католики могут надеяться на спасение? А что же другие религии? Неужели все они ложны? Неужели все они — порождение дьявола? Или я, как и другие люди моей Веры, введен в заблуждение? Ваши книги пролили яркий свет на некоторые вещи и во многом позволили мне развеять мои духовные сомнения, и я любезно прошу Вас, сэр, ответить на некоторые мои вопросы, дабы либо укрепить меня в том, во что я верю, либо...

Аккуратным почерком добавив к письму свое имя, он с большим старанием свернул письмо и уложил в конверт. И вдруг одна мысль посетила его, и он быстро, почти виновато выхватил письмо из конверта, развернул его и дописал постскрипту:

— Я обращаюсь к Вашей чести как к человеку, преданному своей собственной Вере, и прошу не упоминать ни моего имени, ни того, что я написал Вам это письмо, поскольку это противоречит правилам моего Ордена.

В конце он приписал свои инициалы, проследил, чтобы высохли чернила, а затем быстро вложил свернутое письмо в конверт и запечатал его. Перебрав лежавшие на столе бумаги, он отыскал книгу и сделал в ней пометку об отправке письма в Канаду. Порывшись в шкафах и ящиках, он извлек из них марки на необходимую сумму и наклеил их на конверт. Затем священник тщательно спрятал письмо в потайной карман своей сутаны. Поднявшись, он погасил свет и покинул комнату.

— А, святой отец, — услышал он в коридоре чей-то голос, — вы сами пойдете в город или вам просто что-нибудь нужно там? Я отправляюсь туда с поручениями и был бы рад услужить вам.

— Нет, спасибо, брат мой, — ответил профессор своему подчиненному, — мне захотелось прогуляться по городу. Знаете, нужно немного размяться, вот я и решил пройтись по главной улице.

Они степенно слегка поклонились друг другу, и каждый пошел своей дорогой. Профессор вышел из старинного каменного здания, потемневшие от времени стены которого были наполовину увиты плющом. Медленно шагая вдоль главной улицы, профессор цепко сжимал в пальцах свой крест и бормотал какие-то слова, что вполне соответствовало традициям его Ордена.

На главной улице, что пролежала рядом с огромными воротами иезуитского колледжа, люди, завидев профессора в сутане, почтительно кланялись ему, и многие из них при этом крестились. Неспешной походкой пожилой профессор направился к ящику, который висел на стене здания почты. Виновато и осторожно озираясь, он оглянулся посмотреть, нет ли поблизости собратьев по Ордену. Убедившись в своей безопасности, он извлек из одежды письмо и опустил его в почтовый ящик. Затем, со вздохом искреннего облегчения, направил свои стопы туда, откуда пришел.

Вернувшись в свой кабинет, он присел подле мерцавшего огня в камине и направил довольно тусклый свет торшера на свою книгу. Он все читал и читал, до глубокой ночи. Наконец закрыл книгу, запер ее в надежном месте и направился в свою келью, бормоча про себя:

— Во что же мне верить, во что?

Мрачное небо сурово взирало на ночной Лондон. Проливной дождь обрушивался на дрожащие от холода улицы, разгоняя ошетинившиеся направленными против ветра зонтами толпы прохожих. Лондон, огни Лондона, спешащие домой с работы люди. С ревом проносящиеся мимо автобусы... Эти гигантские красные автобусы осыпали брызгами тротуары, а дрожащие стайки людей старались не попасть под этот грязный душ.

Сквозь витрины магазинов были видны толпившиеся там люди, ожидавшие в тепле свои автобусы. Завидев очередной автобус, они устремлялись на улицу, но потом, если это был не их маршрут, уныло протискивались обратно. Лондон, одна половина которого спешит домой, в то время как другая торопится на службу.

На Харли-стрит, в самом сердце лондонского медицинского мира, седовласый человек беспокойно расхаживал по ковру из медвежьей шкуры возле шумно пылающего огня. Долго он расхаживал взад и вперед, заложив руки за спину и

понутив голову. Затем внезапно бросился в добротное обитое кожей кресло и вытащил из кармана книгу. Поспешно перелистал несколько страниц, пока не нашел в ней нужный фрагмент. В нем говорилось о человеческой ауре. Он решил почитать его опять, а когда прочитал, то вернулся к нему и перечитал еще раз. Какое-то время он сидел, пристально вглядываясь в огонь. Затем кивнул, словно приняв какое-то решение, и вскочил на ноги. Поспешно вышел из одной комнаты в другую. Предусмотрительно заперев за собой дверь, он подошел к письменному столу. Отложив в сторону ожидавшие его просмотра истории болезней и бланки медицинских обследований, он сел и достал из выдвижного ящика стола несколько листов специальной бумаги для частных писем.

Дорогой доктор Рампа, — написал он почерком, который почти невозможно было разобрать, — я прочитал Вашу книгу с полным наслаждением, с тем наслаждением, которое в огромной степени усиливается моим личным убеждением и моим знанием того, что написанное Вами является правдой.

Он откинулся на спинку стула, тщательно перечитал только что написанный текст, а затем для верности перечитал его еще раз, после чего продолжил:

У меня есть сын — прекрасный парень, который недавно перенес операцию на мозге. Сейчас, после этой операции, он утверждает, что способен видеть странные цвета вокруг человеческого тела. Он также видит свечение над головой человека. Причем не только над головой или телом человека, но также и над животными. Какое-то время мы серьезно беспокоились по этому поводу, опасаясь, не была ли причиной тому какая-нибудь ошибка, допущенная нами в ходе операции. Мы полагали, что, возможно, повредили его глазной нерв. Но, прочитав Вашу книгу, мы поняли, что заблуждались. Мой сын способен видеть человеческую ауру. Поэтому я уверен, что Вы пишете правду.

Буду очень рад встретиться с Вами, если вы сейчас находитесь в Лондоне, поскольку уверен, что Вы смогли бы оказать неоценимую помощь моему сыну.

Совершенно преданный Вам...

Он перечитал написанное, а затем, точно так же как и священник, собрался свернуть письмо и вложить в конверт, но вдруг его взгляд упал на бюст одного из основателей медицины. И тут врач подпрыгнул на стуле, будто его ужалила пчела. Он быстро схватил ручку и добавил постскрипtum к своему письму:

Надеюсь, Вы не станете сообщать мое имя или содержание этого письма кому-либо, поскольку это могло бы принизить мой профессиональный статус в глазах моих коллег.

Он аккуратно поставил свои инициалы, после чего свернул письмо и вложил в конверт. Столь же аккуратно он потушил свет и покинул комнату. На улице его поджидал очень дорогой личный автомобиль. Шофер вскинул голову и замер по стойке «смирно», когда доктор скомандовал ему:

— К почтовому отделению на Лестер-Сквер.

Автомобиль резко тронулся с места, и вскоре письмо было опущено в почтовый ящик. В конце концов оно достигло указанного на нем места назначения.

А письма все приходили и приходили... Письма оттуда, письма отсюда, письма отовсюду... С Севера и с Юга, с Востока и с Запада — письма, письма, письма — нескончаемый поток писем... Все они требовали ответа... Все они утверждали, что описанные в них проблемы уникальны и никому доселе неведомы. Письма осуждения, письма благодарности, письма мольбы. С острова Тринидад пришло письмо, написанное на самой дешевой бумаге для школьных упражнений и совершенно безграмотным почерком:

— Я проповедник-миссионер, трудящийся на благо Бога. Пришлите мне

десять тысяч долларов и новый автофургон. Да, и еще пришлите мне в подарок подборку Ваших книг, и тогда я поверю в то, о чем Вы пишете.

Из Сингапура пришло письмо от двух молодых китайцев:

— Мы хотим стать врачами. У нас нет денег. Мы хотим, чтобы Вы оплатили нам перелет из Сингапура к Вам первым классом. Тогда мы могли бы встретиться с Вами и обсудить передачу нам денег, чтобы мы выучились на врачей и стали полезными человечеству. Вы также могли бы выслать нам дополнительную сумму денег, чтобы мы могли навестить нашего друга, проживающего в Нью-Йорке, в Америке. Сделав это, Вы сделаете доброе дело для всех людей, и тогда мы Вам поверим.

Письма приходили сотнями, тысячами, и все они требовали ответа. Меньшинство отправителей — жалкое меньшинство — не забывали положить в свои конверты чистую бумагу, конверты и марки, заботясь о том; чтобы сократить мои издержки на канцелярские принадлежности и почтовые расходы. Эти люди писали:

Расскажите нам о том, что происходит после смерти. Расскажите подробнее о том, ЧТО такое смерть. Мы не понимаем смысла смерти, а того, что Вы говорите, нам недостаточно, поскольку Вы не проясняете суть вопроса. Расскажите нам обо всем.

Другие писали:

Расскажите нам о религиях. Скажите, пребудет ли с нами надежда после смерти, если мы не католики.

Л еще были письма вроде такого:

Подскажите мне такую мантру, с помощью которой я мог бы выиграть в лотерее «Irish Sweepstake», и если я выиграю главный приз, миллион, то отдам Вам десять процентов.

Л еще один человек писал:

Я живу в штате Нью-Мексико. Здесь где-то есть затерянный прииск. Скажите мне, где этот прииск, — Вы же можете зайти в астрал и найти его, — а став владельцем этого прииска, я заплачу Вам некоторую сумму денег за Ваши услуги.

Люди просили рассказать им еще что-нибудь, рассказать им все, и даже больше, чтобы они знали, во что им нужно верить.

Миссис Шила Роуз с мрачным видом сидела за столом. Очки в золотой оправе грозили вот-вот сползти с ее носа, и она указательным пальцем то и дело возвращала их на прежнее место.

— Вы написали всего шестнадцать книг. Почему бы вам не написать еще одну, семнадцатую, чтобы растолковать людям, во что им МОЖНО верить? Взгляните на все эти письма, в которых они просят вас написать еще одну книгу и рассказать, во что они могут верить. Вы диктуйте, а Я буду печатать! — наконец решительно сказала она.

Мисс Тадалинка и мисс Клеопатра Рампа сидели в коридоре перед моей инвалидной коляской и удовлетворенно улыбались. Мисс Тэдди, также пребывавшая в глубоких раздумьях по поводу будущей книги, почесала себя за ухом левой лапкой, а затем встала и вперевалку побрела к своему любимому креслу.

Мама Сан Рааб Рампа смущенно взглянула на меня. Она выглядела чрезвычайно смущенной. Не проронив ни слова — вероятно, потому, что не умела говорить, — она притащила мне синюю открытку с заголовком: «Мама Сан Рааб Рампа, Киска», и в центре открытки я увидел свое собственное лицо. Оно было таким синим, будто я давным-давно умер или меня слишком поздно откопали. И под всем этим виднелась морда сиамской кошки, самая загадочная из всех, какие

мне приходилось видеть. Поначалу я так опешил, что на какое-то время утратил дар речи, но потом подумал, что любому было бы приятно увидеть «обложку» своей первой книжки. Сам-то я уже привык: ведь эта книга у меня семнадцатая. И все же:

— Мама Сан, — спросил я, — а что ВЫ скажете о моей следующей книге? Должен ли я, прикованный к постели чурбан, тратить на нее свои силы? Не лучше ли мне бросить все это?

Мама Сан выразительно отвела глаза от своей первой книжки и как бы сказала:

— Да, конечно, ты должен написать книгу. Я и сама подумываю о том, чтобы надписать вторую¹!

Мисс Клео Рампа и мисс Тедди Рампа хорошенько обнюхали «обложку» и отошли в сторону, задрвав хвосты. Должно быть, таким способом они выражали свое одобрение.

Вдруг зазвонил телефон. Это был Джон Хендерсон, звонивший мне из-за дальних морей, из дебрей США. Он сказал:

— Привет, Босс! Я тут почитываю отличные статейки, в которых вас хвалят. Одну из таких журнальных статей я отправил вам по почте.

— Знаешь, Джон, — ответил я, — мне плевать, и даже дважды плевать на то, что газеты или журналы пишут обо мне. Я этих статей не читаю — ни хороших, ни плохих. Но что бы ТЫ сказал, если бы я решил написать новую книгу — семнадцатую?

— Отлично, Босс! Именно это я и хотел от вас услышать! Давно пора... Все уже заждались... И, полагаю, книготорговцы уже получают массу запросов о том, когда же вы ее наконец напишете.

Этого я не ожидал: все словно стоворились. Казалось, все ждали появления следующей книги. Но что поделать несчастному человеку, который приближается к концу своей жизни и которого совершенно безжалостное государство обложило драконовскими налогами? А ведь что-то надо делать, чтобы поддержать огонь в домашнем очаге или чтобы отвадить шакалов из налоговой службы от моей двери.

Мне делается особенно горько, когда я размышляю о подоходном налоге. Будучи полным инвалидом, я вынужден большую часть своего времени проводить в постели. Я не нахожусь на попечении у государства, но при этом плачу огромные налоги без всяких скидок, поскольку являюсь автором, работающим на дому. А в это время некоторые нефтяные компании не платят никаких налогов, поскольку занимаются какой-то мифической «научно-исследовательской деятельностью» и это освобождает их от уплаты налогов. А еще я думаю о тех мерзких служителях культа золотого тельца, которые учреждают якобы бесприбыльные самокупаемые организации, назначают высокое жалованье своим родственникам и друзьям, но при этом не платят никаких налогов, поскольку все эти организации зарегистрированы как бесприбыльные.

Вот так, сам того не желая, я был вынужден написать семнадцатую книгу. И, согласно общему мнению, которое выяснилось после внимательного прочтения всех писем, названием книги должны были стать слова «Я верю».

Эта книга расскажет о жизни до рождения, о жизни на Земле и о возвращении с Земли в Потустороннюю жизнь. Итак, у меня есть название: «Я верю», но оно очень условно. Главное — это не вера, а ЗНАНИЕ. Я сам могу делать все, о чем пишу. Я могу уйти в астрал так же легко, как иной человек — уйти в другую

¹ Очевидно, под первой подразумевается шестая книга Лобсанга Рампы, «Жизнь с ламой» («София», Киев, 1995), написанная от имени его сиамской кошки. Правда, там «автора» звали по-другому. Это была старая Миссис Фифи Грейсвикерс, Киска. — Прим. ред.

комнату... Да, но как раз этого-то я и не могу сделать — уйти в другую комнату без костылей, инвалидной коляски и всяких снадобий. Но зато в астрале не нужны костыли, инвалидные коляски или лекарства. Так что все, о чем я пишу в этой книге, является правдой. Я не просто передаю свои представления о чем-то, но рассказываю о РЕАЛЬНОМ положении вещей. Итак, пора начинать. Давайте же перейдем к главе второй.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Алджернон Реджинальд Сент-Клэр де Бонкерс² смачно шлепнулся на пол ванной. Алджернон лежал на полу, издавая булькающие, мяукающие звуки. В коридоре застывшая на месте горничная ощутила, как ледяные пальцы ужаса поползли по ее спине вверх и вниз. Дрожа от страха, она закричала сквозь дверь:

— С вами все в порядке, сэр Алджернон? Сэр Алджернон, у вас все в порядке? Не дождавшись ответа, она повернула ручку двери и вошла в ванную.

В тот же момент волоски встали дыбом на ее загривке, и, сделав глубочайший вдох, она издала потрясающий крик — самый громкий за всю свою карьеру. По мере того как она продолжала визжать, тембр ее голоса становился все выше. Затем, совершенно бездыханная, она рухнула замертво подле Алджернона.

Вскоре послышался гул оживленных голосов. Затем раздался звук торопливых шагов, спешивших вверх по лестнице и прямо по коридору. Первые из тех, кто прибежал к месту происшествия, так резко останавливались здесь, что сорвали с креплений напольный ковер. Затем они столпились вместе так тесно, словно старались придать друг другу больше храбрости перед тем, как заглянуть в раскрытую дверь.

Алджернон Реджинальд Сент-Клэр де Бонкерс лежал, уткнувшись лицом в пол ванной комнаты. Кровь лилась из глубокой раны, что проходила поперек его горла, и заливала безжизненное тело горничной, лежавшее рядом с ним. Внезапно она стала быстро ловить ртом воздух, дернулась и открыла глаза. В течение нескольких секунд она рассматривала образовавшуюся под ней лужу крови, потом содрогнулась, а затем, издав сверхъестественный крик, царапнувший нервы окружающих, опять рухнула в обморок. При этом ее лицо угодило как раз в ту самую лужу крови, которая принадлежала ее работодателю и, если верить слухам, была голубой.

Алджернон лежал на полу. Он чувствовал, как все вокруг него вращается, и видел все вокруг каким-то фантастически нереальным. Он слышал причитания, какой-то мяукающий шум, а затем — отвратительное бульканье, которое постепенно стихало по мере того, как кровь вытекала из его искаленного тела.

Алджернон чувствовал, как внутри его тела стало происходить нечто очень странное. Затем последовал ужасающий вопль, и горничная упала рядом, задев при этом его тело. Внезапным толчком сэр Алджернон был вытолкнут из собственного тела, после чего взмыл вверх, как подвешенный на нитке воздушный шар.

В течение нескольких секунд он осматривался вокруг, пораженный странным, очень странным ракурсом. Казалось, он завис под потолком лицом вниз. А взглядевшись в лежавшие на полу тела, он увидел серебряную нить, тянущуюся от его «нового» тела к старому, лежавшему навзничь. Пока он смотрел, нить начала приобретать неприятный темно-серый оттенок. Потом в том самом месте, где она соединялась с лежавшим на полу телом, на ней появились отвратительные пятна. А

² Здесь Bonkers — помешанный, спятивший.

затем эта нить поблекла и отпала, подобно пуповине. Но Алджернон оставался на месте, словно приклеенный к потолку. Он громко кричал, зовя на помощь, и не сознавал, что находится вне пределов мертвого тела — в астральном плане. Он висел там, прильнув к лепному потолку своего фамильного дома. Он оставался невидим для множества глаз, глуповато озиравших ванную и исчезающих, чтобы уступить место новым любопытным глазам. Он видел, как горничная пришла в себя, пристально взглянула на кровь, в которую она упала, затем вскрикнула и снова упала без чувств.

Сильный, хорошо поставленный голос дворецкого нарушил всеобщее молчание.

— Тихо! Успокойтесь, — сказал он. — Прошу не поддаваться панике. Вы, Берт, — указал он на лакея, — пойдите и вызовите полицию, позовите доктора Макинтоша, а также, думаю, вам следует пригласить Владельца похоронного бюро.

Закончив свое торжественное обращение, дворецкий сделал повелительный жест лакею и повернулся к двум телам. Приподняв стрелки своих брюк, чтобы они не смялись на коленях, он присел на корточки и очень осторожно взялся за запястье горничной. При этом он с отвращением вскрикнул, ощутив кровь на своей руке. Резким движением отдернул свою руку и вытер кровь о юбку горничной. Затем, схватив бедную прислугу за одну ногу — за лодыжку, — он вытащил ее из ванной комнаты. Приглушенный смешок раздался в толпе, когда все увидели, как юбка бедной горничной задралась выше ее талии и поползла к плечам. Однако этот смешок был быстро подавлен яростно блеснувшим взглядом дворецкого.

Экономка вызвалась помочь, скромно нагнулась и ради приличия поправила на горничной юбки. Затем двое слуг подняли горничную и торопливо понесли ее по коридору, оставляя за собой след от ее пропитанного кровью платья.

Несколько успокоившись, дворецкий вошел в ванную и внимательно осмотрел ее.

— Ах да, — сказал он, — вот инструмент, которым сэр Алджернон покончил с жизнью.

Он указал на запятнанную кровью опасную бритву, лежавшую на полу рядом с ванной.

Словно высеченный из камня, он стоял в дверном проеме ванной, пока с улицы не послышался цокот конских копыт. Вскоре явился лакей, который сообщил:

— Полиция уже здесь, мистер Харрис, а доктор сейчас подойдет. Сначала послышались возбужденные голоса в прихожей, а после с лестницы, а затем из коридора донеслись очень тяжелые и очень величественные шаги.

— Так, так! Что же мы тут имеем? — спросил грубый голос.

— Понимаю, что здесь произошло самоубийство, но вы уверены, что это не было убийство?

Говоривший, полисмен в синем мундире, сунул голову в ванную комнату и автоматически полез за блокнотом, который постоянно лежал наготове в его нагрудном кармане. Взяв огрызок карандаша, он послунил его и аккуратно раскрыл блокнот. Снова послышался быстрый топот лошадиных копыт и новые шумные голоса у дверей, после чего с лестницы донеслись более легкие и более быстрые шаги. Вошел стройный молодой человек, в руках которого был черный саквояж:

— Ах, мистер Харрис, — проговорил молодой человек, и это был не кто иной, как доктор, — мне кажется, кто-то заболел? Или с кем-то случилась трагедия, а?

— Нет, нет, доктор, — ответил раскрасневшийся полицейский, — мы пока еще не закончили. Требуется выяснить причину смерти...

— Но, сержант, — сказал врач, — вы уверены в том, что это действительно была смерть? Может быть, сначала проверим?

Выразительным взглядом сержант указал на тело — голова трупа была почти полностью отсечена от шеи. Теперь рана зияла во всю свою ширину, поскольку кровь вытекла из тела и залила пол ванной и весь ковер в коридоре. Сержант сказал:

— Итак, мистер Харрис, сообщите нам, что здесь произошло.

Дворецкий облизнул свои нервно дрожавшие губы, поскольку ничуть не обрадовался такому повороту вещей. Он вдруг почувствовал, словно его обвиняют в убийстве, хотя не требовалось большого ума, чтобы увидеть, что раны на теле были явно нанесены самим покойным. Но он понимал, что с Законом лучше не ссориться, и поэтому начал так:

— Как вам хорошо известно, мое имя Джордж Харрис. Я служу главным дворецким в этом семействе. Вся прислуга и я были напуганы криком горничной — Эллис Уайт. Она кричала все громче и громче, и казалось, наши нервы вот-вот лопнут от этого крика. А затем послышался глухой стук, и все стихло. Поэтому мы бросились сюда и нашли... — Он сделал драматическую паузу, а затем простер руки по направлению к ванной и выдохнул: — Это!

Сержант пробурчал что-то себе под нос и покрутил усы — некое длинное стелющееся растение, свисавшее по обеим сторонам его рта. Затем он произнес:

— Позовите сюда эту самую Эллис Уайт. Я хочу ее допросить. Но торопливо пробежавшая по коридору экономка ответила:

— Нет, сержант, прежде мы должны ее искупать. Она вся в крови, да к тому же с ней случилась истерика. Оно и не удивительно. Бедняжка! И не думайте, что вам будет позволено приходить сюда и запугивать нас. Мы ни в чем не виноваты. А еще позвольте вам напомнить, сколько раз ночью порой вы являлись с черного хода к нам на кухню за хорошей закуской!

Врач, очень деликатно вмешавшись в их беседу, сказал:

— Знаете, мы, пожалуй, осмотрим тело. Мне кажется, мы тратим слишком много времени, но никуда не движемся в нашем расследовании.

Сказав так, он шагнул вперед и, аккуратно сняв свои накрахмаленные манжеты, опустил их в карман и закатал рукава сорочки, поручив свой пиджак заботам дворецкого.

Наклонившись, доктор тщательно исследовал тело, не касаясь его. Затем быстрым движением ноги он пихнул тело в правый бок так, что оно перевернулось, и глаза мертвеца бессмысленно уставились вверх.

Существо, некогда бывшее сэром Алджерноном, словно зачарованное, наблюдало за всем этим с высоты. Оно чувствовало себя очень странно и какое-то время никак не могло понять, что происходит вокруг. Но какая-то сила удерживала его под потолком вверх тормашками. Живой Алджернон вглядывался в остекленевшие, налитые кровью глаза Алджернона-мертвого. Покоясь в перевернутом виде под потолком, он замер в сосредоточенном внимании, очарованный этим странным зрелищем. Его внимание привлек мистер Харрис, который сказал:

— Да, бедный сэр Алджернон был младшим офицером в период англо-бурской войны³. Он очень отважно сражался против буров и был тяжело ранен. К сожалению, он был ранен в очень деликатное место, которое я не смею упоминать в присутствии дам. И впоследствии это ранение — все в большей и большей степени

³ Англо-бурская война (1899-1902); империалистическая война Великобритании против бурских республик Трансвааль и Оранжевое Свободное Государство; завершилась аннексией обеих республик Великобританией. — Прим. перев.

мешавшее ему... хм-м... исполнять некоторые свои функции — вызывало у него вспышки депрессии. И много раз мы, а также другие люди слышали от него зловещие рассуждения о том, что жизнь, не дающая возможности удовлетворять свои мужские потребности, не представляет для него никакой ценности. И он не раз грозился однажды покончить со всем этим.

Экономка сочувственно всхлипнула, а вторая горничная, растрогавшись, шмыгнула носиком. Первый лакей пробормотал, что тоже слышал нечто подобное. Затем доктор внимательно осмотрел все аккуратно развешенные на вешалках полотенца и одним рывком расprostер их на полу ванной. Ногой он принялся вытирать кровь, которая еще только начинала свертываться. Вдруг, бросив взгляд на ограждение ванны, он увидел там банную циновку — она оказалась весьма плотной. Он постелил ее на полу рядом с телом и встал на колени. Взяв свой деревянный стетоскоп, он расстегнул на трупе одежду и приставил широкий конец трубки к груди покойного, а ухом припал к слуховому отверстию на другом конце стетоскопа. Каждый из присутствующих замер, каждый затаил дыхание. Наконец он отрицательно покачал головой:

— Нет, жизнь угасла. Он мертв.

С этими словами он убрал свой деревянный стетоскоп, вложил его в специальный карман своих брюк и встал, вытирая руки о полотенце, которое подала ему экономка.

Сержант указал на бритву и спросил:

— Скажите, доктор, этот ли инструмент явился орудием, прекратившим жизнь данного тела?

Врач глянул на пол, тронул бритву ногой, а затем поднял ее, предварительно обернув в тряпку.

— Да, — сказал он, — лезвие рассекло сонную артерию и прошло через яремную вену до другой сонной артерии. Должно быть, смерть наступила почти мгновенно. Полагаю, он умер примерно через семь минут.

Сержант Мердок едва успевал слюнявить карандаш, подробно занося все детали в свой блокнот. Вдруг послышался сильный грохот, как будто подъехал фургон, запряженный лошадьми. И снова дверной звонок зазвенел на кухне. Снова зазвучали голоса в прихожей, а затем щеголеватый маленький человечек поднялся по ступенькам, важно раскланялся с дворецким, с врачом и с сержантом — именно в такой очередности.

— А что, тело для меня готово? Меня попросили прибыть сюда и забрать тело — тело самоубийцы.

Сержант посмотрел на доктора, доктор — на сержанта, а затем они оба посмотрели на мистера Харриса.

— Вы можете что-либо сказать по этому поводу, мистер Харрис? Ожидаете ли вы прибытия кого-либо из родственников покойного? — спросил сержант.

— Нет, сержант, они не успели бы прибыть сюда так быстро. Полагаю, самый ближний из родственников находится от нас в получасе езды на хорошей лошади, и я уже отправил за ним посыльного. Я думаю, будет правильно, если владелец похоронной конторы заберет тело с собой. Мы ведь не можем допустить, чтобы родственники увидели сэра Алджернона в таком прискорбном состоянии, не так ли?

Сержант посмотрел на доктора, доктор — на сержанта, а затем они оба ответили:

— Так.

И тогда сержант, как представитель закона, сказал:

— Ладно, забирайте тело, но предоставьте в наш участок подробнейший отчет

как можно скорее. Он должен быть у суперинтенданта до завтрашнего утра.

Врач сказал:

— Мне придется обо всем известить Коронера⁴. Возможно, он пожелает произвести вскрытие.

Врач и сержант уехали. Владелец похоронного бюро вежливо прогнал дворецкого, лакеев, экономку и горничных, а затем двое его служащих поднялись по ступенькам, неся с собой легкий гроб. Вместе они положили гроб на пол рядом с ванной и сняли крышку. Гроб был на четверть заполнен опилками. Затем они вошли в ванную и, подняв тело, бесцеремонно уронили его в опилки, что были в гробу, тщательно закрыв после этого крышку.

Небрежно они ополоснули свои руки под краном и, не найдя нигде чистых полотенец, вытерли мокрые руки о занавески. Затем они вышли в коридор, истоптав наполовину свернувшейся кровью весь ковер, что лежал в коридоре.

Ворча, они подняли гроб и направились к лестнице.

— Вы, парни, помогите-ка нам! — обратился владелец похоронного бюро к двум лакеям. — Возьмитесь снизу, чтобы он не вывалился. Двое мужчин подбежали, и с их помощью гроб был благополучно снесен по лестнице, доставлен на улицу и плавно установлен в крытый черным тентом фургон. Владелец похоронного бюро влез в фургон, двое его помощников сели на козлы, поводья натянулись, и лошади легко пошли неторопливым шагом.

Сержант Мердок снова тяжело поднялся по ступеням и вошел в ванную. Пользуясь тряпкой, он поднял раскрытую бритву и отложил ее в сторону. Затем он осмотрел помещение в поисках других предметов, которые могли бы служить вещественными доказательствами.

Прилипший к потолку дух сэра Алджернона в полном очаровании взирал на это свысока. Вдруг по какой-то причине сержант Мердок поднял глаза к потолку, издал испуганный вопль и упал, ударившись головой о сиденье унитаза с такой силой, что оно треснуло. С этим дух сэра Алджернона исчез, а сам он потерял сознание, сохранив в своей памяти лишь странный приглушенный гул, таинственное потустороннее вращение и облако клубящейся черноты, подобное дыму от керосиновой настольной лампы, фитиль которой подняли слишком высоко, да так и оставили без присмотра.

И тьма обрушилась на него, и дух сэра Алджернона утратил интерес к происходящему, по крайней мере, на какое-то время.

Алджернон Реджинальд Сент-Клэр де Бонкерс метался в забытьи, похожем на глубокий наркотический сон. Странные мысли роились в его наполовину угасшем сознании. До него доносились то мощные всплески небесной музыки, то дикие переливы адских звуков. Алджернон беспокойно метался и, однажды пошевелившись, в какой-то момент просветления, к своему удивлению обнаружил, что его движения замедленны, как будто он погружен в клейкое, вязкое месиво.

Алджернон Реджинальд Сент-Клэр де Бонкерс проснулся, как от толчка, и попытался встать, но это оказалось не так-то просто. Теперь он мог двигаться только очень медленно. Его охватила паника, и в отчаянии он попробовал молотить кулаками воздух, но, увидев, что его движения стали замедленными и плавными, довольно быстро успокоился. Он ощупал свои глаза, чтобы узнать, раскрыты они или закрыты, поскольку не видел света. Независимо от того, были его глаза открыты или закрыты, ощущение света отсутствовало. Он опустил руки, чтобы ощупать свою

4

Коронер — следователь, ведущий дела о насильственной или скоропостижной смерти. — Прим. перевод.

постель, но тут же взвизгнул от ужаса, поскольку никакой постели под ним не было. Он находился в подвешенном состоянии — по его собственному определению: «как рыбина в бочке с рассолом».

Какое-то время он слабо молотил руками, как пловец, пытаясь от чего-нибудь оттолкнуться и добраться хоть куда-нибудь. Но чем сильнее он толкался распростертыми руками и брыкался ногами, тем сильнее «что-то» удерживало его на месте.

К его удивлению, несмотря на все эти попытки, он не запыхался и не ощущал усталости. Поэтому, осознав тщетность физических усилий, он спокойно лег и задумался.

— Где я был? — попытался припомнить он. — Ах да, вспомнил! Я хотел покончить с собой. Я решил, что нет смысла продолжать жить так, как я жил, будучи лишенным женского общества из-за своего увечья. Какое это было несчастье, — пробормотал он. — А все этот подлый бур, который выстрелил мне прямо ТУДА!

Несколько мгновений он лежал, думая о прошлом, вспоминая бородатого бура, который поднял тогда свою винтовку и намеренно, абсолютно намеренно направил ее не для того, чтобы убить его, но с определенной целью — говоря культурным языком — чтобы лишить его мужского достоинства. Он припомнил «почтенного викария», который всегда рекомендовал дом Алджернона как очень безопасное прибежище для девушек-служанок, стремившихся заработать себе на жизнь. Он также вспомнил своего отца, который сказал ему, еще школьнику: — Что ж, Алджернон, рад сообщить, что пришла пора тебе узнать новые стороны жизни. Пора тебе воспользоваться некоторыми из тех девушек, что служат у нас. Тебе будет полезно поиграть с ними. Только не принимай это всерьез. Ведь все эти низшие классы существуют для нашего удобства, не так ли?

— Да, — думал он, — даже экономка усмехнулась своей особой тонкой ухмылкой, когда в дом наняли новую, чрезвычайно миловидную служанку. Экономка тогда сказала:

— Вы можете быть совершенно спокойны, дорогуша. Хозяин никоим образом не станет вас донимать. Он из тех жеребцов на нашем лугу, которым доктора... ну вы понимаете. Нет, здесь вам будет абсолютно безопасно, — и с этими словами экономка удалилась, коварно хихикая. Алджернон рассматривал свою жизнь в деталях. Резкий удар пули, и вот он сгибается пополам и его тошнит от боли. В его ушах все еще звучит хриплый смех старого крестьянина-бура, который говорит:

— Больше у тебя не быть девочка! Мой не даст тебе продолжить свой род. Теперь ты как евнух, которых мы слышать.

Алджернон почувствовал, как весь он зарделся от стыда, и вспомнил, что долго вынашивал план покончить с собой. Это желание возникло у него, когда он понял, что нет смысла жить в таком противоестественном состоянии. Он счел несносным обращение к нему викария, который, намекая на его увечье, сказал, что был бы рад, если бы столь благонадежный молодой человек помогал ему в организации собраний прихожанок, в работе швейного кружка, который собирался воскресными вечерами, а также в других подобных делах.

— Поскольку, — сказал викарий, — лишняя осторожность нам не помешает, верно? Мы не должны ставить под сомнение доброе имя нашей Церкви, не так ли?

А еще был доктор, старый семейный доктор Мортимер Дейвис, который заезжал к ним вечерами на своем старом коне Веллингтоне. Док тор Дейвис обычно располагался в кабинете, где они оба приятно проводили время за рюмочкой вина. Но это приятное чувство покоя рушилось всякий раз, когда доктор говорил:

— Знаете, сэр Алджернон, думаю, мне придется вас осмотреть. Да бы убедиться, что у вас не развиваются женские признаки. Ведь если я не обследую вас самым тщательным образом, то волосы на вашем лице могут начать выпадать и у вас появится... хм-м... женская грудь. Но больше всего нам следует обратить внимание на изменения в тембре вашего голоса. Ведь сейчас, когда вы лишились известных желез, химический состав вашего тела претерпел изменения.

Доктор с не слишком скрываемой насмешкой глядел на него, наблюдая, как он это воспримет, а затем продолжал:

— Ну да ладно. Я, пожалуй, выпил бы еще одну рюмочку вина. Оно у вас просто превосходное. Ваш почтенный батюшка был великий знаток прелестей жизни. Особенно женских прелестей, хе-хе-хе!

Бедный Алджернон ощутил всю глубину своего несчастья, когда услышал, как дворецкий, беседуя с экономкой, сказал:

— То, что случилось с сэром Алджерноном, — просто ужасно. Столь энергичный молодой человек. Можно сказать, гордость своего класса. Я прекрасно помню: перед тем, как вы прибыли сюда, и перед тем, как он ушел на войну, он любил охотиться на лис, и когда он выезжал верхом, окруженный сворой гончих, то всегда производил чрезвычайно благоприятное впечатление на местных матрон. Они неизменно приглашали сэра Алджернона на званые вечера, поскольку считали его самым достойным молодым человеком и весьма желанным поклонником для своих дочерей, едва начавших появляться в свете. Но сейчас, знаете ли, все матери в округе глядят на него с сочувствием, однако, по крайней мере, они знают, что за ним не нужно следить, когда он выходит с их дочерьми. Очень надежный молодой человек, совершенно надежный!

— Да, — думал Алджернон, — совершенно надежный молодой человек. Интересно, как бы поступили они, будь они на моем месте — если бы им пришлось лежать там, на поле боя, в залитых кровью форменных бриджах, пропитанных красной жижей. И если бы потом подошедший к ним хирург сорвал бы с них одежду и острым ножом взял да отрезал жалкие остатки того, что отличает нас от женщин. Ох! А эти муки! Сейчас уже придумали такую штуку, которая называется хлороформ и которая, говорят, облегчает боль и избавляет от мук во время операций. Но в полевых условиях ничего этого нет — только острый нож да пуля, которую кладут тебе в рот, чтобы ты стиснул ее в зубах и не кричал. А дальше — стыд. Стыд, поскольку ты лишен ЭТОГО. И эти взгляды товарищей — таких же младших офицеров, которые смущенно смотрят тебе в глаза и в то же время отпускают непристойные шутки у тебя за спиной.

Да, этот позор! Позор. Он был последним членом старинного рода де Бонкерс, который возник еще во времена норманнского вторжения. Их предок обосновался в той части Англии, известной своим здоровым климатом, и, будучи крупным землевладельцем, основал здесь большое феодальное поместье. И теперь он — последний прямой наследник это-IX) рода — импотент, получивший увечье на службе своей стране. Импо-тент, ставший посмешищем для людей, равных ему по положению в обществе.

— И над чем тут смеяться? — думал он. — Над тем, что человек стал калекой, служа другим людям?

Он думал о том, что теперь линия его рода прервется из-за того, что Он сражался за свою страну.

Алджернон лежал ни на небесах, ни на земле. Он не мог определить, где находится. Он не мог понять, что он из себя представляет. Он лежал, выгибаясь, как рыба, которую только что выбросили на песок, и вдруг подумал:

— Я умер? Что такое смерть? Я видел себя мертвым, но как я оказался здесь?

Его мысли неизбежно возвращались к тому, что произошло с момента его возвращения в Англию. Он видел себя, когда ему было довольно трудно ходить и когда он с болезненным вниманием отмечал выражения лиц и действия своих соседей, семейства и прислуги. В нем зрела мысль о том, что он должен убить себя, должен покончить с бесполезной жизнью. Однажды он заперся в своем кабинете, достал свой пистолет тщательно почистил его и не менее тщательно зарядил. Затем он приложил дуло к правому виску и спустил курок. Послышался лишь мягкий щелчок.

Несколько мгновений он сидел, смущенный, не веря в случившееся. Его всегда безотказный пистолет, который он не раз применял и который пронес через всю войну, теперь его предал: он был все еще жив. Он расправил перед собой на столе чистый лист бумаги и положил на него пистолет. Все было на месте: порох, пуля и капсюль — все было в пол ном порядке. Он снова сложил их вместе: порох, пулю и капсюль, и, не глядя, спустил курок. Грохнул выстрел, который разбил окно. Тут же послышался топот бегущих ног, и дробь ударов обрушилась на дверь. Медленно он поднялся на ноги и отпер дверь, чтобы впустить побледневшего перепуганного дворецкого.

— Ах, сэра Адджернона, сэра Адджернона, я уж было решил, что случилось нечто ужасное, — в сильном волнении промолвил дворецкий.

— О нет, все в порядке. Просто я чистил мой пистолет, и он выстрелил. Вы могли бы приказать, чтобы кто-нибудь вставил окно?

Следующая попытка была во время прогулки верхом. Он оседлал старую серую лошадь и, выезжая из конюшни, услышал, как работавший там мальчишка насмешливо шепнул конюху:

— Как тебе эта пара старых меринов?

Он вернулся и ударил мальчишку плетью, а затем швырнул поводья через шею лошади, соскочил на землю и помчался обратно домой. С тех пор он никогда больше не ездил верхом.

В другой раз он вспомнил о том диковинном растении, которое завезли из почти неведомой Бразилии, — о растении, которое несло немедленную смерть тому, кто жевал его ягоды и глотал ядовитый сок. Он сделал это. У него в оранжерее было это растение, которое ему доставил один путешественник. В течение нескольких дней он заботливо поливал и подкармливал его, словно свое первородное дитя, а затем, когда растение расцвело и налилось плодами, он сорвал их и набил ими рот.

— Ах, какая это была мука! — вспоминал он. — И какой позор! Смерть не наступила, но то, что произошло, было хуже смерти. Сильнейшее расстройство желудка!

— Никто в истории, — думал он, — еще не испытывал такого очищающего средства, такого слабительного, после которого человек едва бы успевал добежать до маленькой комнатки, какая бывает во всяком доме.

А этот взгляд потрясенной экономки, которой пришлось относить прачке его перепачканную одежду! От одного этого воспоминания его лицо заливала краска.

И наконец его последняя попытка. Он послал человека в Лондон к самому лучшему кузнецу-оружейнику столицы, который сделал для него самую лучшую и самую острую бритву — прекрасный инструмент, на котором были четко выгравированы имя и герб этого мастера. Сэр Адджернон брал в руки это дивное лезвие, но все медлил, медлил, медлил. И вдруг одним взмахом он перерезал себе горло от уха до уха так, что лишь благодаря позвоночнику его шея удержалась на плечах.

Так он себя и убил. Он знал, что мертв, поскольку помнил, что убил себя. А потом он смотрел на себя с потолка, видел на полу свое тело и свои тускнеющие глаза. Он лежал там, во тьме, и все думал, думал, думал.

Смерть? Чем БЫЛА для него смерть? Было ли что-нибудь после смерти? Он и его сослуживцы — как равные, так и старшие по званию — часто обсуждали это в офицерской столовой. Их Капеллан пытался объяснить им, что такое вечная жизнь и как происходит вознесение на Небеса. А один лихой Гусар в чине майора сказал ему:

— Ну уж нет, падре. Уверен, что все совсем не так. Если человек мертв, то тут уж ничего не попишешь. Если я пойду и убью какого-нибудь бура, то он тут же вознесется к Небесам или в мир иной? Если я убью его пулей, которая пробьет его сердце, и встану, поправ своею ногой его грудь, то уверяю вас, что он останется там, подо мной, мертвый. Во всяком случае, не живее фаршированного поросенка. Мертвый он и есть мертвый, вот и весь сказ.

Он вновь перебирал в уме все эти доводы в пользу жизни, которая наступает после смерти. И удивлялся, откуда люди могли знать, что жизнь после смерти существует.

— Уж коль ты убьешь человека — так он будет мертв, и все тут. Если бы у человека была душа, то в момент смерти мы могли бы видеть, как нечто покидает его тело, разве не так?

Алджернон лежал и размышлял над всем этим, пытаясь понять, что с ним произошло и куда он попал. И вдруг жуткие мысли стали посещать его. А не дурной ли это сон? Или, может, с ним случился припадок помешательства и его определили в дом для умалишенных? Он тщательно ощупал себя, чтобы проверить, нет ли на нем смирительных ремней. Но нет же, он парил, и только. Он плавал, словно рыба в воде. Тогда он вернулся к мыслям о том, что это было.

— Смерть? Разве я мертв? И если я мертв, то где нахожусь? Что делаю я, повиснув в этом инертном состоянии?

Он вспомнил слова Капеллана:

«Когда мы оставляем свое тело, нас встречает ангел, который приветствует и направляет нас. Нам суждено явиться на суд Самого Господ Бога и принять то наказание, которое Он нам назначит».

Алджернон не очень-то верил во все это.

— Если Бог милостив, то почему Он спешит наказать человека, как только тот умрет? И если человек мертв, то что ему до этого наказания? А человек вот он, — рассуждал Алджернон, — лежит спокойно, не чувствует никакой боли. Лежит себе тихо — и все.

И вдруг Алджернон дернулся от испуга. Что-то пронеслось мимо него. Затем до него донеслось ощущение — не голос, а ощущение, — будто кто-то внушал ему:

— Спокойствие! Успокойся, слушай.

Какое-то время Алджернон барахтался в пространстве, пытаясь скрыться. Все это казалось ему слишком таинственным, слишком тревожным, но он не мог сдвинуться с места. И тут он опять услышал:

— Спокойствие! Успокойся и освободись от этого. Алджернон подумал про себя:

— Я офицер и джентльмен, я не должен паниковать. Я обязан быть примером для своих солдат.

И тогда, несмотря на свое смущение, он сумел овладеть собой и принять в себя покой и умиротворение.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Внезапно Алджернон содрогнулся, как от удара. Страх овладел им. В какое-то мгновение ему показалось, что его мозг не выдержит и вот-вот разорвет ему череп.

Окружавшая его тьма сделалась еще мрачнее. Хотя он не мог ничего видеть в этой кромешной темноте, он необъяснимо ОЩУЩАЛ тучи, что были чернее самой черноты, которые, вздымаясь и клубясь, окутывали его.

Ему показалось, что в этом мраке он видит. Будто сквозь темноту он видит яркий луч света, толщиной с карандаш, устремленный к нему и касающийся его. И по этому тонкому лучу к нему пришло внушение:

— Спокойствие, спокойствие. Оставайся спокоен, и мы поговорим с тобой.

Нечеловеческим усилием воли Алджернон преодолел свой страх. Постепенно он успокоился и, стараясь вести себя более или менее тихо, стал ожидать дальнейших событий. Они не заставили себя ждать.

— Мы готовы помочь тебе. Мы очень хотим помочь тебе, но ты нам мешаешь.

Алджернон разбередил мысли в своем сознании:

— «Ты нам мешаешь», — думал он, — да я им и слова не сказал. Отчего же они говорят, будто я мешаю им помогать мне? Я не знаю, кто они такие. Я не знаю, что они намерены делать. Я даже не знаю, где нахожусь. Если это смерть, — рассуждал он, — то что она такое?

— Отрицание? Ничто? Неужто я обречен вечно жить в этой темноте? И опять возникает вопрос, — размышлял он. — Что значит жить? Разве я жив?

Его мысли вертелись в круговороте, а в сознании царило смятение. Ему вспомнились постулаты, усвоенные еще в юности:

— Смерти нет... Я есть возрождение... В доме Отца Моего много дворцов, Я иду готовить вам путь... Праведные вознесутся на Небеса.... Неправедные попадут в Ад... Только христиане достойны Царствия Небесного...

Как много несовместимых утверждений. Как много непонятного. Как много слепых людей пытается просветить других слепых. Священники и учителя воскресных школ ослепляют себя, пытаясь учить других, которые, как они считают, еще более слепы.

Ад? — размышлял он. — Что ЕСТЬ Ад? Что ЕСТЬ Небеса? ЕСТЬ ли Небеса?

Одна очень уверенная мысль прервала его размышления:

— Мы готовы помочь тебе, если прежде ты сможешь допустить, что ты жив и что есть жизнь после смерти. Мы готовы помочь тебе, если ты согласишься искренне поверить в нас, а также в то, чему мы сможем тебя научить.

Сознание Алджернона восприняло эту мысль с возмущением. Что за ерунду они говорят о принятии помощи? Что это за глупый вздор по поводу веры? Во что он МОГ бы поверить? Сам факт, что он должен во что-то поверить, вызывал у него сомнение. Ему хотелось не веры, а фактов. Фактом было то, что он умер от собственной руки. Второй факт состоял в том, что он видел свой труп. И третий факт — это то, что сейчас он пребывает в абсолютной темноте, погруженный в какую-то липкую, разбухшую субстанцию, сильно стесняющую его движения. А эти взявшиеся неизвестно откуда чудачки говорят, что он должен им верить. Хорошо, но во ЧТО он должен поверить?

— Ты находишься в стадии, которая следует после смерти, — услышал он то ли голос, то ли мысль, то ли внушение или явно нечто подобное, и относилось это нечто явно к нему.

— На Земле тебя неверно информировали, неверно учили и вводили в заблуждение. И если ты желаешь освободиться из тюрьмы, которую ты сам же и

построил, то мы тебя вызволим.

Алджернон спокойно отдыхал и размышлял над существом вопроса, а затем стал думать в ответ.

— Хорошо, — рассудил он здраво, — если вы хотите, чтобы я вам поверил, то прежде всего вы должны объяснить мне, что со мной происходит. Вы говорите, будто я нахожусь на первой стадии после смерти, но я-то думал, что смерть — это окончание всего.

— Верно! — очень решительно вмешалась мысль. А возможно, это был Голос. — Верно! Ты окружен черными тучами сомнения, черными тучами недомыслия. Ты окружен мраком невежества. И это твое окружение существует благодаря тебе. Ты сам его создал, и только ты сам можешь его уничтожить.

Алджернону это почему-то не понравилось. Получалось, что во всем виноват он один. Тогда он сказал:

— Но у меня нет оснований во что-то верить, я могу лишь следовать тому, чему меня учили. Меня учили разным вещам в церкви, а когда я был еще мальчишкой, меня учили учителя в воскресной школе и моя Гувернантка, а теперь вы считаете, что я должен выбросить все это из головы лишь потому, что какое-то неведомое, непонятное внушение поступает в мое сознание? СДЕЛАЙТЕ нечто такое, что могло бы доказать мне, что там, за этим мраком, что-то есть.

И вдруг во тьме появился просвет. Внезапно мрак рассеялся по сторонам, словно кто-то раздвинул занавес, чтобы начать актерский дебют. Алджернон едва не лишился чувств от урагана яркого света и чудесных вибраций во всем пространстве вокруг. Он чуть не закричал от восторга перед этим движением. А затем — сомнение, а вслед за сомнением вокруг вновь стала сгущаться темнота, пока он снова не оказался погруженным в клубящийся мрак. Сомнение, тревога, самоосуждение, упреки в адрес учений этого мира.

Он начал сомневаться в ясности своего рассудка. Как такое возможно? Теперь он был уверен в своем безумии. Он решил, что страдал галлюцинациями. В своих мыслях он вновь вернулся к тому бразильскому растению, плоды которого он тогда проглотил. А что, если это побочный эффект, что, если он страдает продолжительными галлюцинациями? Да, он видел свой труп на полу. Но действительно ли видел? Как бы он мог видеть себя, если был мертв? Он вспомнил, как наблюдал за всем с потолка. Он вспомнил лысину на голове дворецкого. Хорошо, но если все это так, то почему он не замечал этой лысины раньше? Если все так, то почему он не замечал, что экономка носила парик? Он задумался над этим и не знал, согласиться ли с тем, что жизнь после смерти возможна, либо с тем, что он явно не в себе.

— Мы предоставляем тебе самому принимать решение, поскольку Закон гласит, что человеку нельзя помочь, если он сам не желает принимать помощь. Когда ты будешь готов принять нашу помощь — позови, и мы придем. И помни: тебе нет нужды держать себя в тобою же созданном замкнутом пространстве. Этот мрак — плод твоего воображения.

Время не имело никакого значения. Мысли появлялись и исчезали. Но Алджернону хотелось бы знать, какая скорость у его мыслей. Сколько мыслей имелось у него? Зная это, он мог бы вычислить, как долго он находится в его нынешнем положении и состоянии. Но время теперь не имело никакого значения. Ничто не имело значения, насколько он понимал. Он ощупал руками находившееся под ним пространство, и ничего не обнаружил под собой. Медленно, с бесконечным напряжением, он простер свои руки во всю длину. Вокруг не было ничего, совсем ничего, что он мог бы осязать. Ничего, кроме странной тяжести в движениях, как

будто его руки двигались в каком-то сиропе. Тогда он поднес руки к своему телу и ощупал его. Да, его голова была на месте. Его шея, его плечи и, конечно, его руки тоже были на месте. Ведь именно ими он себя и ощупывал.

Но внезапно он и впрямь подскочил на месте. Он был наг, и от этой мысли его бросило в жар. А что, если кто-нибудь появится здесь и застанет его голым? В тех слоях общества, к которым он принадлежал, никто не должен был являться обнаженным — это было «не принято». Однако по крайней мере теперь он знал, что его человеческое тело осталось при нем. Но затем, когда он продолжил обследовать себя, его пальцы неожиданно замерли. Теперь ему стало очевидно, что он и впрямь безумен. Сошел с ума! Его чуткие пальцы вдруг наткнулись на те части тела, которые отстрелил ему снайпер-бур, а также на те фрагменты, которые были отрезаны ножом хирурга. Значит, он опять невредим! Очевидно, это была игра его воображения. Очевидно, думалось ему, он все еще умирает и смотрит на свое умирающее тело. Но тут он опять вспомнил, как наблюдал за собой с высоты. Интересно, как МОГ он наблюдать за собой, если фактически был умирающим телом? А если он все же мог наблюдать за собой с высоты, то, должно быть, некая его часть — его душа, или как ее там называют, — должна была бы выйти из тела. И уже сам факт того, что он был способен взирать на себя с высоты, подтверждал, что существует «нечто» после смерти.

Он лежал и думал, думал, думал. Ему казалось, что он слышит, как скрипят шестеренки его мозга. Постепенно малые крупицы знаний, подобранные им из разных частей света, становились на место. Он вспомнил о некой религии. Как она называлась? Индуизм? Мусульманство? Он не знал ни одной из этих загадочных чужеземных религий, в которые могли быть посвящены лишь уроженцы определенных мест. Тем не менее все эти религии учили, что существует жизнь после смерти. Они учили, что добропорядочные мужчины после смерти попадут туда, где их встретит неисчислимое множество доступных женщин. И пусть пока он не встретил здесь ни одной женщины — доступной или недоступной, — у него уже сложился определенный ход мыслей. ДОЛЖНА быть жизнь после смерти. Должно быть что-нибудь, и должен быть кто-нибудь. Иначе откуда взялся этот яркий свет — та светлая мысль, что зародилась в его сознании?

И действительно: темнота стала рассеиваться. Скопление туч вокруг него тоже уменьшилось, и он почувствовал, что начинает мягко опускаться вниз. Его распростертые руки, свисавшие ниже тела, коснулись чего-то. Когда он опустился еще ниже, то его руки ощутили... Нет, это было невозможно! Однако дальнейшие исследования подтвердили, что так оно и было — его руки касались мягкой травы. И вскоре его давно не знавшее покоя тело отдыhalo на коротко подстриженном ковре из дерна.

До него вдруг дошло, что он наконец-то находится в некотором материальном пространстве, поскольку здесь кроме тьмы были и другие вещи. И по мере того как он размышлял, осознавая все это, темнота вокруг него исчезала, и он очутился в окружении легкой дымки. За этой туманной дымкой он смог разглядеть неясные фигуры. Нечеткие, едва различимые, но это все-таки были «фигуры».

Подняв голову вверх, он увидел вырисовавшийся над ним неясный темный силуэт. Пока он видел лишь две руки, воздетые кверху, словно в молитве. А затем послышался голос. Но не тот, что звучал до сих пор в его голове, а самый настоящий голос, говоривший на чистом английском языке, по которому можно сразу узнать выпускника Итона или Оксфорда⁵!

⁵ Итон, Итонский колледж (старинный колледж в Англии, основанный в 1440 г.). Оксфорд, Оксфордский университет (основан в XII в.). — Прим. Перев.

— Встань на ноги, сын мой, — сказал ему голос. — Встань на ноги и возьми меня за руки. Почувствуй, что мое тело такое же плотное, как и твое, и это еще одно доказательство, которое подтвердит тебе, что ты жив. Правда, в ином состоянии, но все-таки жив. И чем скорее ты поймешь, что ты жив и что есть жизнь после смерти, тем скорее ты сможешь войти в Великую Реальность.

Алджернон попытался встать на ноги, но это оказалось не так-то просто: он не мог управлять своими мышцами так, как делал это прежде. И тогда вновь зазвучал голос:

— Представь, что ты поднимаешься. Представь, что стоишь.

Алджернон сделал так и к своему удивлению обнаружил себя стоящим в объятиях того самого силуэта, который постепенно вырисовывался все ясней и ясней. И вот наконец он увидел перед собой мужчину средних лет, необыкновенно красивого, облаченного в желтые одежды. Алджернон окинул взглядом эту фигуру, а затем краем глаза увидел себя. Он увидел себя нагим. И тут же раздался его испуганный вопль:

— Ой! — воскликнул он. — Где моя одежда? Я не смогу никому показаться в таком виде!

Силуэт улыбнулся ему и мягко сказал:

— Одежда не делает человека, мой друг. Человек рождается на Земле без одежды, и так же без одежды он возрождается в этом мире. Стоит тебе подумать о том, какую одежду ты хотел бы носить, как она тут же окажется на тебе.

Алджернон представил себя лихим молодым офицером, одетым в темно-синие брюки со штрипками и в ярко-красный мундир. Вокруг талии он мысленно опоясал себя ремнем с ослепительно блестящей пряжкой и с патронными сумками. Он представил себе свои латунные пуговицы, начищенные до такого блеска, что в каждую из них можно было бы смотреться, как в зеркало. А еще он представил темную каску на своей голове — с кожаным ремешком, облегающим подбородок от щеки до щеки. Он представил саблю у себя на боку, а затем, хитро усмехнувшись, подумал:

— Пусть мне дадут ЭТО!

К своему несказанному изумлению он увидел свое тело обмундированным в военную форму, ощутив на себе тесноту армейского ремня и армейских ботинок. Он ощутил тяжесть у себя по бокам — там, где вложенная в ножны сабля и пистолетная Г кобура оттягивали вниз армейский ремень. Он почувствовал, как его подбородок сдавил ремешок от каски. А когда он повернул голову, то увидел на своих плечах блестящие эполеты. Это было уж слишком — слишком много всего для только что пережившей шок самоубийства и воскрешения души. Алджернон потерял сознание и упал бы на траву, если бы не тот мужчина средних лет, который аккуратно поддержал и уложил его. Веки Алджернона дрогнули, и он тихо прошептал:

— Я верю... О Господи, я верю. Прости мне грехи мои... Прости мне все те прегрешения, что я совершил.

Тот человек улыбнулся ему мягкой улыбкой и сказал:

— Я не Господь. Я лишь тот, кому поручено помогать тем, кто прибывает из Земной жизни сюда — на промежуточную стадию. И я готов помочь тебе, если ты захочешь принять мою помощь.

Алджернон поднялся на ноги, на этот раз без труда, и сказал:

— Я готов принять ту помощь, которую ты сможешь мне предложить. Но скажи, ты учился в Итоне? Ты был в Бейллиоле⁶?

⁶ Бейллиол — один из наиболее известных колледжей Оксфордского университета. Основан в 1263 г. —Прим. перев.

Силуэт улыбнулся и сказал:

— Просто зови меня своим другом, а к твоим вопросам мы вернемся позднее. Прежде ты должен войти в наш мир.

Он повернулся и резко взмахнул руками, словно раздвинул шторы. Во всяком случае, эффект был тот же. Темные тучи рассеялись, тени растаяли, и оказалось, что Алджернон стоит на зеленой-презеленой траве. Воздух вокруг буквально трепетал, насыщенный жизненной энергией. Неведомо откуда доносились ощущения — не звуки, но ощущения музыки. «Музыка парила в воздухе» — вот как он мог бы об этом сказать. Он нашел, что это очень его успокаивает.

Люди, что прохаживались вокруг, казалось, прогуливаются в общественном парке. В первое мгновение ему даже показалось, что он идет по Грин-Парку⁷ или по Гайд-Парку⁸. Только сейчас этот Грин-Парк или Гайд-Парк был как-то по-особому украшен. На лавочках сидели пары, люди ходили вокруг. И в который раз Алджернон испытал сильный приступ страха, поскольку некоторые люди двигались, на несколько дюймов зависая над землей! Один человек буквально летел над парком примерно в десяти футах над землей. Его преследовал другой человек. И оба они издавали радостные возгласы счастья. Алджернон вдруг ощутил озноб, пробежавший по его спине, как при простуде. Он даже вздрогнул, но Друг мягко взял его под руку и сказал:

— Давай-ка пойдем и присядем где-нибудь, поскольку я хочу кое-что рассказать тебе об этом мире, прежде чем мы двинемся дальше. Поскольку те картины, которые тебе предстоит увидеть впереди, могут и впрямь повредить твоему выздоровлению.

— Выздоровлению? — удивился Алджернон. — Какому еще выздоровлению? Я не собираюсь ни от чего выздоравливать. Я совершенно здоров и совершенно нормален.

Его Друг мягко улыбнулся и сказал:

— Давай присядем вот здесь, откуда мы станем наблюдать лебедей и других птиц, что плавают по воде, чтобы ты обрел понимание новой жизни, которая тебе предстоит.

Несколько неохотно и все еще негодуя по поводу того, что его считают «больным», Алджернон позволил усадить себя на стоявшую поблизости лавку. Когда они сели, Друг сказал:

— Устраивайся поудобней. Мне придется о многом тебе рассказать, поскольку сейчас ты в другом мире. Ты находишься на другом уровне бытия. И чем внимательней ты будешь слушать меня, тем легче тебе будет развиваться в этом мире.

Алджернон был приятно удивлен тем, что лавочка в парке оказалась очень удобной. Казалось, она принимала форму тела того, кто на ней сидел, в отличие от лавок в лондонских парках, где сидящий легко мог загнать себе занозу.

Простиравшаяся перед ними водная гладь сияла голубым светом, и по ней величаво скользили ослепительно белые лебеди. Воздух был теплым и наполненным жизнью. И вдруг внезапная мысль поразила Алджернона. Она была так внезапна и так поразительна, что он чуть не подпрыгнул на месте. Здесь не было теней! Задрал голову вверх, он обнаружил, что не было также и солнца. Светилось само небо.

Друг сказал:

— Теперь давай поговорим о некоторых вещах, которым мне придется тебя

⁷ Грин-Парк в Лондоне; тянется вдоль улицы Пиккадилли. Известен со второй половины XVII в. — Прим. перев.

⁸ Гайд-Парк — известный парк в Лондоне. — Прим. перев.

обучить, прежде чем ты попадешь в Дом Покоя.

— Меня удивляет, почему ты носишь это желтое одеяние. Ты принадлежишь к какому-то культу, являешься членом религиозной общины или Ордена?

— О Господи, какой же необычный у тебя склад ума! Что означает желтый цвет моего одеяния? Что вообще означает мое одеяние? Я ношу его потому, что мне нравится его носить. Потому что считаю его удобным. Потому что это моя униформа, которая соответствует той задаче, которую я выполняю.

Он улыбнулся и указал на наряд Алджернона:

— Ты надел на себя синие брюки, ярко-красную куртку и особенной формы каску. Твою талию опоясывает белый ремень. Почему же ты одет таким удивительным образом? Ты одеваешься так потому, что тебе нравится так одеваться. Никто здесь не потребует от тебя отчета о том, почему ты так одет. Точно так же и я одеваюсь по тому фасону, который мне удобен и который к тому же является моей униформой. Но мы бесцельно теряем время.

Алджернон почувствовал себя пристыженным, и, оглядевшись вокруг, он увидел еще нескольких людей в желтых одеждах, которые стояли поодаль и разговаривали с мужчинами и женщинами, одетыми самым диковинным образом. И тут его товарищ заговорил снова:

— Должен сказать тебе, — сообщил он, — что на Земле вас неверно информируют о правде жизни, а также о правде последующей жизни. Ваши религиозные лидеры напоминают собравшуюся вместе артель или бригаду рекламных агентов, каждый из которых рекламирует свой товар, совсем забыв о жизни и о том, что наступит после смерти.

Он помолчал, озираясь вокруг, а затем продолжил:

— Взгляни на всех этих людей. Ты можешь различить, кто из них христианин, кто иудей, а кто буддист или мусульманин? Все они выглядят одинаково, не так ли? И, фактически, всех людей, которых ты видишь в этом парке, за исключением тех, кто носит желтые одежды, объединяет одно: все они покончили с собой.

Алджернон изумленно отпрянул. Оказывается, все эти люди совершили самоубийство! Коль так, думалось ему, значит, он, вероятно, находится в сумасшедшем доме, а человек в желтом халате — это Санитар. Он вспомнил все те странные вещи, которые произошли с ним и которые сделали его столь недоверчивым.

— Ты, должно быть, знаешь, что самоубийство — это очень, очень тяжкое преступление. Никто не смеет кончать жизнь самоубийством. Тому, кто убьет себя, не может быть никаких оправданий. И, если бы люди знали, что им предстоит испытать после самоубийства, они были бы куда более разумны. Место, где мы находимся, — говорил Алджернону его спутник, — служит приемным пунктом для тех, кто совершил *felo de se*⁹. Здесь они проходят курс реабилитации, получают необходимые консультации и вновь возвращаются на Землю, где получают новое тело. Прежде всего, я должен рассказать тебе о жизни на Земле, а также о том, что представляет собой тот план бытия, в который ты попал.

Они устроились поудобнее, и Алджернон стал рассматривать лебедей, беспечно скользивших по водной глади пруда. Алджернон увидел на деревьях множество птиц и белок. Он также с интересом заметил, что все мужчины и женщины в желтом беседовали со своими подопечными.

— Земля — это школа знаний, где людям приходится пройти через муки, если они не желают учиться добровольно. Люди приходят на Землю за тем же, за чем их

⁹ *Felo de se* — самоубийство, суицид. — Прим. перев.

дети ходят в школу. И прежде чем отправиться на Землю, существа, которым предстоит принять земной облик, получают разъяснения о том, какое тело им следует избрать и каким способом они могут лучше всего усвоить то, ради чего они отправляются на Землю. Ведь, разумеется, перед отправкой их необходимо проинструктировать. Такой же инструктаж предстоит пройти и тебе. А пока я хотел бы рассказать тебе о том пространственном плане, в котором мы находимся — Это место известно как низший астрал. Его постоянно мигрирующее население состоит исключительно из самоубийц, поскольку, как я уже сказал, самоубийство — это преступление, а те, кто его совершают, являются существами психически неуравновешенными. В твоём случае ты покончил с собой, поскольку не мог стать отцом, так так получил увечье. Но это как раз и было тем самым условием, с которым тебя послали на Землю: ты должен был справиться с этим несчастьем и преодолеть его.

Я говорю совершенно серьезно: перед тем как отправить тебя на Землю, все заранее было спланировано с твоего согласия так, чтобы ты получил увечье. Это значит, что ты не сдал свой экзамен. Это значит, что тебе придется повторить все сначала и пройти через это испытание еще один раз, а возможно — и не один, если ты опять не справишься.

Настроение Алджернона было решительно испорчено. Ведь он думал, что совершил благородный поступок, прервав течение жизни, которую считал бесполезной. И вот теперь ему сообщили, что он совершил преступление, которое должен теперь искупить. А его спутник продолжал говорить:

— Этот нижний астрал располагается очень близко от поверхности Земли. Он находится так близко, что его может достичь любое существо, которому нет необходимости возвращаться на Землю. Здесь мы направим тебя на лечение в Дом Покоя. Мы попытаемся стабилизировать твое сознание. Мы также постараемся укрепить твои силы перед твоим неизбежным возвращением на Землю, которое состоится, как только для этого возникнут подходящие условия. Но здесь, в этом астральном плане, ты можешь прогуливаться пешком, если захочешь, либо летать — стоит тебе лишь подумать об этом. Точно так же, если ты сочтешь свой нынешний наряд нелепым, ты можешь заменить его, представив себе ту одежду, которую хотел бы носить.

Алджернон представил себе очень красивый костюм, который ему довелось видеть в одной из жарких стран. Он был сделан из не совсем белой, но очень легкой ткани. Кроме того, он был прекрасно скроен. Нождаданно послышалось какое-то шуршание, и он с ужасом увидел, как его обмундирование исчезает, оставляя его совершенно голым. С отчаянным криком он вскочил, стыдливо прикрыв руками свой «стратегически важный район». Но не успел он оказаться на ногах, как другая одежда уже украсила его тело — одежда, которую он представил себе. Сильно покраснев, он снова сел.

— Ты также увидишь, что пища здесь тебе тоже не потребуется. Испытывая чувство голода, ты получишь любую пищу, какую только пожелаешь. Стоит тебе подумать о ней, как она тут же материализуется из питательной среды нашей атмосферы. Представь себе, например, свое любимое блюдо.

Алджернон задумался на одну-две секунды, а потом стал мечтать о ростбифе, жареном картофеле, йоркширском пудинге, моркови, репе, капусте, об очень большом бокале сидра и о длинной сигаре, которой можно было бы закончить трапезу. Пока он думал обо всем этом, перед ним возникла некая бесформенная масса, которая постепенно стала обретать более ясные очертания, превращаясь в накрытый ослепительно белой скатертью стол. Затем в воздухе появились какие-то

руки, которые принялись расставлять перед ним серебряные супницы и хрустальные графины, причем их крышки раскрывались одна за одной. И Алджернон смог увидеть перед собой — а также обонять — все те яства, которые он выбрал. Вдруг его спутник взмахнул руками, и все блюда исчезли вместе со столом.

— На самом деле в этом театрализованном представлении нет никакой необходимости, как нет нужды во всех этих примитивных видах продовольствия, поскольку в этом астральном плане тело получает пищу из атмосферы. Здесь на небе ты не увидишь сияющего солнца, но сияет само небо. И как раз от неба каждый из нас получает все необходимое питание. Здесь у нас нет очень худых или очень толстых людей, но каждый соответствует требованиям своего тела.

Алджернон огляделся вокруг и нашел, что все обстояло именно так. Здесь не было людей толстых или тонких, не было карликов, не было гигантов. Каждый, казалось, был прекрасно сложен. На лицах каждого из проходивших мимо людей лежала печать глубоких раздумий. Было очевидно, что этих людей волнует их будущее, беспокоит прошлое и терзает сожаление о необдуманных поступках.

Его спутник поднялся на ноги и сказал:

— Сейчас нам пора идти в Дом Покоя. По дороге мы продолжим наш разговор. Твое прибытие оказалось для нас несколько неожиданным. И хотя мы всегда бдительно следим за потенциальными самоубийцами, ты так долго колебался по поводу этого своего шага, что твой последний отчаянный взмах лезвием застал нас врасплох.

Алджернон встал и неохотно последовал за своим спутником. Вместе они побрели по тропе, огибавшей пруд. Они встречали на своем пути небольшие группы людей, занятые беседой. Они видели, как время от времени какая-либо из бывших здесь пар вставала с места и, так же как они, направлялась к выходу.

— Здесь тебе создадут комфортные условия, поскольку на этом этапе тебе потребуется восстановить свои силы, чтобы приготовить себя к трудностям и мучениям, которые ожидают тебя на Земле. Но запомни, что жизнь на Земле подобна мановению век в отношении к Реальному Времени. И, завершив свою жизнь на Земле, то есть, закончив ее с успехом, ты никогда больше не вернешься туда. Вместо этого ты направишься в иные астральные планы, в зависимости от тех успехов, которых ты достиг на Земле. Считай, что это то же самое, как ходить в школу на Земле. По результатам экзаменов тебя могут оставить в том же классе на следующий год, но если ты сдашь экзамены успешно, то тебя переведут в следующий класс. А если ты сдашь экзамены, так сказать, *cum laude*¹⁰, то тебя могут перевести даже на два класса вперед. То же самое происходит в астральных планах. В процессе так называемой «смерти» ты можешь быть удален с Земли и направлен на определенный астральный план. Либо, если тебе удалось достичь больших успехов, ты можешь оказаться на гораздо более высоком плане. И, разумеется, чем выше ты поднимешься, тем лучшими будут условия твоего обитания.

Алджернона поразило то, как резко менялся окружавший его пейзаж. Они оставили позади себя пруд и сквозь брешь в кустарнике, представлявшем собой живую изгородь, проследовали дальше. Перед ними раскинулась прекрасно ухоженная лужайка, где на стульях сидели группы людей, внимательно слушавшие человека, который стоял перед ними и, видимо, выступал с лекцией. Но спутник Алджернона не остановился здесь, а пошел дальше. И вскоре они поднялись на возвышенность, где их взорам открылось удивительно красивое здание — не белое, но окрашенное в успокаивающий нежно-зеленый цвет. Они приблизились к двери,

¹⁰ С отличием (лат.). — Прим. перев.

которая автоматически раскрылась перед ними, и прошли в хорошо освещенный холл.

Алджернон с большим интересом оглядывался вокруг. Ему никогда еще не приходилось бывать в столь прекрасном месте. А ведь он — один из представителей верхушки английского общества — считал себя истинным знатоком прекрасного искусства архитектуры. Видневшиеся впереди него колонны, казалось, парили в воздухе, а многочисленные коридоры лучами расходились от главного вестибюля. В центре этого пространства виднелся круглый стол, за которым сидело несколько человек. Спутник Алджернона выступил вперед и сказал:

— Это наш друг, Алджернон Реджинальд Сент-Клэр де Бонкерс. Вы ожидали его и, надеюсь, приготовили комнату для него.

Послышался торопливый шелест бумаг, и какая-то молодая женщина сказала:

— Да, все верно, сэр. Я поручу, чтобы ему показали его комнату.

В то же мгновение один молодой мужчина встал и направился к ним.

— Я провожу вас. Прошу следовать за мной, — сказал он. Спутник Алджернона слегка кивнул ему на прощание и покинул

здание. Алджернон последовал за своим новым гидом вдоль покрытого мягкими коврами коридора, а затем повернул в очень просторную комнату, в которой стояли кровать и стол. К этой комнате примыкали еще две.

— Сейчас, сэр, я попрошу вас лечь в постель, чтобы наша бригада медиков могла прийти и осмотреть вас. Вам не стоит покидать эти апартаменты, пока ваш лечащий врач не разрешит вам это.

Молодой человек улыбнулся и покинул комнату. Алджернон огляделся, а затем обошел другие две комнаты. Казалось, одна из них была гостиной с удобной кушеткой и стульями, а вот другая... Эта комната была совершенно пустой. Здесь не было ничего, кроме прочного пола, на котором стоял жесткий стул. Алджернон вдруг подумал:

— Да ведь здесь же нет никаких удобств!

А затем он подумал, что туалет здесь вряд ли нужен. Во всяком случае, он не испытывал в нем особой нужды. Должно быть, никто не испытывал подобной нужды в этих краях!

Алджернон стоял подле кровати и размышлял, что делать дальше. Может, попытаться бежать отсюда? Он подошел к французским окнам¹¹ и обнаружил, что они легко открываются. Но когда он попробовал выбраться наружу, то у него ничего не вышло — на его пути возникла какая-то невидимая преграда. Справившись с первым приступом страха, он вернулся к кровати и стал снимать с себя одежду. Вдруг он подумал:

— Как же я обойдусь без ночной сорочки?

Стоило ему об этом подумать, как послышалось знакомое уже шуршание, и, оглядев себя, он увидел, что одет в длинную белую ночную сорочку, какую имел обыкновение носить в период своего временного пребывания на Земле. Изрядно удивившись, он изумленно поднял вверх брови, после чего медленно и глубокомысленно улегся в постель. Несколько минут спустя раздался предупредительный стук в дверь. Алджернон воскликнул «войдите», и трое людей — двое мужчин в сопровождении одной женщины — воспользовались его приглашением. Представившись членами его реабилитационной бригады, они расположились на стульях. К удивлению Алджернона, они не использовали ни стетоскопов, ни слуховых трубок. Они даже не измерили его пульс. Вместо этого

¹¹ Французское окно (french window) — двустворчатое окно, доходящее до пола. — Прим. перев.

они лишь посмотрели на него, и один из них проговорил:

— Ты находишься здесь, поскольку совершил тяжкое преступление — самоубийство, в результате которого вся твоя жизнь на Земле оказалась загубленной понапрасну. Теперь тебе придется начать все сначала и подвергнуться новым испытаниям, стараясь добиться успеха и избежать суицида.

Мужчина продолжил свою речь, сообщив, что Алджернон должен будет пройти курс лечения специальными успокоительными лучами, с тем чтобы скорее восстановить здоровье. Алджернону объяснили, что ему необходимо как можно быстрее вернуться на Землю. Чем скорее он вернется, тем легче ему будет.

— Но как же я вернусь на Землю? — воскликнул Алджернон. — Ведь я же мертв или, по крайней мере, мертво мое физическое тело. Каким же образом вы сможете вернуть меня в него?

Молодая женщина ответила:

— Верно, однако ты оказался введен в сильнейшее заблуждение всей той невероятной чепухой, которую тебе внушили на Земле. Физическое тело — это всего-навсего одежда, в которую дух облачается для того, чтобы выполнять задачи низшего уровня, чтобы усвоить некоторые сложные уроки, поскольку сама по себе душа не способна ощущать столь слабых вибраций. Поэтому ей приходится облачаться в специальное одеяние, чтобы воспринимать определенные вещи. Тебе предстоит вернуться на Землю и быть рожденным от тех родителей, которых тебе назначат. Ты будешь рожден в условиях, которые позволят тебе с наибольшей выгодой использовать твой опыт прежней жизни на Земле, — сказала она. — Знай, что под «выгодой» мы подразумеваем не только и не столько деньги, ведь некоторые из наиболее праведных людей Земли бедны, тогда как многие богатые неправедны. Все зависит от того, что тебе предстоит исполнить. А поскольку ты был воспитан в богатстве и комфорте, но это не помогло тебе, то на этот раз у тебя будут условия похуже.

Они поговорили еще сколько-то времени, и Алджернон постепенно смог усвоить новые положения, сильно отличающиеся от тех, в которые его заставляли верить прежде. Вскоре он смог понять, что христианство было только названием, иудаизм был только названием, так же как названиями были буддизм, ислам и прочие верования, хотя на самом деле религия — одна. И постигнуть эту религию он пока был не в силах.

Эти трое ушли, и свет в комнате постепенно погас. Ночь словно исподтишка подкралась к Алджернону. Он лежал спокойно, утратив сознание, и спал, и спал, и спал — сам не зная сколько. Может быть — несколько минут, а может быть — часов, а может быть — дней. Но пока Алджернон спал, его дух воскресал, и в него вливалось здоровье.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Алджернон проснулся утром от яркого солнечного света и трелей птиц, распевавших на ветвях деревьев... От солнечного света? Алджернон вздрогнул, вспомнив о том, что это не был солнечный свет. Здесь не было солнца — энергию излучала сама атмосфера. Он откинул в сторону одеяло и, одним махом опустив обе ноги на пол, подошел к окну. Там, за окном, все было таким же ярким и таким же полным жизни, как и вчера... Разве это БЫЛО вчера? Алджернон совершенно потерял представление о времени. Он не знал, был сейчас день или ночь. Казалось, здесь никто не следил за временем. Он вернулся к своей кровати и прилег на одеяло, закинув руки за голову. Лежа в такой позе, он размышлял обо всем, что с ним

произошло.

В дверь опять осторожно постучали, и, спросив позволения Алджернона, в комнату вошел мужчина — очень серьезный на вид, — которому, видимо, хорошо были известны его обязанности.

— Я пришел, чтобы поговорить с вами, — сказал он, — поскольку мы опасаемся, что вы испытываете сильные сомнения по поводу того, что с вами происходит.

Алджернон опустил руки вдоль своего тела и, выдавая в себе военную жилку, лег как по команде «смирно», словно он был в полевом госпитале.

— Все, что мне довелось здесь увидеть, сэр, противоречит учению христианской Церкви. Я ожидал, что меня встретят ангелы, я ожидал, что они станут играть на арфах, я ожидал увидеть Райские врата, а вместо этого я оказываюсь в местах, сильно напоминающих милый сердцу Грин-Парк или Гайд-Парк, либо иной довольно ухоженный парк.

Подобные галлюцинации, — сказал он, — я мог бы испытывать также и в Ричмонд-Парке¹².

Этот новый доктор рассмеялся и сказал:

— Да, судя по всему, вы, как я вижу, не такой уж ревностный христианин. Если бы вы были, например, католиком и действительно ВЕРИЛИ, то, прибыв сюда, повстречали бы ангелов. И вы бы продолжали видеть этих ангелов до тех пор, пока по их обманчивой внешности не догадались бы, что они — всего лишь иллюзия, вызванная вашим воображением. Мы же с вами имеем дело с реальностью. Будучи человеком опытным, да к тому же солдатом, которому приходилось видеть как жизнь, так и смерть, вы могли бы захотеть увидеть нас такими, какие мы есть на самом деле.

Алджернон припомнил несколько сцен из своего прошлого.

— Смерть, — сказал он. — Я сам изрядно заинтригован этой материей, поскольку на Земле смерть считают чем-то ужасным. Люди отчаянно боятся умирать. И что мне всегда казалось забавным — так это то, что чем более набожен человек, тем больший ужас он испытывает при одной только мысли о смерти.

Рассмеявшись, он сцепил вместе ладони и продолжил:

— У меня есть один весьма почтенный друг — страстный католик, который всякий раз, когда слышит, что кто-то болен или находится при смерти, говорит, что рад слышать, будто бедному господину Имярек стало лучше и что он пребывает в столь добром здравии! Но скажите мне, сэр, почему, если есть жизнь после смерти, люди так боятся умирать?

Доктор очень хитро улыбнулся ему и сказал:

— Думаю, что человек с таким образованием, опытом и острым мышлением, как у вас, должен был бы знать ответ на этот вопрос. Но коль скоро вы не знаете, то позвольте мне объяснить. Люди прибывают на Землю, чтобы достичь определенных вещей, чтобы изучить определенные вещи, чтобы испытать определенные трудности, дабы очистить и укрепить свою душу или, если угодно, свое Высшее Я. Таким образом, если человек кончает жизнь самоубийством, то это преступление против Программы, против Порядка вещей. И если бы люди смогли понять, сколь естественна смерть и что она есть лишь рождение на новой стадии эволюции, то тогда повсеместно они стали бы желать смерти и цель существования Земли и других миров была бы утрачена.

Конечно, для Алджернона эта мысль была совершенно нова, хотя вполне

¹² Ричмонд-Парк — самый большой городской парк Великобритании, расположен на юго-западной окраине Лондона. — Прим. перев.

логична. Но все же ему чего-то доставало.

— Но тогда правильно ли я понимаю, что страх смерти создается искусственно и является совершенно нелогичным? — спросил он.

— Ну да! — сказал доктор. — Таков уж промысел самой Природы, что каждый должен бояться смерти, каждый должен сделать все, что от него зависит, чтобы его земные испытания продолжались и были доведены до их логического и predeterminedного исхода. Поэтому, если человек кончает с собой, он тем самым расстраивает План. Заметьте, — сказал он, — когда наступает пора естественной смерти, то человек не испытывает страха и обычно не испытывает боли, поскольку людям, живущим в иной сфере астрала, известно, что, когда человек должен умереть — или, как мы говорим, осуществить переход, — в это время у него вырабатывается некая форма потери чувствительности, и вместо мучительных приступов душевных страданий в преддверии смерти его посещают приятные мысли, чувство успокоения, мечты о том, чтобы скорее вернуться в свой Дом.

Алджернон даже вскочил от негодования.

— Но это не так! — сказал он. — Ведь умирая, люди часто бьются в судорогах и испытывают сильнейшую боль.

Доктор печально покачал головой.

— Нет, — сказал он, — вы заблуждаетесь. Когда человек умирает, он испытывает не боль, а освобождение от боли. Тело может биться в судорогах, тело может стонать, но это всего лишь автоматическая реакция некоторых возбужденных нервов. Это ничуть не означает, что человек испытывает боль. Постороннему наблюдателю бывает трудно судить о том, что происходит на самом деле. Сознательная часть организма, которой предстоит осуществить переход, отделяется от физической части, которая является просто чем-то животным. Да вспомните сами! — сказал он. — Ведь совершая самоубийство, вы не испытывали никакой боли, не так ли?

Алджернон глубокомысленно потер подбородок, а затем нерешительно ответил:

— Пожалуй, нет, не испытывал. Я не могу припомнить каких-либо чувств, кроме ощущения сильного холода. А потом — ничего. Думаю, сэр, что вы правы: если вдуматься, то я не чувствовал никакой боли. Я был ошеломлен, я был удивлен.

Доктор рассмеялся и, сцепив руки, сказал:

— Вот тут-то вы и попались! Вы признаете, что не испытывали никакой боли, а между тем вы визжали, как резаный поросенок. А ведь в случае с резаным поросенком происходит всего лишь то, что воздух быстро выбрасывается из легких, сотрясая при этом голосовые связки, в результате чего получается резкий визг. Подобная реакция имела место и у вас — длительный резкий визг, прерванный бульканьем вашей крови, которая в обильном количестве появилась в результате глубокой раны на вашем горле. Именно этот резкий визг заставил несчастную горничную броситься в ванную.

Да, теперь все казалось вполне логичным. Алджернон наконец увидел, что это была не галлюцинация, а факт. И тогда он сказал:

— Но я полагал, что когда человек умирает, то его немедленно забирают на суд Божий. И человек тут же увидит Иисуса, а возможно — и Святую Матерь, а также всех учеников.

Доктор грустно покачал головой и ответил:

— Говорите, вы надеялись увидеть Иисуса? А что, если бы вы были иудеем, если бы вы были мусульманином, если бы вы были буддистом? Вы и тогда ожидали бы увидеть Иисуса? Или вы полагаете, что Небеса разделены на отдельные

государства, куда направляются приверженцы каждой отдельной религии? Нет, все это абсурд, бессмыслица, преступная глупость, а глупые проповедники на Земле просто засоряют людям мозги своими ужасающими легендами. А потом люди приходят сюда и думают, что попали в ад. Нигде НЕТ ада, кроме как на Земле!

Алджернон так и подпрыгнул на месте. Ему показалось, будто все его тело забилося, словно в огне.

— Так значит, я на Небесах? — спросил он.

— Нет, конечно нет, — ответил доктор. — Такого места не существует. Не существует Небес, не существует Ада, но есть Чистилище. Чистилище — это место, где вы искупаете свои грехи, и как раз этим вы сейчас занимаетесь. Вскоре вам придется предстать перед комиссией, которая поможет определить, чем вам лучше заняться, когда вы вернетесь на Землю. Вы должны вернуться на Землю, чтобы жить по разработанному лично вами плану. И сейчас я пришел сюда именно затем,

чтобы посмотреть, готовы ли вы к тому, чтобы быть представленным этой комиссией.

Алджернон испытал приступ страха — словно ледяные пальцы пробежали вдоль его позвоночника. Это звучало хуже, чем армейская медкомиссия, где доктора всегда старались подначить человека. Они задавали самые неприличные вопросы, стараясь выведать его мнение по тому или иному поводу, интересовались его половой жизнью. Они спрашивали, был ли он женат и есть ли у него девушка. Нет, Алджернон не испытывал никакого энтузиазма по поводу предстоящей встречи с комиссией. И что это за комиссия?

— Хорошо, — сказал он, — надеюсь, мне дадут какое-то время, чтобы несколько оправиться от той изрядной травмы, которую я перенес при переходе от жизни к Этому состоянию. Понятно, что я прибыл сюда по своей собственной воле путем самоубийства, которое, как оказалось, является столь ужасным преступлением, но я по-прежнему считаю, что мне должны дать некоторое время, чтобы оправиться и подумать, что я хотел бы делать. И, касаясь этой темы, — сказал он, — я хотел бы спросить: как может самоубийство считаться столь отвратительным преступлением, если люди не знают, что они совершают преступление? Я всегда полагал, что, если человек не сознает, что поступает плохо, он не может быть наказан за такой проступок.

— Что за ерунда! — воскликнул доктор. — Вы уподобляетесь тем своим сородичам, которые думают, что поскольку они происходят из высшего класса, то имеют право на особое мнение. Вы стремитесь всему дать рациональное объяснение. Думаю, этим недостатком страдают все вам подобные. Вы прекрасно знали, что самоубийство совершать нельзя. Даже та особая форма религии, которую вы исповедуете, всегда внушала вам, что самоуничтожение есть преступление против человека, против государства и против церкви.

Алджернон угрюмо сказал:

— А что вы скажете тогда о японцах, которые кончают жизнь самоубийством, когда что-то у них идет не так? Если японец считает, что потерял свое лицо, то он публично потрошит себя. Это самоубийство, не так ли? Он делает то, во что верит, разве нет?

Доктор очень сильно огорчился и ответил:

— Суть вопроса не меняется от того, что в Японии стало национальной традицией уничтожать себя, вместо того чтобы встречать трудности лицом к лицу. Позвольте мне сказать вам, позвольте мне вбить в ваше подсознание ту истину, что самоубийство НИКОГДА не может быть оправдано. Самоубийство — это ВСЕГДА преступление. Для самоубийства не может быть смягчающих обстоятельств. Это

означает, что человек недостаточно развит для того, чтобы продолжить дело, за которое он принялся по своей собственной воле. Но давайте не будем больше тратить время, — сказал он. — Вы здесь не на отдыхе, а для того, чтобы мы помогли вам прожить вашу будущую жизнь на Земле с максимальной пользой. Идемте!

Он резко поднялся и встал над Алджерноном. Тот жалобно пролепетал:

— Так мне что, не дадут даже помыться? Меня так и уволокнут, не дав даже позавтракать?

— Вздор! — раздраженно воскликнул доктор. — Здесь вам не нужна ванна, здесь вам не нужна пища. Вы очищаете себя и питаете себя самой атмосферой. Вы ловчите, задавая этот вопрос, поскольку стараетесь, вести себя не как настоящий мужчина, а как тот, кто хочет уйти от ответственности. Идемте со мной.

Доктор повернулся и направился к двери. Очень, очень неохотно Алджернон медленно встал и последовал за ним. Доктор шел впереди. Они повернули направо и вошли в сад, которого Алджернон прежде не видел. Атмосфера здесь была удивительная: в небе летали птицы, и множество милых животных находилось вокруг. Затем, когда доктор и Алджернон завернули за угол, там оказалось другое строение. Оно напоминало собор и было увенчано высокими шпилями, к нему вела лестница с огромным множеством ступеней. Они поднялись по лестнице и вошли в прохладную тишину громадного здания. Множество людей находилось у входа. Они сидели на удобных скамьях вокруг стен. Здесь в центре вестибюля тоже было нечто вроде круглого стола для приема посетителей. За ним сидели люди намного более старшего возраста, чем все прочие, кого прежде здесь видел Алджернон. Доктор подвел его к столу и сказал:

— Мы прибыли, чтобы предстать перед Консилиумом. Один из помощников поднялся и сказал:

— Прошу следовать за мной.

Доктор и Алджернон направились вслед за помощником, который показывал им дорогу. После короткой прогулки по коридору они повернули налево и вошли в приемную.

Помощник сказал:

— Подождите здесь, пожалуйста.

Сам он прошел дальше, постучал в одну из дверей и вошел, получив позволение. Дверь закрылась за ним, и послышался еле слышный разговор.

Несколько мгновений спустя помощник вышел, оставив дверь открытой, и сказал:

— Вы можете войти.

Доктор вскочил на ноги, взял Алджернона за руку и ввел его в кабинет.

Алджернон невольно замер в изумлении, когда вошел туда. Это была очень большая комната, и в центре ее находился медленно вращавшийся огромный глобус, покрытый голубыми и зелеными пятнами. Инстинктивно Алджернон догадался, что это был глобус Земли. Он был очарован и одновременно заинтригован тем, что этот глобус вращался без всякой видимой опоры. Алджернону вдруг показалось, что он находится в Космосе и наблюдает оттуда Землю, которую освещает невидимое Солнце.

Здесь также был длинный стол, очень тщательно отполированный, с причудливой резьбой, а в конце стола сидел очень старый седовласый мужчина с белой бородой. Он казался добрым, но в то же время производил впечатление человека строгого. Казалось, что, если того потребует ситуация, он может быть очень жестким.

Алджернон окинул комнату быстрым взглядом и увидел еще восьмерых

людей, сидевших за столом. Четверо из них были мужчины, а четверо — женщины. Доктор проводил его к месту в конце стола. Как увидел Алджернон, стол был сделан и установлен таким образом, что все могли видеть его лицо, не поворачиваясь на своих стульях. И он поразился тому мастерству, с каким была решена эта сложная геометрическая задача.

Доктор сказал:

— Это сэръ Алджернон Реджинальд Сент-Клэр де Бонкерс. Мы определили, что он достиг состояния обновления, которое позволит ему воспользоваться вашим советом. Я представляю вам Алджернона Реджинальда Сент-Клэр де Бонкерса.

Тот старец, что сидел во главе стола, сдержанно кивнул, предлагая им сесть. Затем он сказал:

— Алджернон Реджинальд Сент-Клэр де Бонкерс, вы находитесь здесь, поскольку совершили такое преступление, как самоубийство. Вы убили себя, несмотря на разработанные вами планы и вопреки Высшему Закону. Вы хотели бы прежде сказать что-либо в свою защиту?

Алджернон откашлялся и поежился, как от холода. Доктор подался вперед и шепнул:

— Встаньте!

Алджернон неохотно поднялся и довольно дерзко произнес:

— Если я намеревался выполнить какую-то задачу, но независимые от меня обстоятельства не позволили мне этого сделать, то, поскольку моя жизнь является моей собственностью, я имею полное право прекратить ее по своему желанию. В мои планы не входило попасть сюда. Я просто хотел прекратить существование моего «я», — с этими словами он шумно опустил на стул.

Доктор грустно посмотрел на него. Сидевший во главе стола старец смотрел на него с глубокой скорбью, а мужчины и женщины взирали на него с жалостью, как будто они уже слышали все это раньше. Затем старец сказал:

— Вы составили свой план, но ваша жизнь — это не ваша собственность. Ваша жизнь принадлежит вашему Высшему Я, которое вы называете душой, и вы причинили вред вашему Высшему Я, поскольку были упрямы и неразумно лишили свое Высшее Я его оболочки. Из-за этого вы должны будете вернуться на Землю, где вам придется опять прожить целую жизнь и позаботиться о том, чтобы не покончить с собой. Сейчас нам предстоит определить наиболее приемлемое время для вашего возвращения и наилучшие условия для вас. Кроме того, нужно будет найти вам подходящих родителей.

Живо зашелестели бумаги, и один из членов консилиума встал с места и приблизился к глобусу. Несколько мгновений он стоял там, взирая на глобус, но ничего не говоря. Затем, все так же безмолвно, он вернулся к своему месту за столом и сделал несколько записей в своих бумагах.

— Алджернон, — сказал старец, — прибыв на Землю, вы попали в условия чрезвычайного комфорта. Вы родились в семействе из старинного рода, где вам были предоставлены все земные блага. Вам оказывались всяческие почести. Деньги не играли для вас никакой роли. Вам были доступны самые лучшие учебные заведения вашей страны. Но разве вы хоть раз задумались над тем, сколько бед вы натворили в своей жизни? Думали вы о жестокости, о том, как часто вы были грубы со своими слугами? Думали вы о молодых служанках, которых вы совратили?

Алджернон в негодовании вскочил со стула.

— Сэр! — запальчиво воскликнул он. — Мне всегда говорили, что девушки из прислуги существуют для удобства неженатого юноши и служат для него игрушкой, чтобы он мог обучаться взаимоотношению полов. Я не сделал ничего дурного,

независимо от того, сколько служанок я соблазнил! — Он сел, кипя негодованием.

— Алджернон, — сказал старец, — вам лучше, чем кому-либо, известно, что социальный класс в том виде, в каком вы его представляете, является понятием искусственно созданным. В вашем мире если человек имеет деньги или происходит от старинного и знатного рода, то ему делается множество послаблений. Когда же человек беден и вынужден работать на одну из таких семей, то ему не делают никаких поблажек и считают его существом низшего сорта. Вы знаете закон точно так же, как и кто-либо другой, поскольку вы прожили множество жизней и все эти знания хранятся в вашем подсознании.

Одна из сидевших за столом женщин скривила губы так, словно она только что отведала ужасно кислых ягод крыжовника. При этом она недовольно заявила:

— Я прошу занести в протокол мое мнение, что этот молодой человек должен снова начать свою жизнь как представитель менее привилегированной части общества. Раньше у него было все. Я считаю, что он должен начать все сначала в качестве сына мелкого торговца или даже сына пастуха.

Алджернон в ярости вскочил на ноги.

— Как смеете вы говорить подобные вещи! — вскричал он. — Да знаете ли вы, что в моих жилах течет голубая кровь? Известно ли вам, что мои предки участвовали в крестовых походах? Мое семейство — одно из самых знатных.

Его буквально на полуслове оборвал почтенный председатель консилиума, который сказал:

— Ладно, ладно, попрошу не вступать в пререкания. Это вам отнюдь не поможет. Вы лишь усугубите тяжесть своего положения. Мы пытаемся помочь вам, стремясь не увеличивать вашу карму, а уменьшить ее.

— Хорошо! — грубо перебил его Алджернон. — Но я никому не позволю разглагольствовать о моих предках. Я догадываюсь, — сердито направил он палец на недавно говорившую женщину, — что ваши предки заправляли каким-нибудь борделем, служили управляющими в публичном доме или что-то вроде этого. Тьфу!

Доктор крепко сжал руку Алджернона и усадил его на стул, сказав:

— Молчите, вы, шут! Этим вы только делаете себе хуже. Первая заповедь для всякого, кто попадет сюда, состоит в том, чтобы сидеть тихо и слушать, что говорят другие.

Алджернон опустил на стул, думая о том, что и впрямь угодил в чистилище, о чем его уже предупреждали, но затем до него донесся голос председателя, который сказал:

— Алджернон, вы смотрите на нас так, словно мы ваши враги. Но ведь это не так. Поймите, вы прибыли сюда отнюдь не в качестве почетного гостя. Вы находитесь здесь как человек, который совершил преступление, и, прежде чем мы продолжим, я хотел бы прояснить для вас следующее: голубой крови не существует. Не существует таких понятий, как привилегированный класс, каста или статус. Вам просто промыли мозги, и теперь вы находитесь под впечатлением от рассказанных вам легенд и сказок.

Он сделал паузу, чтобы хлебнуть глоток воды, и, окинув взглядом членов комиссии, продолжил:

— Вы должны строго-настрого зарубить себе на носу, что субъекты из многих и многих миров, из многих и многих астральных планов приходят на Землю — в один из низших по своему развитию миров, чтобы учиться через муки, коль они не умеют учиться через добро. И, готовясь ступить на Землю, этот субъект выбирает себе тело, наиболее удобное для выполнения определенной задачи. Если бы вы были театральным актером, то осознали бы, что вы всего лишь человек, актер и что

вас, вероятно, пригласили играть множество разнообразных ролей. И на протяжении жизни вам, как актеру, предстоит облачаться в разные костюмы: скажем — принца, короля или нищего. Играя короля, вам, возможно, придется представить, что в вас течет «королевская кровь», однако это всего лишь игра. И все в театре знают об этом. Некоторые актеры — в том числе и вы — увлекаются игрой настолько сильно, что и впрямь верят, будто они принцы или короли, и ни за что не желают выступать в роли нищих. Если вы прибыли сюда, то не имеет значения, кто вы и каков ваш уровень эволюции, поскольку вы совершили преступление. А самоубийство действительно является преступлением. Вы прибываете сюда для того, чтобы искупить вину за свое преступление. Вы прибываете сюда для того, чтобы совместно с высшими астральными планами и с Землей мы могли решить, каким образом вы сможете искупить эту вину.

Вид у Алджернона был отнюдь не веселый.

— Пусть так, — сказал он, — но откуда мне было знать, что нельзя кончать жизнь самоубийством? И что вы скажете о японцах, которые считают суицид делом чести? — спросил он с прежней агрессией в голосе. Председатель сказал:

— Самоубийство ни в коем случае не может считаться правильным поступком. И столь же неправильно поступают буддийские или синтоистские монахи, когда занимаются самосожжением, выпускают себе кишки либо бросаются вниз со скал. Искусственно созданные законы никогда не смогут поправить законы Вселенной. Но послушайте меня.

Председатель заглянул в свои бумаги и продолжил:

— Вы собирались дожить до определенного возраста, но закончили свою земную жизнь на тридцать лет раньше срока. И поэтому теперь вы должны вернуться на Землю, чтобы прожить там тридцать лет, а затем умереть на Земле. И тогда две жизни — та, которую вы прекратили, и та, которую вам предстоит прожить, — зачтутся вам как одна. И мы назовем эту жизнь... Давайте-ка назовем ее учебной сессией.

Одна из женщин вскинула руку вверх, чтобы привлечь к себе внимание председателя.

— Да, сударыня? — спросил он. — Вы хотели бы что-то добавить?

— Да, сэр, — сказала она, — я думаю, что этот молодой человек не до конца осознает свое нынешнее положение. Он считает, что обладает огромным превосходством над другими. Полагаю, нам следует рассказать ему о тех смертных случаях, причиной которых он стал. Я полагаю, ему бы следовало узнать побольше о своем прошлом.

— Да-да, но как вам должно быть хорошо известно, он сможет увидеть свое прошлое в Галерее Воспоминаний, — несколько раздраженно сказал председатель.

— Но, господин председатель, посещение Галереи Воспоминаний обычно следует позднее, а мы хотели бы, чтобы этот человек благоразумно выслушал нас сейчас, если этот молодой человек вообще способен быть благоразумным, — сказала она, бросив на Алджернона мрачный взгляд. — Я думаю, ему следовало бы получше узнать о своем нынешнем положении.

Председатель вздохнул, пожал плечами и сказал:

— Ну что ж, коль таково ваше желание, то мы изменим ход нашей процедуры. Поэтому я прошу, чтобы этого молодого человека сейчас же доставили в Галерею Воспоминаний. Может, тогда он поймет, почему нас отнюдь не восхищают его своеобразные убеждения.

Послышался шум отодвигаемых стульев, и члены комиссии поднялись со своих мест. И доктор тоже встал, пребывая в некотором смятении. Он сказал:

— Ну что же, Алджернон, ты сам напросился на это. Алджернон с молчаливым негодованием окинул взглядом каждого из присутствующих и прошипел:

— Пусть так, но я не напрашивался приходить сюда. Не понимаю, из-за чего вся эта шумиха. Если я должен вернуться на Землю — так отправьте меня, да и дело с концом.

Председатель сказал:

— Сейчас мы проводим тебя в Галерею Воспоминаний. Находясь там, ты сможешь судить, превышаем ли мы свои полномочия, как тебе могло бы показаться, или, напротив, относимся к тебе снисходительно. Идем! — с этими словами он повернулся и повел присутствующих из огромного зала снова на улицу.

А там было так хорошо! Живая атмосфера, птицы и дружелюбные пчелы, которые с жужжанием пролетали мимо. Здесь не было кусачих и приставучих козявок, но были лишь те насекомые, которые радовали слух звуками, которые можно было бы назвать знакомой музыкой природы.

Председатель и другие члены Совета чинно шествовали впереди.

«Будто школьники на прогулке, — подумал Алджернон. — Что-то мне невесело от такой прогулки!»

Затем, бросив косой взгляд на доктора, он спросил:

— Вас приставили ко мне тюремным надзирателем?

Доктор ничего не ответил. Вместо этого он лишь еще крепче взял Алджернона за руку, и так, вместе, они проследовали дальше.

Вскоре они подошли к другому зданию. При виде него Алджернон воскликнул:

— О, Альберт-Холл¹³! Неужто мы опять вернулись в Лондон? Доктор рассмеялся. Это его действительно позабавило.

— Это не Альберт-Холл, — сказал он. — Обратите внимание на разницу в архитектуре. Эта Галерея ПРЕКРАСНА!

Вместе они вошли в Галерею. Как и говорил доктор, она действительно была прекрасна. Председатель вел их в дальнюю часть Галереи. Судя по времени, в течение которого они находились в пути, Алджернон догадался, что они сейчас были в самом центре здания. Вдруг открыли какую-то дверь, и на мгновение Алджернону стало трудно дышать. Он отскочил от двери с такой прытью, что натолкнулся на доктора, который рассмеялся и сказал:

— О нет, это не край Вселенной, и вы не упадете. Все совершенно нормально. Ну-ка успокойтесь! Ничего опасного не произойдет.

Председатель обернулся к Алджернону и сказал:

— Пройдите вперед, молодой человек, пройдите — вы узнаете, где следует остановиться. И будьте очень внимательны.

Какое-то мгновение Алджернон стоял как вкопанный, и впрямь опасаясь, что он споткнется о край Вселенной и растянется посреди звезд, что были сейчас у его ног. Вдруг, ощутив сильный толчок пониже спины, он двинулся вперед и, сделав шаг, понял, что уже не сможет остановиться.

Алджернон шел вперед, движимый какой-то неведомой силой, природа которой была ему непонятна. Постепенно тени становились все плотнее, пока наконец он не наткнулся на некую явную преграду. Он остановился и замер, хотя понимал, что опять действует вопреки своей воле. Он оглянулся по сторонам,

¹³ Альберт-Холл — большой концертный зал в Лондоне на 8 тыс. мест; круглое кирпичное здание под куполом из стекла и металла; в нем проходят концерты, спортивные мероприятия, митинги и собрания. Построен в 1867-1871 гг. и назван в память принца Альберта, супруга королевы Виктории. — Прим. перев.

пребывая в некотором замешательстве, и тут чей-то голос сказал: «Приступим». И опять, без всяких сознательных усилий со своей стороны, Алджернон подался вперед и прошел сквозь то, что казалось ему непреодолимой стеной. У него вдруг возникло жуткое, леденящее душу ощущение, будто он куда-то падает. Затем Алджернону показалось, будто его освободили от телесной, материальной оболочки. Откуда-то сверху он стал наблюдать за возникшей перед ним сценой. Вот кормилица прижимает к себе младенца, которого только что принесли от его матери. Какой-то свирепого вида джентльмен взглянул свысока на младенца, а затем, резким движением принявшись крутить свой ус, обратился к кормилице:

— Хм-м, отвратительное маленькое существо, не так ли? Он скорее напоминает мокрую крысу, чем того, кого, я надеюсь, можно будет назвать человеком. Ладно, нянька, заберите его.

Сцена закружилась вихрем, а затем Алджернон увидел себя в классной комнате, где с ним занимался репетитор. Алджернон увидел себя, строящего низкие и подлые каверзы своему наставнику, который не мог пожаловаться его отцу, поскольку тот был чрезвычайно деспотичным аристократом. Он считал наставников и гувернанток, как и всех работавших у него людей, своими холопами, которые, по его мнению, были недостойны даже его презрения. Алджернон с ужасом взирал на поступки, которые он некогда совершил и которые теперь заставляли его краснеть.

Затем появилась другая картина. Ему сейчас лет четырнадцать — как он сам определил — где-то между четырнадцатью и пятнадцатью. Он увидел себя, украдкой наблюдающего через щель дверного проема той части их фамильного дома, которая обычно была пустыня. Вот появилась хорошенькая молодая служанка, и Алджернон отпрянул назад. Но как только она прошла мимо двери, он выскочил из своего укрытия, обхватил рукой служанку за горло и поволок ее в комнату. Он быстро запер дверь на ключ и, все еще держа служанку за горло, чтобы она не кричала, сорвал с нее платье. Сейчас Алджернона бросило в жар при мысли о том, что он совершил.

И вот уже новая сцена. Он стоит в кабинете отца. Здесь же находится плачущая служанка. Отец Алджернона крутит усы и слушает то, что говорит ему девушка. Затем он смеется и резко говорит:

— Боже мой, женщина, неужто ты не понимаешь, что юный джентльмен интересуется вопросами секса. А ты думаешь, для чего мы тебя наняли? Если тебя не устраивают подобные мелочи, то изволь убираться вон из моего дома!

Властным жестом он вскинул руку и ударил девушку по лицу. Она повернулась и рыдая выбежала из комнаты. Отец обратился к Алджернону и сказал:

— Х-мм! Так значит, она окропила тебя своей кровью, и теперь ты уже не девственник, а? Молодец. Так держать! Тебе нужно больше практиковаться. Я хочу увидеть множество своих внуков до того, как покину этот мир.

Сказав это, отец жестом позволил Алджернону удалиться.

Одна картина сменялась другой. Итон — студенты на реке занимаются греблей. Оксфорд, армия, солдаты выполняют упражнения, а затем — зарубежный поход. Война с бурами. Алджернон с ужасом всматривался в мелькавшие перед ним эпизоды. Он видел себя отдающим приказы своим солдатам и требующим расстрелять беззащитную перепуганную семью. Эти люди не сделали ничего плохого и были повинны лишь в том, что не понимали по-английски, поскольку говорили на языке африкаанс. Он видел тела, брошенные в придорожную канаву, и себя, жестоко смеявшегося в тот момент, когда юную девушку ударили штыком в живот и отшвырнули в сторону.

Картины шли чередой. Алджернон обливался холодным потом. Его тошнило,

и ему сильно хотелось вырвать, но он не мог. Он видел общее число своих жертв: семьдесят, семьдесят четыре, семьдесят восемь. Семьдесят восемь смертей, а затем, в то самое время, когда он собирался убить свою семьдесят девятую жертву, другой человек — снайпер — вскочил и выстрелил в Алджернона, который после этого перестал быть мужчиной.

Картины все еще мелькали перед его глазами, но Алджернон уже не мог вникать в их смысл. Он пошатнулся и оперся о стену, а затем, сам того не осознавая, без всякого изъявления собственной воли, он вновь оказался в компании доктора и членов Комиссии. Они насмешливо смотрели на него, и лишь на какой-то момент тень сострадания пробежала по лицу председателя. Но он просто сказал:

— Хорошо, давайте вернемся к нашему обсуждению.

Он повернулся и повел присутствующих за собой — из Галереи Воспоминаний обратно в Зал Заседаний.

Когда все вернулись туда, председатель сказал:

— Вы просмотрели фрагменты своей жизни. Вы видели, что, независимо от того, голубая или алая кровь течет в ваших жилах, вы совершили множество преступлений, последним из которых стало самоубийство. Теперь нам предстоит решить, или, вернее, мы должны помочь вам решить, занимаясь каким ремеслом, вы могли бы искупить те преступления, которые совершили во время войны, как и то преступление, что называется суицидом. Есть ли у вас какие-либо мысли по поводу того, кем бы вы хотели быть?

Алджернон испытывал угрызения совести. Он ощутил всю шаткость своего положения. Ему никогда еще не было так тошно. Он обхватил голову руками и облокотился на стол. В зале воцарилось безмолвие. Полное безмолвие. Алджернон сидел и бесконечно долго перебирал в памяти все, что он увидел. Но больше всего ранили его мысли о том, что он совершил. Он размышлял над тем, кем ему быть. Ему подумалось, что он мог бы стать священником, духовником, а возможно, даже епископом. Тогда, благодаря чьей-либо поддержке, он мог бы даже дорасти до архиепископа. Но вдруг непонятно откуда к нему пришло такое сильное чувство отвращения, что он поспешил изменить ход своих мыслей.

Может, ему стать ветеринаром? Но нет — он не настолько сильно любил животных. Да и так ли это почетно — быть ветеринаром? Для человека его круга, думалось ему, стать ветеринаром означало бы упасть в глазах общества.

Вдруг ему показалось, что он слышит тихий смех. Кто-то явно насмеялся над ним. Этот смех намекал на то, что он все еще находится на ложном пути. И тогда он решил, что станет врачом, светским лекарем. Он станет пользоваться знатных людей, и, возможно, за время своей карьеры ему удастся спасти семьдесят или восемьдесят жизней. И тогда, после этой надвигающейся на него жизни, последует другая, которую он начнет с чистого листа.

И тут впервые заговорил один из мужчин:

— На нашем шаре мы можем видеть ваши мысли, — и он указал на придвинутый к столу хрустальный шар, которого Алджернон до этого не видел, поскольку тот был скрыт от его взгляда. Теперь же шар сиял и выявлял все мысли Алджернона. И когда Алджернон покраснел, увидев, что все его мысли очевидны, — вместе с ним покраснел и шар.

Председатель сказал:

— Да, я бы настойчиво рекомендовал вам стать врачом, только отнюдь не светским доктором. Вот такой план я рекомендовал бы принять в вашем случае.

Председатель замолчал ненадолго, порывшись в бумагах, а затем продолжил:

— Вы надругались над жизнью, вы искалечили и изуродовали многих людей.

. Алджернон взвился с места:

— Нет! Я не калечил и не уродовал... Председатель перебил его:

— Да, но по вашим приказам людей убивали, людей калечили и уродовали. И вы несете такую же ответственность, как и те люди, которые непосредственно совершали эти преступления. Но вам надлежит выслушать меня, и выслушать внимательно, поскольку я не стану повторять сказанного дважды. Вы станете доктором, но только доктором, который будет лечить людей, живущих в бедном районе. Таким образом, вы будете лечить бедняков. И жизнь свою вы начнете в бедности, теперь уже будучи не аристократом, а человеком, которому придется самому торить свой жизненный путь. А на тридцатом году ваша жизнь закончится, и вы вернетесь сюда, если вновь совершите самоубийство. А если нет — тогда вы перейдете на более высокий астральный план, где вас подготовят исходя из того уровня, которого вы достигнете в жизни, которая вам сейчас предстоит.

В течение некоторого времени велась оживленная дискуссия, после которой председатель ударил молотком по столу и сказал:

— Мы соберемся на следующее заседание, чтобы утвердить кандидатуры ваших будущих родителей, определить регион и дату вашего рождения. А пока вы можете вернуться в Дом Покоя. В заседании объявляется перерыв.

Алджернон и доктор угрюмо брели по дорожкам парка. Никто из них не проронил ни слова. Придя в Дом Покоя, доктор нашел там для Алджернона подходящую комнату и сказал:

— Я вернусь за вами позже. Так мне было приказано.

Едва заметно кивнув, он повернулся и вышел. А Алджернон остался сидеть на стуле, обхватив голову руками. Являя собой запечатленное страдание, он размышлял обо всем увиденном и обо всем содеянном. И ему подумалось:

— Да, если это — чистилище, то слава Богу, что нет ада!

ГЛАВА ПЯТАЯ

Алджернон ерошил пальцами волосы на своей голове. Он чувствовал себя совершенно несчастным. Да, пускай он совершил самоубийство. Хорошо, он сделал это и сейчас расплачивался за содеянное, а вскоре ему предстоит заплатить еще. Он сидел и думал о том, когда же будет конец его мучениям и каким будет этот конец. Он перебирал в своей памяти все, что произошло с ним с тех самых пор, когда он прибыл в этот чистилищный план астрала.

— Так значит, аристократом быть нехорошо, так? И иметь в своих жилах голубую кровь — это плохо, да? — шептал он, исподлобья уставившись в пол. Внезапно он вздрогнул оттого, что дверь его комнаты открылась. Увидев, что к нему пришла самая хорошенькая медсестра из всех, каких ему приходилось видеть, он встал, и лицо его просияло, подобно утреннему солнцу.

— Ах! — обрадовался он. — Должно быть, Ангел явился, чтобы забрать меня из этого мрачного места!

Он посмотрел на медсестру с нескрываемым восторгом:

— Этакая красота — и в таком месте! Что вы здесь...

— Прекратите! — сказала медсестра. — У меня стойкий иммунитет против вашей лести. Все вы мужчины одинаковы, и все думаете об одном и том же, когда попадаете на этот астральный план. И должна вам сказать, что мы, женщины, изрядно устали от вашего флирта.

— Сядьте, — приказала она. — Я должна переговорить с вами и отвести вас в другое место. Но прежде я хотела бы знать, что это вы там бормотали, когда я

вошла.

— Только после вас, мисс, — со всей галантностью сказал Алджернон. Сестра уселась, и Алджернон поторопился придвинуть свой стул поближе к ней. Он сильно обиделся, когда она передвинула свой стул так, что теперь они сидели напротив друг друга.

— Итак, Пятьдесят-Три, — сказала она. Алджернон поднял руку:

— Ошибаетесь, мисс. Я не Пятьдесят-Три. Меня зовут Алджернон Реджинальд Сент-Клэр де Бонкерс, — сказал он.

Сестра выразительно хмыкнула и покачала головой.

— Не глупите, — ответила она, — вы не на сцене, а здесь, на этом астральном плане, в антракте между действиями, так сказать.

Она выставила вперед ладонь, чтобы удержать его от реплик, а затем сказала:

— Есть две вещи, которые я хотела бы вначале сообщить вам. Первое: здесь вы не Алджернон Как-вас-там, а Номер Пятьдесят-Три. Здесь вы что-то вроде каторжника. Вы признаны виновным в преступном суициде, и на это указывают последние две цифры вашей основной частоты — пятьдесят три.

Бедный Алджернон был ошеломлен.

— Основная частота? — спросил он. — Боюсь, то, что вы говорите, находится где-то вне моего разумения. Я не имею ни малейшего представления о том, о чем вы говорите. Меня зовут Алджернон, а не Пятьдесят-Три.

— Вам придется многому научиться, молодой человек, — несколько резковато возразила сестра. — Оказывается, вы потрясающе невежественны для человека, который претендует на присутствие у него королевской крови. Но давайте прежде разберемся с этим. Кажется, вы полагаете, будто если некий принятый на Земле документ признает в вас титулованную особу, то вы сохраните ваш титул и здесь? Так нет же, не сохраните!

— Ах! — взорвался Алджернон. — Да вы, я вижу, коммунистка или что-то вроде того. Вы поддерживаете позиции коммунистов, если считаете, что никто не имеет права на особый статус, что, мол, все люди равны!

Сестра лишь развела руками, вздохнула и устало сказала:

— Вы и в самом деле невежда. Я докажу вам здесь и сейчас, что коммунизм — это преступная идеология, по крайней мере столь же преступная, как и суицид, потому что в то время как самоубийца убивает одного себя, то коммунизм — это преступление против целого народа, преступление против человечества. Коммунизм фактически есть раковая опухоль на теле мира. Мы не поддерживаем коммунистических идей, и рано или поздно коммунизм будет искоренен, поскольку он основан на ложных предпосылках. Но мы отклонились от темы нашего разговора.

Она поискала что-то в тех бумагах, что были у нее в руках, а затем, глядя прямо в глаза Алджернону, сказала:

— Нам придется отвлечь вас от ужасной мысли о том, что если вы были когда-то титулованной особой, то останетесь ею навсегда. Давайте посмотрим на тот порядок вещей, который сложился на Земле. Вспомните об авторе многих пьес, который некогда жил в этом мире и которого звали Шекспир. Его пьесы всем очень хорошо знакомы, и люди играют те роли, которые он написал. Иногда в этих пьесах изображается какой-нибудь злодей, а иногда — король. Но я хочу подвести вас непосредственно к мысли о том, что люди посмеялись бы, узнав, что какой-то актер, играющий короля в трагедии «Гамлет», весь остаток своей жизни воображал себя королем. Люди приходят на Землю, чтобы сыграть свою особую роль в спектакле жизни, что позволит выучить уроки, которые им необходимо познать. Познав эти

уроки и вернувшись в астральный мир, они, конечно же, избавляются от своей воображаемой личности, возвращаясь к своей естественной личности, которая определяется их Высшим Я.

Алджернон, а отныне Пятьдесят-Три, ответил, поежившись:

— Боже мой, Боже мой! Для меня нет ничего отвратительней, чем женщина — синий чулок. Когда красивая девушка начинает учить меня уму-разуму, это убивает во мне все мои побуждения.

— Вот и прекрасно! — сказала медсестра. — Ваши побуждения были мне неприятны, а теперь я ужасно рада, что остудила ваш похотливый пыл.

Она опять заглянула в свои записи, видимо, сверяя один документ с другим, а затем сказала:

— Вас направили не в тот Дом Покоя. Мне придется сопроводить вас в другое место, где пациентов содержат не столь долго, как здесь, поскольку в самом ближайшем будущем вам предстоит вернуться на Землю. Можно сказать, что здесь вы просто транзитный постоялец, и единственное, что мы можем для вас сделать, — это поскорее отправить дальше. Прошу вас следовать за мной.

С этими словами она встала и направилась к двери. Пятьдесят-Три, или бывший Алджернон, бросился вперед и с едва заметной насмешкой распахнул перед нею дверь:

— После вас, мадам! После вас, — произнес он.

Медсестра с достоинством прошествовала через дверь и столкнулась лицом к лицу с доктором, который как раз собирался войти.

— Ой, простите, доктор! Я не заметила вас, — воскликнула сестра.

— Ах, ничего, ничего страшного, сестра. Я прибыл, чтобы забрать Номер Пятьдесят-Три, поскольку члены Комиссии желают видеть его снова. Но, может, вы хотели бы что-то ему сказать, прежде чем он уйдет?

Медсестра улыбнулась доктору и ответила:

— Нет, я буду рада избавиться от него. Для человека в его положении у него чересчур цветущий вид. Я пытаюсь объяснить ему, что голубая кровь для нас не имеет значения, хотя она несколько лучше, чем кровь коммуниста. Но доктор, — быстро проговорила сестра, — после того как Комиссия закончит работу, ему придется направиться в Дом Транзитных Постояльцев. В распоряжениях обнаружилась путаница, и я полагаю, что именно поэтому он попал сюда. Вы проследите, чтобы его доставили в Дом Транзитных Постояльцев?

Доктор кивнул и сказал:

— Хорошо, сестра, я займусь этим. Затем он кивнул Пятьдесят-Три и сказал:

— Следуйте за мной. Мы уже опаздываем.

Сказав так, он повернулся и повел Алджернона (?) — нет, Номер Пятьдесят-Три — по коридору, которым они еще не ходили. По дороге наш бедняга, который выглядел совершенно удрученным, бормотал:

— Чистилище? Да, это истинное чистилище. До того как выбраться отсюда, я стану на несколько дюймов короче. Бродя по этим коридорам, я запросто могу истереться до самых коленок!

Доктор, который слышал его бормотанье, весело рассмеялся и остроумно заметил:

— Да, вы действительно станете намного короче, когда отправитесь отсюда, поскольку станете младенцем В утробе своей матери!

Доктор и Пятьдесят-Три свернули в длинный коридор. Два охранника сидели по обеим сторонам от входа. Один из них слегка кивнул доктору и спросил:

— Это Пятьдесят-Три?

— Да, это он, — сказал доктор. — Вы и будете сопровождать нас? Тот из охранников, что был справа, поднялся и ответил:

— Я пойду с вами. Пожалуй, не стоит тратить времени, не так ли?

Повернувшись, он бесшумно, но довольно быстро зашагал по коридору. Пятьдесят-Третьему и доктору пришлось прибавить шагу, чтобы угнаться за ним. Так они шли довольно долго. Пятьдесят-Три ужаснулся, когда обнаружил, что, хотя они прошли столь большой путь, коридор тянулся и тянулся бесконечно. И вот — хоть какое-то разнообразие: коридор разветвлялся. Охранник, или сопровождающий, — Пятьдесят-Три так и не понял, кто это был, — направился в левую часть коридора и, пройдя еще немного, вежливо постучал в дверь и отошел в сторону.

— Войдите, — послышался голос, и охранник быстро распахнул дверь, после чего доктор, Пятьдесят-Три, а за ними и сам охранник вошли в комнату, причем последний плотно закрыл за собой дверь.

— Проходите и садитесь сюда, пожалуйста, — сказал кто-то. Пятьдесят-Три прошел вперед и занял указанное ему место.

— Теперь мы должны поговорить о вашем будущем. Мы хотим, чтобы вы как можно быстрее вернулись на Землю в срок, соответствующий женским биологическим функциям! — произнес голос.

Пятьдесят-Три огляделся вокруг — он был буквально ослеплен ярким светом, что был в этом здании. Само здание было светлым, и к тому же его освещало множество мерцавших свечей, расставленных повсюду. Он с удивлением заметил, что одна из стен оказалась сделанной из матового стекла. По стеклу время от времени пробегали мерцающие разноцветные огоньки. Подобной комнаты он никогда раньше не видел. В ней ощущалась какая-то больничная строгость. Цвет ее был не белым, но имел чрезвычайно успокаивающий зеленоватый оттенок. Вокруг него сидели пять или шесть — он не смог сосчитать точно — других людей, одетых в зеленоватые халаты. Для него было весьма затруднительно определить, сколько всего людей было в комнате, поскольку время от времени одни входили в нее, а другие выходили. Но у него не было времени обращать внимание на мелочи, поскольку первый из присутствующих вновь обратился к нему:

— Я очень внимательно просмотрел и изучил всю предоставленную мне информацию и очень тщательно исследовал ваше прошлое. Я имею в виду то время, которое предшествовало вашему прибытию на Землю. И я нахожу, что, хотя вы преуспели на Земле, однако нравы и воспитание, приобретенные вами в реальной жизни, привели вас к неудаче, что стало причиной преступного самоубийства. Поэтому сейчас мы хотели бы помочь вам.

Пятьдесят-Три выглядел очень раздраженным. Он не смог удержаться от гнева:

— Помочь мне? Валяйте, помогайте! С тех пор как я оказался здесь, меня все критикуют. Меня ругают чуть ли не за каждый мой шаг. Мне ставят в вину, что я принадлежал к высшему классу, и в то же время осуждают мои слова о том, что, пожалуй, мне следовало быть коммунистом. ЧЕМУ же мне верить? Если я прибыл сюда за наказанием, то отчего же вы медлите?

Стройный пожилой седовласый мужчина, сидевший напротив Пятьдесят-Три, казался удрученным и полным сочувствия.

— Я искренне сожалею, что вы так считаете, — сказал он. — Такое ваше отношение чрезвычайно все усложняет. Мы делаем вывод, что, если бы вы вернулись на Землю для исполнения своей роли в столь возбужденном состоянии, это повредило бы вашей психике. Поэтому в момент вашего прибытия на Землю мы

вынуждены будем поместить вас в обстановку чрезвычайной бедности. В противном случае вы сделаетесь совершенно несносным и станете передавать ложную информацию о своих ощущениях вашему Высшему Я. Вам понятно, о чем я говорю? — спросил он.

Пятьдесят-Три сердито посмотрел на него и возразил:

— Нет, совершенно непонятно. Я просто не могу уразуметь, что такое это ваше «Высшее Я» и все такое прочее. Все, что мне здесь приходилось слышать, — это сплошная тарабарщина, и я не чувствую за собой никакой вины. А раз так, то, согласно английскому законодательству, я не совершил ничего плохого!

Пожилой мужчина еще больше утвердился в своем решении. Ему показалось, что этот человек — этот Номер Пятьдесят-Три — все усложняет лишь для того, чтобы все усложнить.

— Вы совершенно заблуждаетесь, ссылаясь на английский закон, — сказал этот следователь. — Поскольку если бы вы разбирались в английском законодательстве, то должны были бы знать, что одна из его статей гласит: незнание законов не освобождает от ответственности. Следовательно, нарушая законы Англии, а затем, утверждая, что вы не знали о существовании того или иного закона, вы все равно виновны, поскольку должны были знать о существовании такого закона. И, пожалуйста, не пытайтесь мне грубить, потому что я — один из тех, в чьих руках находится ваша судьба. А если вы будете и в дальнейшем противиться нам, то мы создадим для вас еще более жесткие условия. Просто примите это к сведению и укротите свой буйный нрав.

Это было сказано таким тоном, что Пятьдесят-Три дрогнул и понял, что проиграл. Он сказал:

— Сэр, но что мне делать, если вы употребляете такие термины, которые мне непонятны? К примеру, что такое «Высшее Я»?

— Позднее, — сказал следователь, — вам объяснят все это. А пока будет достаточно, если я скажу, что Высшее Я — это то, что вы называете своей вечной, бессмертной душой. А сейчас вы всего лишь марионетка или отросток-псевдоподия вашего Высшего Я, облеченная в материальную субстанцию с целью обучения путем тяжелых физических испытаний, ощущения которых недоступны самому Высшему Я, поскольку само оно воспринимает только очень высокие частоты.

Бедный Пятьдесят-Три почувствовал, что у него кружится голова. Он ровным счетом ничего не понял, но решил, что поскольку ему разъяснят все позже, то сейчас, чтобы ускорить процесс, ему нужно просто слушать. Поэтому он тупо кивал всякий раз, когда следователь вопросительно поднимал на него свои брови.

Следователь, которого уместнее было бы назвать советником, посмотрел в свои бумаги, а затем сказал:

— Вы должны будете вернуться на Землю как дитя бедных родителей, не имеющих никакого социального статуса, поскольку очевидно, что та роль, которую вы исполняли в вашей предыдущей жизни, сильно исказила ваш образ мыслей и ваши чувства. Мы намерены предложить вам — а вы имеете право отказаться — родиться в семье, проживающей в Лондоне, в районе, известном как Тауэр-Хамлетс¹⁴. В этом районе, неподалеку от Уаппинг-Хай-Стрит, проживают вполне подходящие для вас родители. Вы получите то преимущество, что будете рождены рядом с лондонским Тауэром, Монетным двором и знаменитым портовым районом, где царит жуткая нищета и страдания. Здесь, если вы согласитесь, а также если у вас хватит моральной и духовной стойкости, вы можете начать свою карьеру терапевта

¹⁴ Тауэр-Хамлетс — один из рабочих районов лондонского Ист-Энда; в этом районе находилось большое число промышленных предприятий. Застроен старыми домами. Район примыкает к Тауэру. — Прим. перев.

или хирурга. И, спасая жизни людей, которые будут вас окружать, вы сможете искупить те жизни, что были загублены вами или при вашем участии. Но вы должны принять решение быстро, поскольку те женщины, которых мы выбрали в качестве ваших потенциальных матерей, уже беременны, а значит, нам нельзя терять времени. Позвольте, я покажу, где будет место вашего действия.

Он обернулся и взмахнул рукой, указывая на ту стену, которая, как показалось Пятьдесят-Три, была сделана из матового стекла. И тогда, словно по команде, стена ожила и расцвела множеством красок. И Пятьдесят-Три смог увидеть на ней тот район Лондона, который он почти совсем не знал. Река Темза и мосты над ней появились на экране, и вот, наконец, показался сам лондонский Тауэр. Пятьдесят-Три сидел и словно зачарованный наблюдал столь милые сердцу картины и людей, что были на улицах. Он удивился, увидев вагоны, которые двигались без помощи лошадей. И вообще он заметил, что транспортных средств на конной тяге было очень и очень мало. На его изумленный возглас советник сказал:

— Ах, да, гужевой транспорт уже почти полностью исчез. Много изменилось с тех пор, когда вы там были. Как видите, вы провели у нас достаточно много времени. Вы находились в бессознательном состоянии около трех лет. За это время появилась автотехника: автобусы, грузовики и легковые автомобили. Казалось бы, все к лучшему, но лично я сожалею о том, что лошади покидают эти улицы.

Пятьдесят-Третий вновь взглянул на экран. Мидл-Стрит, Шадвелл, Ист-Смитфилд, Хайвей, Томас-Мор-Стрит, Сент-Кетринз, Уапдинг-Хай-Стрит и Уапдинг-Уолл.

Советник сказал:

— Итак, у нас имеется пять беременных женщин. Я хотел бы, чтобы вы выбрали себе место жительства в районе, который был вам указан. Одна из женщин состоит в браке с владельцем таверны, или проще говоря, с трактирщиком. Вторая из них — жена зеленщика. Третья — супруга торговца скобяными изделиями. Четвертая замужем за водителем автобуса. А пятая тоже владеет чем-то вроде постоянного двора. Я сказал тоже, потому что первая, как вы помните, жена хозяйина таверны. Ну а теперь вам дается право выбирать, и никто не станет оказывать на вас никакого давления. Я могу предоставить вам список, и у вас будет двадцать четыре часа, в течение которых вы сможете поразмыслить над этим вопросом. А если вам потребуется какой-либо совет, то вам достаточно лишь попросить об этом.

Пятьдесят-Три откинулся на спинку стула перед мелькающими на стене живыми картинами, вглядываясь в шагающих по улицам людей и рассматривая те странные костюмы, которые вошли теперь в моду у женщин, изумляясь при виде безлошадных повозок, что сновали вдоль улиц, дивясь той большой стройке, которая развернулась вокруг. Вдруг он обратился к советнику и попросил:

— Сэр, я бы действительно просил вас познакомить меня с десятью людьми — с пятью отцами и с пятью матерями, — из которых я должен буду выбрать себе родителей. Я хотел бы их видеть. Я также хотел бы ознакомиться с обстановкой в их семьях.

Советник — или следователь — медленно и печально покачал головой:

— Ах, мой друг, — горестно сказал он, — эту просьбу я не в силах исполнить, поскольку мы никогда, никогда не делаем такого. Мы можем лишь предоставить вам некоторые данные, чтобы вы могли сделать свой выбор. Вам не позволено видеть ваших родителей, поскольку это было бы вторжением в их личную жизнь. Сейчас я предлагаю вам вернуться в Дом Транзитных Постояльцев, где вы могли бы все это обдумать.

С этими словами он слегка поклонился доктору и Пятьдесят-Треть-ему, собрал

свои бумаги и покинул комнату. Доктор сказал:

— Идемте, нам пора, — и поднялся с места.

Пятьдесят-Три неохотно встал и вышел из комнаты вслед за ним. Сопровождаемые охранником, они двинулись обратно. Вместе они шли по тому же самому коридору, который и раньше был бесконечным, а сейчас казался еще длинней.

Наконец они вновь оказались на улице, и Пятьдесят-Три сделал глубокий вдох, впуская в себя энергию и жизнь.

Охранник оставил их, чтобы вернуться на свой пост, а доктор и Пятьдесят-Три продолжили свой путь к довольно унылому серому зданию, которое Пятьдесят-Три мельком видел раньше, но оставил его без внимания. Они вошли в парадную дверь, и служащий за стойкой кратко сообщил:

— Третья слева, — больше он не проявил к ним никакого интереса.

Они подошли к «третьей слева» и оказались в пустынной комнате. Здесь была кровать, стул и маленький столик, на котором Пятьдесят-Три с любопытством заметил большую папку с вытисненной на ней цифрой 53.

— Вот мы и пришли, — сказал доктор. — Теперь у вас есть двадцать четыре часа, в течение которых вы можете обдумать свое решение, после чего я зайду за вами, а там поглядим, что будет. Да, к тому же нам нужно будет подготовить вас к отправке на Землю. Счастливо оставаться!

Доктор повернулся и вышел из комнаты, закрыв за собой дверь, оставив за нею Пятьдесят-Третьего, который печально стоял посреди комнаты и нерешительно ощупывал пальцами кипу листов, лежавших в папке под номером 53.

Пятьдесят-Три посмотрел исподлобья на закрытую дверь и заложил руки за спину. Свесив голову на грудь, он все шагал, шагал и шагал по комнате. Час за часом он расхаживал по комнате, а затем, совершенно разбитый, опустился на стул и стал хмуро всматриваться в окно.

— Пятьдесят-Три, да? — пробормотал он, обращаясь к себе. — Номер присвоили, как арестанту. И все из-за одного неверного шага, который мне казался правильным. Зачем мне было жить, если я не чувствовал себя ни мужчиной, ни женщиной?

Он положил свой подбородок на ладони, скрестив под собою ноги. Вся его поза воплощала в себе истинное страдание. Но вдруг он подумал:

— А был ли я **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** уверен в том, что поступаю правильно? Возможно, что кое в чем они все-таки правы. Должно быть, тогда я поддался чувству жалости к самому себе, а теперь мне присвоили номер, как какому-нибудь узнику Дартмура¹⁵, и еще требуют, чтобы я решил, кем мне быть в следующей жизни. Я не знаю, кем хочу быть! Да и какой в этом толк? Видимо, придется мне опять покончить со всем этим.

Он вскочил на ноги и, подойдя к окну, решил, что было бы неплохо прогуляться по парку. Он осторожно толкнул раму. Окно подалось и легко распахнулось. Он шагнул наружу, и ему показалось, что он ступил на невидимую резиновую ленту. Эта лента прогнулась, защищая его от падения, а затем, к его удивлению, спружинила и вернула его обратно в комнату.

— Значит, все-таки узник? — подумал он про себя и опять опустился на стул.

Час за часом он сидел и думал, размышлял, сомневался, пребывая в полной нерешительности.

— Я-то думал, что после смерти попаду прямо на Небо, — сказал он себе и тут

¹⁵ Дартмур — тюрьма, построенная в 1809 первоначально для французских военнопленных в районе Дартмур, в графстве Девоншир. — Прим. перев.

же добавил: — Нет, пожалуй, я даже не думал об этом. Я не знал, о чем думать. На моих глазах умерло столько людей, но я ни разу не видел, чтобы кого-то из них покидала душа. Поэтому я решил, что жизнь после смерти и все прочее, о чем так много болтают, — это абсолютная чушь.

Он снова вскочил на ноги и стал ходить по комнате из конца в конец, не переставая думать и неосознанно говорить с собой:

— Помнится, как-то вечером, во время мессы, мы рассуждали об этом, и капитан Бродбриджиз выразил твердую уверенность в том, что когда человек мертв — так он мертв, и все тут. Он говорил, что ему не раз доводилось видеть, как убивали мужчин, женщин, детей и лошадей, но, по его утверждению, он ни разу не видел, чтобы душа исходила из мертвого тела и возносилась к небесам.

Оком своего сознания он вновь обзирал годы своей жизни в Англии в ту пору, когда он был еще школьником, а также то время, когда он был еще кадетом военного училища. Он видел себя новоиспеченным офицером, гордо садящимся на корабль, чтобы отправиться на войну с «голландцами». Он называл буров «датч», поскольку они составляли отдельную этническую группу¹⁶. Но теперь, оглядываясь назад, он понимал, что буры были обычными фермерами, которые сражались за то, что считали своим правым делом, — за свободу жизненного выбора и за избавление от английского господства.

Дверь отворилась, и вошел человек, который сказал:

— Я полагаю, Номер Пятьдесят-Три, что вам нужно немного отдохнуть. Вы просто изводите себя бесконечным хождением. Через несколько часов вас ожидает труднейшее испытание. Чем лучше вы сейчас отдохнете, тем легче вам будет потом.

Пятьдесят-Три медленно повернулся к нему и по-военному четко сказал:

— Убирайтесь!

Человек пожал плечами, повернулся и вышел из комнаты, а Пятьдесят-Три продолжал размышлять и мерить комнату шагами.

— Что же они все твердили о Царствии Небесном? — говорил он себе. — Эти проповедники так любили разглагольствовать об иных домах, иных планах бытия, об иных формах жизни. Помнится, наш капеллан рассказывал, что до появления на земле христианства каждый человек был обречен на проклятие, на вечные страдания, на вечные муки и что только римские католики могут попасть на Небеса. Интересно, сколько времени существует мир и зачем было проклинать всех людей, живших до христианства, если они просто не знали, что могли бы спастись?

Раз — два, раз — два: он все вышагивал по комнате вперед и обратно, еще и еще — и так без конца. Он подумал, что если бы сейчас ему пришлось шагать и толкать колесо какой-нибудь мельницы, то он наверняка отмахал бы уже несколько миль. По крайней мере, это было бы куда тяжелее, чем просто расхаживать по комнате.

В конце концов, злой и расстроенный, он упал на кровать и растянулся на ней. На этот раз темнота не опустилась на него. Он просто лежал и чувствовал себя полным ненависти, горькой обиды, и горячие соленые слезы внезапно потекли из его глаз. Сперва он яростно вытирал их кулаками, а потом отвернулся и зарыдал, уткнувшись лицом в подушку.

Должно быть, миновала не одна вечность, пока наконец в дверь постучали. Но он не ответил. Стук повторился, и он опять не ответил. После долгой паузы дверь медленно открылась, и на пороге появился доктор. Он глянул на Пятьдесят-

¹⁶ Буры — голландские колонисты в Южной Африке, а также их отпрыски и потомки. «Датч» [Dutch] по-английски — голландцы. — Прим. перев.

Третьего и молвил:

— Вы готовы? Двадцать четыре часа истекли. Пятьдесят-Три опустил одну ногу с кровати, а затем вяло поставил

рядом другую. Наконец он медленно сел.

— Вы решили, в какую семью вам идти? — спросил доктор.

— Нет, черт возьми, нет. Я даже не думал об этом.

— Ах, так значит, вы решили драться до конца, да? Что ж, нам, знаете ли, все равно, поверите вы или нет, но мы в самом деле хотим вам помочь. И если вы в силу своей медлительности упустите этот случай, то с каждым разом ваша возможность выбора будет уменьшаться, поскольку семей будет оставаться все меньше и меньше.

Доктор подошел к столу, взял в руки папку с цифрой 53 и лениво перелистал ее.

— Вы можете выбирать из пяти указанных здесь семейств, — сказал он, — тогда как некоторые вовсе не имеют выбора. Позвольте мне кое-что сказать вам, — он непринужденно откинулся на спинку стула и, закинув ногу на ногу, пристально посмотрел на Пятьдесят-Третьего.

Затем он сказал:

— Вы — как то капризное дитя, что дает волю своей незрелой ярости. Вы совершили преступление, вы испортили свою жизнь. Сейчас вам придется заплатить за это, и мы пытаемся сделать так, чтобы эта плата была наиболее приемлемой для вас. Но если вы не станете нам содействовать, если вы и впредь намерены вести себя как избалованный ребенок, то, в конце концов, у вас не останется никакого выбора. Тогда может статься, что вы найдете свое призвание в роли сына какого-нибудь привилегированного семейства из Момбасы¹⁷ или, возможно, станете дочкой в семье из Калькутты. Девочки в Калькутте ценятся мало. Люди желают иметь мальчиков — они служат опорой семьи. А если вы станете девочкой, то вас, скорее всего, отдадут сутенерам, которые сделают из вас проститутку или же просто продадут в рабство.

Бедный Пятьдесят-Три, вытянувшись, присел на край кровати. Его пальцы крепко вцепились в ткань матраца, рот открылся, а глаза широко распахнулись. Сейчас он очень напоминал затравленного зверя, которого только что поймали и впервые посадили на цепь. Доктор взглянул на него, но ему показалось, что Пятьдесят-Три его не видит и не слышит.

— Если вы станете упорствовать, проявляя свое глупое непокорство, то этим вы лишь усложните нашу задачу, и тогда нам, возможно, ничего не останется, как отправить вас на какой-нибудь остров, где живут одни прокаженные. Вам все равно придется прожить те тридцать лет, которых вы избежали прежде. Иного пути у вас нет. Это неизбежно. Таков Закон Природы. Так что лучше вам поскорее прийти в себя.

Пятьдесят-Три сидел почти недвижимо. Тогда доктор встал, подошел к нему и шлепнул его по лицу — сначала по одной щеке, а затем по другой. Пятьдесят-Три гневно вскочил на ноги, а затем снова рухнул на кровать.

— Хорошо, но что же я МОГУ поделать? — спросил он. — Ведь меня возвращают на Землю, чтобы я стал частью какой-то невероятно примитивной формы жизни. Я не привык существовать, занимая столь низкое положение в обществе.

Доктор выглядел очень печальным. Неожиданно он сел на кровать рядом с Пятьдесят-Три и сказал:

¹⁷ Момбаса — город в Кении. — Прим. перев.

— Пойми, мой мальчик, ты совершаешь большую ошибку. Представь, если бы ты был сейчас на Земле и принадлежал к сословию театральных актеров. Предположим, тебе поручили бы играть роль Короля Лира, или Гамлета, или кого-то вроде них. Допустим, что тебе представилась бы такая возможность. Однако, когда пьеса будет сыграна, когда публика разойдется и продюсеры решат ставить новую пьесу, должен ли ты настаивать тогда, чтобы тебе дали роль Короля Лира, Отелло или Гамлета? Что, если тебе предложат сыграть, к примеру, Горбуна из «Собора Парижской Богоматери», или Фальстафа, или кого-нибудь рангом пониже? Станешь ли ты говорить тогда, что эти роли недостойны того, кто некогда играл Короля Лира, Гамлета и Отелло?

Доктор умолк. Пятьдесят-Три сидел на кровати и бездумно царапал пол ковриком, на который он наступил ногой. Наконец он сказал:

— Но ведь это же не спектакль. Я ведь жил на Земле. Я принадлежал к высшему обществу. А теперь вы хотите, чтобы я стал... Кем вы хотите, чтобы я стал? Сыном трактирщика? Водителя автобуса? А может, кем-нибудь еще?

Доктор вздохнул и сказал:

— Вы были посланы на Землю для того, чтобы прожить свою роль. Вы сами выбрали себе те условия, в которых могли бы сыграть свою роль наилучшим образом. Что ж, вы потерпели неудачу. Ваш номер не удался, и теперь вы попадете в совершенно другие условия. У вас есть выбор. Точнее сказать, у вас есть пять вариантов, из которых можно выбирать. Некоторые не имеют права выбора вовсе.

Вскочив на ноги, он сказал:

— Идемте! Мы и так потратили массу времени, а члены комиссии не терпят опозданий. Следуйте за мной.

Он направился к двери, но затем импульсивно вернулся обратно к столу и забрал папку, отмеченную цифрой 53. Зажав ее в левой руке, в своей правой он схватил Пятьдесят-Три за локоть и грубо потряхнул его.

— Идемте! — сказал он. — Будьте мужчиной. Вы постоянно думаете о том, что, будучи офицером, вы считались важной персоной. Должно быть, настоящий офицер и джентльмен не стал бы вести себя как трусливый слюнтяй, в которого вы превратились?

С угрюмым видом Пятьдесят-Три встал на ноги, и они направились к двери. Выйдя за порог, они наткнулись на человека, который шел по коридору им навстречу.

— Ах, вот вы где! — сказал он. — А я пришел узнать, что случилось. Я решил, что наш друг настолько обессилел от горя, что не может встать с постели.

— Терпение, мой друг, терпение, — заметил доктор. — В данном случае нам следует быть терпимее.

Вместе трое направились вдоль коридора, вновь через тот самый длинный туннель — мимо бдительных стражей, которые на этот раз просто внимательно посмотрели на них, после чего они подошли к двери.

— Войдите, — сказал голос, и трое мужчин вошли в комнату. На этот раз во главе стола сидел престарелый седой мужчина, а по обеим сторонам от него были еще двое — мужчина и женщина, одетые в длинные зеленые одежды. Они все втроем повернулись, глядя на вошедшего в комнату Пятьдесят-Три. Человек, сидевший во главе стола, приподнял брови и сказал:

— Ну что, вы решили, кем хотели бы стать?

Доктор подтолкнул Пятьдесят-Третьего, который продолжал стоять в угрюмом молчании.

— Говорите, — шепнул он. — Неужто вы не видите, что они теряют терпение?

Пятьдесят-Три выступил вперед и, не дожидаясь приглашения, плюхнулся на стул.

— Нет, — сказал он. — Как же я могу решить? Мне почти ничего не известно об этих людях. Я не имею ни малейшего понятия о том, с какими условиями мне придется столкнуться. Я знаю лишь, что трактирщик мне совершенно неприятен, однако возможно, что торговец скобяными изделиями окажется еще хуже. Я весьма плохо знаю таких людей, поскольку мне никогда не приходилось общаться с ними в моей жизни. Возможно, вы, сэр, с вашим, несомненно, большим опытом, согласились бы дать мне совет.

Пятьдесят-Три высокомерно посмотрел на мужчину, сидевшего во главе стола, но тот лишь сдержанно улыбнулся и сказал:

- У вас чрезвычайно сильно развито классовое сознание, и я согласен с вами в том, что почитаемые всеми ремесла владельца постоянного двора, трактирщика или торговца скобяными изделиями могут слишком вредно отразиться на вашем подсознании. Конечно, я определенно мог бы настоятельно рекомендовать вам тот знаменитый кабаk на Кейбл-Стрит, но, принимая во внимание ваш выдающийся снобизм, я, вместо этого, предложу вам нечто иное — семейство зеленщика. Отца зовут Мартин Бонд, а его жену — Мэри Бонд. Для Мэри Бонд уже настала пора рожать, и если вы готовы войти в ее тело в качестве ее будущего ребенка, то вам больше нельзя терять времени. Вы должны прийти в себя и принять решение, поскольку только вы можете решать.

— Зеленщик! — подумал Пятьдесят-Три. — Прогнивший картофель, вонючий лук, перезрелые помидоры. Фу! Как же, однако, меня угораздило попасть в такую грязь?

Он пошевелил пальцами, почесал голову и жалостливо заерзал на стуле. Остальные, кто присутствовал в комнате, сидели тихо: они прекрасно понимали, в каком отчаянном состоянии находился тот, кто должен был принять подобное решение. Наконец Пятьдесят-Три поднял голову и бросил с вызовом:

— Хорошо, я принимаю эту семью. Возможно, они сочтут меня лучшим из всех, кто когда-либо являлся членом их семьи!

Женщина, сидевшая по одну сторону стола, сказала: . — Господин Председатель, я думаю, что мы должны провести ряд повторных проверок, дабы убедиться, что он действительно совместим со своей матерью. Для женщины будет страшной трагедией, если, пройдя через все мучения, она родит мертвое дитя.

Мужчина по другую сторону стола сказал:

— Да, — при этом он повернулся и посмотрел на Пятьдесят-Три. — Если ребенок родится мертвым, то это нисколько вам не поможет, поскольку тогда вам придется вернуться сюда на том основании, что ваше нежелание содействовать нам и ваша непримиримость станут причиной того, что женщина потеряет своего ребенка. Я еще раз призываю вас — для вашей же пользы, поскольку лично нам это безразлично, — оказывать нам больше содействия. Это значит, что вы должны умерить свой темперамент. Иначе нам придется просто вышвырнуть вас отсюда куда угодно, словно какой-нибудь мусор.

Женщина встала из-за стола, немного поколебалась, а затем, обращаясь к Пятьдесят-Три, сказала:

— Пойдемте со мной.

Председатель кивнул и тоже поднялся на ноги. Доктор коснулся руки Пятьдесят-Третьего и молвил:

— Следуйте за ними. В добрый час!

Неохотно, словно ему предстояло идти на казнь, Пятьдесят-Три с трудом встал

на свои вдруг ставшие ватными ноги и направился вслед за женщиной в' соседнюю комнату. Обстановка здесь была совсем иной. Казалось, все стены переливались огнями, мерцавшими за матовым стеклом. Повсюду было огромное множество ручек управления, кнопок и выключателей. Пятьдесят-Три вдруг подумал, что попал на какую-то электростанцию, однако прямо перед ним стоял странный стол очень необычной конструкции. Как оказалось, он полностью повторял контуры человека — очертания его фигуры, рук, ног, головы и всего остального. Женщина сказала:

— Ложитесь на стол.

Немного поколебавшись, Пятьдесят-Три пожал плечами и быстро забрался на стол, отмахнувшись при этом от доброжелательной руки доктора, который попытался помочь ему. Лежа на столе, он ощутил удивительную вещь: оказалось, этот стол мог в точности принимать форму его тела. Никогда в жизни он не чувствовал себя удобней, чем здесь. Стол был теплым. Посмотрев верх, он обнаружил, что его зрение стало не столь ясным, каким оно было прежде. Все вокруг казалось расплывчатым. Теперь он едва различал неясные силуэты, что виднелись у стены напротив. Неясными, холодными и безразличными глазами он разглядывал стену и думал о том, что никак не может разобрать, чей это силуэт маячит перед ним. Похоже, это была женская фигура. Недолго думая, он решил, будто эта женщина лежит в кровати. Затем, когда он присмотрелся тусклыми, безжизненными глазами, ему показалось, что кто-то сдергивает с него простыню.

Вдруг до него донесся чей-то искаженный голос:

— Кажется, все в порядке. Я подтверждаю, что он совместим.

Все это было очень странно, очень. Пятьдесят-Третьему казалось, что он находится под наркозом. У него не осталось ни желания сопротивляться, ни опасений, ни одной ясной мысли. Он просто лежал на столе, который точно копировал его формы, и не понимал, кто были те люди, которых он так хорошо знал раньше. То были доктор, председатель и женщина.

Он едва различал их слова:

— «Совместимая основная частота», «температурная инверсия», «период синхронизации и стабилизации».

Вдруг он улыбнулся, словно во сне, и мир чистилища ускользнул от него. И он навсегда забыл об этом мире.

Наступила долгая тишина, которую нельзя было назвать тишиной. В этой тишине он хотя и не слышал, но ощущал некие вибрации. А затем внезапно ему показалось, будто его втолкнули в золото утренней зари. Он увидел перед собой неземную красоту, которой никогда не мог видеть прежде. Казалось, он стоял в смущении и полубытьи среди великолепного, приятного сердцу пейзажа. Вдалеке виднелись высокие шпили и башни, а вокруг него было много людей. Ему почудилось, будто прекрасная женская фигура подошла к нему и сказала:

— Пусть твое сердце будет добрым, сын мой, поскольку тебе предстоит вернуться в этот мир скорби. Пусть твое сердце останется добрым, чтобы мы всегда могли услышать тебя. Помни, что ты никогда не будешь, одинок, никогда не будешь забыт. И если ты станешь делать то, что подскажет тебе твоя совесть, то на твоём пути ты встретишь не беды, а лишь те испытания, что были уготованы тебе. И успешно завершив свое пребывание в Мире Скорби, ты вернешься сюда с ликованием. Отдохни, успокойся, да будет мир с тобой.

Фигура удалилась, а Пятьдесят-Три повернулся на бок, лежа на постели, или на столе, или на чем бы там ни было, и задремал, пребывая в мире. И никогда больше не всплывало в его сознании ничто из того, что с ним случилось.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Алджернон резко вздрогнул во сне. Алджернон? Пятьдесят-Три? Кем бы он ни был сейчас — он резко вздрогнул во сне. Нет, то был не сон. Это был самый жуткий кошмар, который ему доводилось видеть. Ему представлялось землетрясение, которое случилось возле Мессины, или в Салониках, где рушились здания, где разверзлась твердь и где люди гибли, раздавленные в бездонной пасти Земли.

Это было ужасно. Ужасно. Это была самое плохое из всего, что ему довелось пережить, и самое худшее из всего, что он мог вообразить. Ему казалось, будто его самого перемололи и раздавили. Вдруг, в этом путаном кошмаре ему привиделось, будто в Конго его поймал громадный удав, который насильно запихнул его себе в глотку.

Казалось, весь мир перевернулся вверх дном. Казалось, будто все трясется вокруг. Была боль, были судороги. Он чувствовал себя уничтоженным, запуганным.

Где-то вдалеке послышался приглушенный крик. Как будто этот крик доносился сквозь слой воды и какой-то плотной массы. Едва помня себя от боли, он с трудом расслышал, как чей-то голос сказал:

— Мартин, Мартин, вызови такси — у меня началось.

У него появилось туманное — очень туманное — чувство, что где-то однажды ему уже приходилось слышать это имя. Но нет, как он ни старался, он не мог вспомнить, что это имя значило для него или кому оно принадлежало.

Условия, в которых он находился, были просто ужасными. Что-то все туже и туже сжимало его. Невыносимо громко булькала какая-то жидкость. На какое-то мгновение ему показалось, что он упал в сточную трубу. Температура все увеличивалась, и общее состояние было отвратительным.

Внезапным и мощным толчком его повернуло вверх ногами, и он ощутил жуткую боль в задней части шеи. Появилось особое ощущение движения, которое нельзя было сравнить ни с чем, что он испытывал прежде. Ему показалось, словно его душат, словно всего его окунули в какую-то жидкость.

— Но разве такое возможно? — думал он. — Человек не может жить в жидкости. Во всяком случае, так повелось с тех самых пор, как мы вышли из моря.

Толчки и тряска продолжались еще какое-то время, а потом был один Сильный толчок, и сильно приглушенный веселый мужской голос проворчал:

— Осторожней, приятель! Осторожней! Ты же не хочешь, чтобы она родила прямо здесь, в такси?

В ответ послышалось невнятное бормотание — настолько глухое, что ничего нельзя было разобрать. Алджернон в смятении чуть не лишился ума. Все происходившее было ему совершенно непонятно. Он не понимал, где он, и не знал, что с ним происходит. Все, что с ним творилось, было фантастически ужасно. В таких условиях он не мог действовать как разумное существо. В его сознании всплывали неясные воспоминания. То было нечто связанное с ножом или опасной бритвой. Это был какой-то дурной сон! Ему снилось, будто он наполовину отрубил себе голову. А потом он наблюдал за собой, зависнув под потолком в том же положении, как и сейчас, — вверх ногами. Он видел себя мертвым и лежащим на полу. Смешно и, конечно же, совершенно абсурдно, однако что за ночной кошмар он видит сейчас? Кто он сейчас? Ему казалось, что он был узником, осужденным за какое-то преступление. Он решительно не понимал, что это все значит. Бедняга был на грани помешательства от всей этой путаницы, от горя и от предчувствия неминуемой смерти.

А тряска все продолжалась.

— Осторожней! Говорю же тебе — осторожней. Аккуратненько, поддерживай ее сзади, ну!

Все эти приглушенные звуки казались ненастоящими, а их звучание было удивительно грубым. Такой голос был у торговца, который стоял в одном из закоулков рынка Бермондси в Лондоне. Но какое отношение он имеет к рынку Бермондси сейчас? Где он? Он попытался почесать голову, попробовал протереть глаза, но, к своему ужасу, обнаружил, что

весь он обмотан чем-то похожим на провод. Ему снова подумалось, что, должно быть, он попал в нижний астрал, поскольку его движения были скованы — а это так мешало медитировать. Вдруг ему показалось, он находится в бассейне с водой. А до этого вода казалась ему липкой массой — это когда он был в нижнем астрале... А разве он бывал когда-нибудь в нижнем астрале? И что такое этот «нижний астрал»? Ошеломленный, он пытался заставить свой медлительный ум обыскать закоулки памяти. Но нет, его воспоминания были неясны, ничто не вспоминалось отчетливо.

— О, Господи! — думал он. — Вероятно, я сошел с ума и теперь нахожусь в приюте для умалишенных. Должно быть, меня преследуют кошмарные галлюцинации. То, что мне мерещится, не могло бы случиться ни с одним человеком. Как мог я, член такого древнего и уважаемого семейства, так низко пасть? Наш род всегда уважали за уравновешенность и здравомыслие. Господи, что со мной стряслось?

Его внезапно тряхнуло — вот это было самое непостижимое. Резкий толчок, а затем снова боль. Он едва расслышал чей-то вопль. Обычно — думалось ему — вопль звучит высоко, но сейчас все звуки стали приглушенными. Все казалось ему таким странным. Все перестало иметь какой-либо смысл. Он улегся на то, в чем он находился, и понял, что на этот раз он лежит лицом вниз. Вдруг от внезапной встряски он закружился, как в водовороте, после чего вновь оказался на спине, дрожа каждой клеткой своего тела и содрогаясь от ужаса.

— Я дрожу? — с ужасом спросил он себя. — Я чуть не ополоумел от страха. И это я — офицер и джентльмен? Да что ж это за напасть такая на меня нашла? Наверняка у меня какое-то серьезное умственное расстройство. Я боюсь за свое будущее!

Он пытался прояснить свой рассудок. Напрягая всю мощь своего ума, он старался размышлять о том, что с ним случилось и что происходит сейчас. Но из этого не получалось ничего, кроме путаных, невероятных ощущений. То ему мерещилось, будто он стоит перед Комиссией, то вдруг он строил какие-то планы. А потом ему представилось, что он лежит на столе... Нет, все было тщетно. Мысли отскакивали от мозга рикошетом, и на какое-то мгновение в сознании воцарилась пустота.

Опять началось мощное движение, Опять ему показалось, что какой-то удав боа обвил его своими кольцами, а теперь готовится раздавить и переварить его в своем желудке. И с этим ничего нельзя было поделать.

Он находился в состоянии полного ужаса. Все было очень скверно. Когда впервые он мог изведать силу объятий боа-констриктора? И как он мог вообще попасть туда, где водятся подобные твари? Все это казалось ему непостижимым.

Истошный вопль, слабо заглушаемый той средой, в которой он находился, потряс его до глубины души. Тут его стало сильно выкручивать и разрывать, и ему показалось, будто его голову отрывают от тела.

— Ах Ты, Господи! — думал он. — Должно быть, это ПРАВДА, что я

ПЕРЕРЕЗАЛ себе горло, а теперь голова отпадает. Господи, что же мне делать?

С потрясающей силой и ужасающей внезапностью на него вдруг хлынул поток воды, и он вдруг очутился на чем-то мягком. Он почувствовал, что задыхается, и стал барахтаться. Его лицо было накрыто чем-то теплым. Вдруг, к своему ужасу, он ощутил пульсации, пульсации, пульсации — какая-то сила проталкивала его сквозь какой-то очень узкий, тугий и цепкий канал. И какой-то предмет — шнур, прикрепленный где-то посередине его тела, — удерживал его на месте. Он почувствовал, что этот шнур обвился вокруг его ног. Он сильно брыкнулся, пытаясь освободиться от этого шнура, чтобы не задохнуться в этой сырости и темноте. Он брыкнулся еще раз, и опять дикий крик раздался откуда-то сверху. Потом наступила сильнейшая конвульсия, и, вращаясь, он прорвался из темноты к свету, который оказался настолько ярким, что он подумал, что сейчас ослепнет. Он ничего не видел, но ощутил, что из прежней теплой среды попал в какое-то неопределенное и холодное пространство. Холод, казалось, пронизывал его до костей, и он задрожал. К своему изумлению, он обнаружил, что насквозь промок. А потом кто-то схватил его за лодыжки и взметнул в воздух вверх ногами.

Послышалось резкое «шлеп, шлеп!». Кто-то отшлепал его по ягодицам. Тогда он раскрыл рот и протестующе возопил против столь грубого обращения с беспомощным телом офицера и джентльмена. И с этим первым гневным криком все воспоминания минувших времен растаяли в нем, как тают сны на заре нового дня. И на свет появился ребенок.

Конечно, не каждый малыш испытывает подобные переживания, поскольку обыкновенное дитя, пока оно не родится, представляет собой всего лишь бессознательную массу протоплазмы. И только когда оно родится, у него включается сознание. Но в случае с Алджерноном, или с Пятьдесят-Три, или как бы там вы его ни назвали, дело происходило иначе, поскольку он был самоубийцей и поскольку это был поистине чрезвычайно «тяжелый случай». Кроме того, здесь присутствовал дополнительный фактор: эта личность — эта сущность — должна была вернуться назад с определенной целью. Ему было уготовано особое призвание, а известие об этом призвании должно было прийти к нему из астрального мира в тот самый момент, когда он явится на свет. Это известие уже содержалось в ментальной матрице новорожденного малыша.

Некоторое время ребенка то укладывали, то переносили с места на место. С ним что-то делали: отрезали что-то лишнее, что было прикреплено к его телу, хотя сам малыш относился к этому совершенно равнодушно. Алджернон исчез. Теперь это был безмянный ребенок. Но после нескольких дней, проведенных в больнице, он обнаружил рядом с собой расплывчатые тени.

— Агу, — послышался грубоватый голос. — Вот дьяволенок-то, а? Как думаешь назвать его, Мэри?

Мать, нежно смотревшая на своего первенца, повернулась к только что вошедшему человеку и сказала:

— Да вот Аланом думаем назвать его. Мы решили, что, если будет девочка, то назовем ее Алисой, а мальчика станем звать Аланом. Вот пускай и будет Алан.

По прошествии нескольких дней Мартин навестил жену в больнице, откуда они вышли вместе, неся на руках маленький сверток, которому предстояло начать новую жизнь на Земле. И никто из них тогда еще не знал, что жизнь эта продлится всего тридцать лет. Малыша забрали домой — в тот район, который считался довольно презентабельной частью Уоппинга¹⁸. Отсюда были хорошо слышны гудки

¹⁸ Уоппинг — один из районов Лондона. — Прим. перев.

буксирных катеров, доносившиеся с Темзы — со стороны лондонской гавани, где прибывавшие пароходы своим ревом приветствовали порт, а отчаливавшие суда прощались с ним воем сирен, отплывая в дальние края — возможно, даже на другой конец света. А в маленьком доме, что находился неподалеку от причала Уоппинг-Стэйрз, спал маленький мальчик. Он спал в комнате над магазином, где позже ему предстояло мыть картофель, сортировать овощи и срезать с них гнилую ботву. Но пока этот малыш должен был отдохнуть, немного подрасти и привыкнуть к новой жизни.

Время все текло, как ему и положено. Ведь оно никогда не останавливается! И мальчугану стало уже четыре года от роду. В тот теплый воскресный день, после обеда, он сидел на коленях у своего дедушки Бонда, как вдруг дед нагнулся к нему и сказал:

— Послушай, а кем ты станешь, когда вырастешь, парень? Мальчик что-то лепетал, рассматривая свои пальчики, а затем несколько раз повторил, как это обычно делают дети:

— Дохтолом, дохтолом.

Сказав так, он спрыгнул с дедовых колен и застенчиво убежал.

— Знаешь, дед, — сказала Мэри, — это странно, и я в толк не возьму почему, но сдается мне, будто тянет его ко всему, что с медициной связано, а мальцу-то всего четыре годка от роду. Как доктор к нам придет, так он у него тотчас трубку отнимет. Трубка эта, которую доктора на шее носят.

— Стетоскоп, — подсказал дедушка.

— Да, да, вот я и говорю — стетоскоп, — молвила Мэри Бонд. — Кабы знать, к чему бы это. Кажется, оно ему и впрямь в сердечко запало. И какой из него доктор — в нашем-то положении?

Время по-прежнему шло. Алану Бонду исполнилось десять лет, и как для десятилетнего паренька он довольно прилежно учился в школе. Его учитель однажды сказал:

— Не знаю, что мне делать с Аланом, сударыня. Он так упорно занимается. А для мальчика это совершенно неестественно. Он все время твердит о лекарском ремесле и обо всем таком прочем. Это просто трагедия какая-то, поскольку я ничего не имею против, но как он сможет стать доктором?

Мэри Бонд постоянно думала об этом. Она размышляла над этим долгими тихими ночами, когда тишину ночи нарушали только доносившиеся с улицы сигналы машин, к которым у нее давно выработался иммунитет, да гудки пароходов с Темзы, к которым она тоже давно привыкла. Она думала долго и напряженно, и вот как-то раз, во время беседы с соседом, у нее возникла идея. Сосед сказал ей:

— А знаете, Мэри, сейчас придумали новую схему страхования людей. По этой схеме, если у вас есть маленький ребенок, вы можете застраховать его. Вам придется платить всего несколько пенсов в неделю, но раз в неделю платить нужно обязательно. А затем, по достижении определенного возраста, который вы оговорите со страховым агентом,

ваш мальчик может получить большую сумму денег, которых ему хватит, чтобы окончить медицинскую школу. Я знаю, что есть такая схема, я знаю парня, который так поступил. Сейчас он уже адвокат. Я попрошу Боба Миллера подойти к вам и переговорить об этом. Он дока во всех этих страховых делах.

Исполненный лучших намерений и планов о будущем своего ближнего, сосед умчался прочь.

Годы шли. Наконец Алан Бонд поступил в среднюю школу. В первый день пребывания в школе директор провел с ним собеседование:

— Так, мой мальчик, и кем же ты предполагаешь стать, когда окончишь школу?

— Я хочу стать врачом, сэр, — сказал Алан Бонд, уверенно глядя в глаза директора школы.

— Ну что ж, мой мальчик, это неплохо, что у тебя столь высокие устремления. Но тебе придется усердно учиться, чтобы стать врачом. И потребуются солидные стипендии, поскольку твои родители не смогут оплатить твоё обучение в медицинской школе, а также принять на себя связанные с этим дополнительные расходы. Я предлагаю тебе, мой мальчик, подыскать себе другой вариант, который, так сказать, удовлетворял бы твоим амбициям.

— Черт тебя побери, сынок! — сказал ему Мартин Бонд. — Отложи ты хоть на минуту эту свою чертову книгу! Я тебе велел почистить эту картошку? Наша постоянная покупательница миссис Поттер будет покупать товар где угодно, но только не у нас, если мы станем продавать ей картошку вместе с землей. Закрой сейчас же свою книжку! Я сказал: закрой и почисти эти картофелины! Я хочу, чтобы они блестели. А когда заблестят — отнесешь их наверх миссис Поттер.

Отец ушел, раздраженно бормоча себе под нос:

— Черт-те что! Почему эти дети в своих мечтах вечно стараются прыгнуть выше головы? Этот парень только об одном и думает — только и думает, чтобы стать доктором. А откуда, черт побери, мне взять денег, чтобы он выучился на доктора?

Но про себя он подумал:

— В школе-то, говорят, у него все идет ладно! И когда дело до мозгов доходит, так он всегда первый — по отметкам видать. Да, парень старается в учебе изо всех сил — на стипендию тянет. Зря я, пожалуй, на него взъелся. И то сказать — разве он сможет толком учиться, когда у него перед глазами книга, а я его гоню картошку чистить? Пойду помогу ему. Папа Бонд вернулся туда, где его сын сидел на трехногом табурете перед ванной. В левой руке мальчик держал книгу, в которую и смотрел, а правой торопливо нащупывал картофелину, потом бросал ее в ванну с водой, а затем, слегка пополоскав и помотив ею в воздухе, бросал на стопку свернутых газет.

— Дай-ка я немного помогу тебе, парень. А когда мы закончим, ты сможешь идти заниматься дальше. Ты пойми — я не сержусь, но я должен зарабатывать на жизнь. Тебя нужно содержать, маму твою, да и себя заодно. А ведь еще нужно уплатить аренду, отдать налоги — за все нужно платить. А правительству наплевать на нас. Пойдем, помоем их вместе — картошки-то.

Завершился учебный год. Директор школы и учителя стояли на помосте. Здесь же присутствовали члены школьного совета. А в Торжественном Павильоне сидели дети, нарядно одетые в выходное платье — чистые, стеснительные и неловкие. Рядом с ними, взволнованные непривычностью обстановки, сидели родители и родственники. То тут, то там какой-нибудь мучимый жаждой человек украдкой бросал горящий взгляд сквозь окна на двери ближайшей пивнушки, но сегодня был День Призов, День Речей и тому подобного, а поэтому страждущим приходилось сидеть и терпеть. Кто-нибудь из них думал про себя:

— Ладно, так вас растак! Я-то являюсь в школу всего один раз в год, а им, несчастным, приходится ходить туда каждый день!

Директор школы встал и тщательно поправил очки на своей переносице. Он откашлялся и подслеповато окинул взглядом собравшуюся перед ним аудиторию.

— Я имею большое удовольствие сообщить вам, — чрезвычайно ученым тоном сказал он, — что Алан Бонд достиг феноменальных успехов за прошедший учебный год. Он полностью следовал нашей методике, и мне очень приятно сообщить вам, что он награжден стипендией, которая позволит ему учиться на подготовительном отделении медицинской школы Сент-Мэгготс.

Директор остановился, чтобы подождать, пока схлынет волна бурных аплодисментов, а потом, поднятой вверх рукой призывая к тишине, продолжил:

- Он получил эту стипендию, которая прежде еще никогда не присуждалась мальчикам из нашей округи. Давайте же все мы пожелаем ему наилучших успехов в его карьере, когда после четырех лет учебы в этой школе он успешно сдаст экзамен и станет врачом. Сейчас ему предоставляется такая возможность.

Директор принялся рыться в лежавших перед ним на кафедре бумагах, как вдруг вся эта кипа бумаг взвилась в воздух, и листы разлетелись над помостом. Учителя поспешно согнулись и стали подбирать упавшие листы, аккуратно разбирая их и возвращая на кафедру.

Директор школы пошелестел бумагами и извлек одну из них.

— Алан Бонд, — сказал он, — прошу вас подойти ко мне и получить этот Диплом и Грамоту о присуждении вам вышеназванной стипендии.

— Ну, я не знаю! — сказал отец, когда они пришли домой и Алан показал родителям приказ о стипендии. — Сдается мне, сын мой Алан, что ты слишком занесся в своих мечтах. Мы всего лишь зеленщики. В нашей семье нет ни врачей, ни адвокатов. В толк не возьму, откуда у тебя эти дикие идеи.

— Но, отец, — вскричал в отчаянии Алан, — ведь я мечтал о том, чтобы стать доктором, с тех самых пор, как научился говорить. И учась в школе, я трудился, я экономил, я отказывал себе в удовольствиях ради учебы и ради стипендии. И сейчас, когда я, наконец, получил стипендию, ты опять решил чинить мне препятствия.

Мэри Бонд, мать Алана, сидела молча. Только по рукам, которые она не могла удержать в покое, было видно, как ей сейчас тяжело. Отец и мать посмотрели друг на друга, а затем отец сказал:

— Пойми, Алан, мы не пытаемся тебя удержать, мы не хотим лишать тебя шанса. Но смотри — вот перед тобой листок бумаги. Что сказано в этом листке? В нем сказано только то, что ты можешь учиться, в определенной школе и что твое обучение будет бесплатным. Но где найти средства на все остальное — на всякие книги, все эти инструменты и все такое прочее?

Он беспомощно посмотрел на сына и продолжил:

— Да, конечно, ты можешь по-прежнему жить с нами, парень, и при этом ты можешь бесплатно столоваться у нас. Ты сможешь также подрабатывать после занятий и таким образом прикупать себе что-нибудь. Но все равно у нас не хватит денег, чтобы купить множество всяких дорогих вещей. Сейчас мы едва сводим концы с концами, чтобы в будущем жить хоть немного лучше. Так что крепко подумай над этим, парень. Я понимаю, что и твоя мать хотела бы, чтобы ты стал врачом. Но быть бедным врачом — это ужасно, поскольку у тебя не будет денег для дальнейшего роста. Мэри Бонд сказала:

— Алан, ты же знаешь, что бывает с докторами-неудачниками, правда же? Ты же знаешь, что бывает с докторами, которые не могут совершенствоваться в своей профессии, ведь так?

Алан с горечью посмотрел на нее и сказал:

— Я знаю одни только сплетни, которые мне рассказывали, чтобы меня отговорить. Мне говорили, что если студент-медик провалит экзамены или если

врач лишится практики, то его могут взять лишь коммивояжером в какую-нибудь фармацевтическую фирму. Хорошо, ну и что? — вопрошал он. — У меня не было неудач. Я еще только начинаю жить. И уж если мне придется потерпеть поражение, то я смогу зарабатывать на жизнь, даже продавая лекарства. Это все равно куда лучше, чем таскать мешки с картошкой, считать ананасы и прочую дрянь.

— Прекрати, Алан, — сказала ему мать. — Не смей насмеяться над ремеслом своего отца. Ведь он заботится сейчас о тебе, а ты не проявляешь к нему никакого уважения. Ты стал слишком заносчив. Не пора ли опуститься на землю?

Затем, после долгого напряженного молчания, она сказала:

— Алан, Алан, почему ты не согласился работать в страховой конторе, как предлагал тебе дядя Берт? Ведь это же верный заработок, и если бы ты трудился усердно, то, возможно, мог бы стать даже диспашером¹⁹. Может, ты еще подумаешь об этом, Алан?

С мрачным видом юноша вышел из комнаты. Его родители молча посмотрели друг на друга. Затем послышался звук его шагов по деревянной лестнице, что была рядом с магазином. Резко хлопнула дверь, что вела на улицу, и шаги зазвучали теперь уже на тротуаре.

— И чего ему не иметься — ума не приложу, — сказал Мартин Бонд. — Как только мы сподобились родить такого на свет! Ведь едва научившись говорить, он бесконечно и упорно твердил, что желает стать доктором. Почему, черт возьми, он не может утихомириться, как другие мальчишки, и выбрать себе ремесло поскромнее? Ну, скажите мне, почему он не может этого сделать!

Его жена молча трудилась, заштопывая много раз перештопаннные носки, а на ее щеках блестели слезы. Наконец она подняла на мужа глаза и сказала:

— Ох, я не знаю, Мартин. Иногда мне кажется, что мы слишком несправедливы к нему. В конце концов, это же хорошо, что у него есть цель. Ведь нет ничего ужасного в том, чтобы быть доктором, правда?

Мартин фыркнул и сказал в сердцах:

— Ну, не знаю. Как по мне — жить бы на земле доброй, да вкушать плоды ее. Для меня и того довольно. Ай, да ну вас — чего с парнем говорить, когда у него бабьими мыслями башка забита! Только неправильно это все. Пойдука я лучше в магазин.

С этими словами он сердито вскочил и зашагал вниз по ступеням.

Мэри Бонд оставила свое занятие и сидела, глядя в окно. Наконец она встала, прошла в спальню, где подле кровати встала на колени, молясь о том, чтобы Бог наставил и укрепил ее. Прошли долгие минуты, прежде чем она снова поднялась и, шмыгнув носом, подумала про себя:

— Забавная вещь — все пасторы утверждают, что, когда нам трудно, мы должны молиться. И я молюсь, но ни разу в жизни никто не ответил на мои молитвы. Пожалуй, что все это суеверие, — так я считаю.

Шмыгая носом, она вышла из спальни и, утирая передником глаза, принялась готовить ужин.

С мрачным видом Алан шел по тротуару. От нечего делать он пнул ногой лежавшую на дороге консервную банку. Нарочно ли это случилось или нечаянно? Он пнул эту банку сильнее, и она, описав в воздухе дугу, легонько звякнула, ударившись о какую-то металлическую пластинку на стене дома. Алан виновато оглянулся вокруг, и уже хотел, было подобру-поздорову убежать, но вдруг взгляд

19

Диспашер — специалист в области морского права. Устанавливает доли и распределение расходов, которые будут нести владелец судна, владелец перевозимого груза и лицо, оплачивающее фрахт судна в случае аварии.

его упал на эту металлическую пластинку.

— Доктор медицины Р. Томпсон, — прочитал он. Он подошел к пластинке поближе. Оказалось, это была латунная табличка с покрытой черным лаком гравировкой. Он ласково погладил ее пальцами. Какое-то время он так и стоял здесь, благоговейно взирая на эту прибитую к стене табличку.

— В чем дело, старина? — спросил его приветливый голос, и теплая ладонь опустилась ему на плечо. Алан в испуге отпрянул и, повернув голову, встретился лицом к лицу с самым настоящим доктором, который улыбался ему.

— Ой, простите, доктор Томпсон, я не хотел сделать ничего плохого, — несколько смущенно сказал мальчик. Доктор улыбнулся ему и ответил:

— Ну-ну, что за страдальческое лицо! Ты что же, юноша, решил принять на себя все горести этого мира?

— Что-то вроде того, — с нотками глубокого уныния в голосе ответил Алан.

Доктор мельком поглядел на часы, а затем обнял мальчика за плечо:

— Давай-ка, парень, зайдем в дом. Давай поговорим о том, что ты там натворил. Небось, довел девушку до затруднительного положения или что-то вроде того? А ее отец, должно быть, теперь преследует тебя? Ну-ка входи. Давай подумаем, как помочь твоему горю.

Доктор любезно провел нерешительного мальчишку через калитку, а затем немного вверх по дорожке — в операционную.

— Миссис Симмондс, — позвал он, подойдя к двери, — не подадите ли вы нам чаю и не осталось ли у вас сладкого печенья? Или ваш ленивый супруг уже все спал?

Откуда-то из глубины дома ему ответил приглушенный голос. Доктор вернулся в свою операционную и сказал:

— Давай, парень, располагайся. Сейчас мы с тобой выпьем по чашечке чайку, а там будет видно.

Вскоре появилась миссис Симмондс с подносом, на котором стояли две чашки, кувшин с молоком, сахарница, изысканный серебряный чайник и, конечно же, обязательный серебряный кувшин с горячей водой. Миссис долго терзалась вопросом, подать ли ей лучший серебряный заварной чайник или обычный, фарфоровый. Но затем она решила, что доктор, очевидно, принимает у себя какую-то очень важную персону, а иначе он не стал бы ее звать: операций на этот час назначено не было, и ничего такого не ожидалось. Она даже не могла понять, что доктор делает дома в такое время. Поэтому, когда она вошла, лучший фарфор, лучший заварной чайник и лучшая улыбка на ее лице — все было при ней. И тут от изумления у нее буквально челюсть отвалилась — она-то думала, что здесь сидит по меньшей мере лорд или леди

либо солидные бизнесмены из района Лондонского Пула²⁰. Но тот, кого она увидела, скорее, напоминал унылого ученика-недокормыша. Да, она сразу поняла, что это и был какой-то школьник, хотя для школьника он, вроде бы, был уже староват. Однако она твердо решила, что это ее не касается. Поэтому она аккуратно поставила поднос перед доктором, слегка поклонилась в смущении и вышла, закрыв за собою дверь. Разливая по чашкам чай, доктор спросил:

— Как ты любишь пить чай, парень? Сперва молоко? Или тебе, как и мне, все равно — лишь бы было что-то мокрое, теплое и достаточно сладкое?

Алан тупо кивнул. Он не знал, как вести себя и что говорить. Он был целиком поглощен своим горем и мыслью о том, что он опять проиграл. И он поймал себя на

²⁰ Лондонский Пул [Pool of London] — название участка Темзы ниже и несколько выше Лондонского моста; портовый и торговый район Лондона в те времена, о которых повествует автор.

этой мысли. Почему он сказал «опять»? Что он имел в виду? Он не знал. Было нечто такое, что давило на его подсознание, — нечто такое, что ему следовало знать... Или не следовало? В смущении он потер голову руками.

— Что с тобой, парень? С тобой ВСЕ в порядке или нет? Ну-ка отведай чаю, поклюй сладкого печенья и расскажи мне, что с тобой стряслось. У нас масса времени — у меня полдня свободно, так что давай попытаемся выяснить, что с тобой произошло и как тебе помочь.

Бедный Алан не очень-то привык к доброжелательному и вежливому обращению. Его всегда считали чудаком — как в семье, так и в округе, где о нем говорили: «это тот сын зеленщика, которого обуяли грандиозные идеи». А сейчас слова любезного доктора растопили его сердце, и он залился горячими слезами. Рыдания сотрясали его тело. Доктор очень озабоченно посмотрел на него и сказал:

— Все хорошо, парень, все хорошо. Дай волю своим слезам. В этом нет ничего плохого. Хорошенько прочисти свой организм. Давай не стесняйся — тебе нужно выплакаться, и в этом нет ничего предосудительного. Ты знаешь, что даже старый Уинни Черчилль порой проливает слезы? А если ему можно, значит, можно и тебе. Ведь так?

Алан стыдливо вытер лицо носовым платком. Доктор был поражен тому, каким чистым был этот платок. А когда этот мальчик поднес платок к глазам, доктор Томпсон заметил, что его руки также были чисты.

Ногти на руках были аккуратно подстрижены, и под ними совершенно не было грязи. Теперь этот мальчишка вырос в глазах доктора сразу на несколько ступеней.

— Ну-ка, парень, отведай этого напитка, — сказал доктор, ставя перед Аланом чашку с чаем. — Только размешай хорошенько — там, небось, целый пуд сахара. Сахар, знаешь ли, прибавляет силы. Ну, давай, приступай.

Алан пил чай и нервно грыз сладкое печенье. Затем доктор наполнил чашки снова и, поставив чай перед мальчиком, изрек:

— В подобном настроении, парень, тебе лучше бы сбросить груз с души. Должно быть, это нечто отвратительное. А разделенная ноша — это половина ноши, вот так-то.

Алан всхлипнул и снова вытер неожиданно набежавшие слезы. А затем его словно прорвало. Он поведал о том, что первой его мыслью с самого детства, его самым сильным желанием было желание стать врачом. Он рассказал и о том, что, едва научившись выговаривать слова и складывать из них первые фразы, он произнес: «Буду дохтолом». Он рассказал доктору Томпсону, как все это время, лишая себя ребяческих утех, он все учился и учился. Как вместо того, чтобы читать приключенческие романы, фантастику и тому подобное, он брал в библиотеке специальную литературу, чем изрядно пугал библиотекаршу, которая решила, что желание столь юного подростка побольше узнать из анатомии является проявлением нездорового интереса к этому предмету.

— Но я ничего не мог с собой поделать, доктор. Решительно ничего, — говорил Алан, волнуясь. — Это было выше моих сил, словно что-то управляло мною. Я не знаю, что это было. Я знаю лишь, что меня влечет, непреодолимо влечет к профессии врача — не важно, какого именно. А сегодня вечером мои родители напали на меня с упреками, говоря, что я слишком высоко о себе возомнил и что я ни на что не гожусь.

Он опять погрузился в молчание. Доктор положил руку ему на плечо и тихо сказал:

— А скажи мне, парень, с чего разразился этот вечерний скандал? Алан заерзал на месте и сказал:

— Доктор, вы не поверите, но я лучший ученик в своем классе и лучший ученик во всей нашей школе. Когда закончился учебный год, наш директор школы, мистер Хейл, сказал мне, что я удостоен специальной стипендии для учебы на подготовительном отделении медицинской школы Сент-Мэгготс, а мои родители, они... — тут он опять едва не расплакался. При этом он нервно теребил в своих пальцах платок, завязывая его узлами.

— Эх, парень, так уж заведено, — сказал доктор. — Родители всегда думают, что они могут управлять судьбами тех, кого произвели на свет. Иногда это приводит к тяжким последствиям. Но ничего, парень, сейчас поглядим, что нам удастся выяснить. Так ты говоришь, что учился в средней школе, директором которой был мистер Хейл? Что ж, я очень хорошо знаю мистера Хейла — он один из моих пациентов. Ладно, давай посмотрим, что он нам скажет.

Доктор заглянул в свой телефонный справочник, быстро отыскал в нем имя директора школы и номер его телефона и тут же ему позвонил.

— Добрый вечер, Хейл, — сказал доктор Томпсон. — Здесь у меня молодой человек — очень толковый юноша, на мой взгляд. Так вот он говорит, что вы рекомендовали его на получение специальной стипендии... Ах Ты, Господи! — изумленно воскликнул доктор. — Хейл, я забыл спросить у этого мальчишка его имя!

Директор, который был на другом конце линии, рассмеялся и сказал:

— Да, конечно, я знаю его — это Алан Бонд, очень одаренный юноша. Он работал как каторжный все годы в школе. Когда он только поступил к нам, я боялся, что из него выйдет неудачник, но потом он ни разу не дал мне повода в нем усомниться. Да, все верно, это наш лучший ученик. Он получил наивысшие баллы и достиг наивысших результатов за всю историю нашей школы. Но... — тут голос директора замер, но затем он продолжил: — Мне жаль этого парня. Видите ли, его родители испытывают финансовые затруднения. Они держат овощную лавку на нашей улице. Дела сейчас там идут неважно, и у них очень туго с деньгами. Даже не знаю, как мальчик справится со всем этим. Я был рад хоть чем-то ему помочь и действительно помог получить эту стипендию. Однако ему нужно гораздо больше денег.

— Хорошо, большое спасибо, Хейл. Я очень ценю ваше мнение, — сказал доктор Томпсон, вешая трубку. Затем он повернулся к Алану.

— Знаешь, парень, — сказал он, — в свое время у меня были такие же неприятности, что и у тебя. И мне приходилось сражаться за каждый дюйм, прокладывая дорогу к своей цели. В эту цель я вгрызался зубами и цеплялся за нее ногтями, чтобы, наконец, добиться своего. А теперь я скажу тебе, как мы поступим. Сейчас мы пойдем к твоим родителям. Как я тебе уже сказал, у меня свободна эта половина дня. И лучший способ потратить ее с толком — это помочь такому же бедняге, каким был и я, который переживает сейчас трудные времена. Пойдемте, юноша, не станем мешкать.

Доктор поднялся, и Алан последовал за ним. Подойдя к двери, доктор Томпсон дважды позвонил, а затем сказал:

— Послушайте, миссис Симмондс, я выйду на какое-то время. Вы не могли бы отвечать на звонки, если таковые будут?

Затем вместе они зашагали по улице — большой высокий доктор и мальчишка-недокормыш, которому еще только предстояло стать мужчиной. Пройдя вдоль по улице и приблизившись к магазинчику, они увидели, что в нем горел свет. Через окно им было видно, как Бонд-отец взвешивал мешки с товаром. Доктор шагнул к двери, резко постучал, и сложив ладони трубой, поднес их к своему лицу так, чтобы его хорошо было видно изнутри.

Мартин Бонд недовольно посмотрел, а затем отрицательно покачал головой. Четко, чтобы его можно было понять по губам, он произнес слово «закрыто», но тут за окном он разглядел своего сына и сказал про себя:

— Ай, Господи, что там еще стряслось? Что он натворил на этот раз? Тут он поспешил к двери и отпер засов. Доктор и Алан вошли, а Мартин Бонд поспешил снова запереть дверь на засов.

— Добрый вечер. Скажите, вы Мартин Бонд, так? — спросил доктор Томпсон. — Очень хорошо, а я доктор Томпсон. Как вам известно, я живу на этой улице и имею здесь свою практику. Я разговаривал с вашим мальчиком, и знаете, он оказался очень талантливым парнем. Я думаю, он заслуживает того, чтобы ему дали шанс.

— Довольно мне ваших разговоров, доктор, — грубо ответил ему Мартин Бонд. — Это не то место, где вам удалось бы выудить сколько-нибудь денег. Да вы и так неплохо устроились, как я посмотрю. Вы же достаточно имеете со своих клиентов и со всех этих Обществ взаимопомощи, что позволяет вам жить припеваючи. А мне приходится лезть из кожи вон. Ну да ладно, лучше скажите, что мой парень опять натворил, — поинтересовался он.

Доктор обернулся к Алану и сказал:

— Ты говорил, что получил особый диплом, а директор Хейл вручил тебе рекомендательное письмо. Ты не мог бы подняться наверх и принести мне эти бумаги?

Алан пулей метнулся наверх, и было слышно, как он топает по деревянным ступенькам. Доктор Томпсон повернулся к отцу Алана и сказал:

— Бонд, у вас очень способный мальчишка. Возможно даже, что он гений. Я только что разговаривал с директором его школы.

Мартин Бонд обрушился на него с гневом:

— А при чем здесь вы? Какое ВАМ до этого дело? Вы, что же, хотите довести мальчишку до беды? — допытывался он.

И тут лицо доктора помрачнело от гнева, но, все еще сдерживая себя, он сказал:

— Время от времени, Бонд, кто-нибудь прибывает на эту Землю, возможно, неся на себе груз прежней жизни. Я не знаю, как это объяснить, но у таких людей возникают сильные побуждения и очень сильные чувства. Но все это дается им не бесплатно. Кажется, ваш сын является одной из таких душ. Директор его школы решительно заявляет, что это яркий мальчик и что он рожден, чтобы стать врачом. Если вам кажется, что я сбиваю его с пути, то я советовал бы вам крепко подумать. Я пытаюсь ему помочь.

Алан примчался в лавку, сильно запыхавшись от бега. Он кротко протянул доктору диплом и копию письма от директора школы, а также уведомление от декана подготовительного отделения медицинской школы Сент-Мэгготс о получении оригинала этого рекомендательного письма. Доктор взял бумаги и молча прочел их от начала до конца. В наступившей тишине был слышен только шелест прочитанных страниц. Наконец, закончив читать, он сказал:

— Хорошо, все это убеждает меня, что ты должен получить свой шанс, Алан. Посмотрим, что мы сможем сделать.

Он немного постоял, обдумывая, как поступить, а затем обратился к отцу мальчика и сказал:

— Почему бы вам, вашей супруге и мне не поговорить об этом вместе? Мальчик определенно обладает блестящими способностями. Очевидно, что он должен выполнить какую-то свою миссию. Где мы могли бы поговорить?

Мартин повернулся к Алану и недовольно сказал:

- Добро раз ты заварил всю эту кашу и наделал тут столько шума, то теперь стой здесь и жди, пока доктор будет говорить с твоей матерью и со мной.

Сказав так, он повел доктора из магазина на лестницу Тщательно прикрыв за собой лестничную дверь, он позвал:

- Мать! Я веду с собой доктора Томсона. Он хочет поговорить с нами об Алане.

Мэри Бонд, которая была наверху, бросилась к лестнице, бормоча про себя: — О, Боже! Что этот мальчишка ОПЯТЬ натворил?

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

У Мэри Бонд все трепетало внутри, словно в душе у нее порхала целая туча бабочек. Она с опаской смотрела то на доктора, то на мужа, а то на Алана, который крался по ступенькам вслед за ними. Вялым жестом она пригласила доктора в гостиную, куда позволялось входить только почетным гостям. Бонд-отец сказал:

— Ну-ка, Алан, живо марш в свою комнату. Но тут вмешался Доктор, который сказал:

— Но, мистер Бонд, Алан больше всех других сторон заинтересован в нашем соглашении. Я решительно полагаю, что ему следует присутствовать при нашем разговоре. В конце концов, он уже не ребенок, он приближается к тому возрасту, когда многие уже учатся в колледжах. Будем надеяться, что та же участь ожидает и его!

Неохотно уступая, Мартин кивнул, и все четверо сели, причем мать скромно положила свои руки на колени.

— Доктор Томпсон, как видно, думает, что у нашего парня чердак забит не мозгами, а золотом, — сказал Мартин Бонд. — Он решил поговорить с нами, потому что считает, будто Алан должен стать доктором. Я даже не знаю, что тут сказать.

Мать сидела неподвижно, не проронив ни слова. И тогда заговорил доктор Томпсон.

— Знаете, миссис Бонд, — сказал он, — в жизни порой случаются очень странные вещи, когда людям вдруг кажется, что они непременно должны что-то сделать, хотя они и сами не знают, зачем это им нужно. Взять к примеру Алана, — указал он рукой на мальчика. — У него с детства было очень сильное чувство, что он должен посвятить себя медицине. Это ощущение настолько сильно, что почти превратилось в одержимость. И когда мы встречаем мальчика либо девочку, которые мечтают о своей карьере с тех самых пор, как они только начинают говорить, то это убеждает нас в том!, что Милостивый Бог, должно быть, сообщает нам Свою волю, либо намеревается сотворить чудо, или что-то еще. Хотя я не берусь утверждать, будто это истинно так.

Он посмотрел на них, чтобы понять, внимательно ли они его слушают, а затем продолжил:

— Я рос сиротой и воспитывался в сиротском приюте. И, мягко говоря, в этом приюте мне жилось несладко, поскольку люди, которые там были, считали, что я как-то уж слишком сильно отличаюсь от других. А все потому, что у меня тоже было определенное призвание. Этим призванием была именно медицина. И несмотря ни на что, я все-таки пришел в медицину и весьма преуспел в ней.

Родители сидели молча. Казалось, было слышно, как монотонно стучат их

мозги, перемалывая скопившиеся внутри черепных коробок мысли. Наконец Мартин Бонд промолвил:

— Да, доктор, да, я согласен со всем, что вы говорите. Мальчик должен иметь свой шанс в жизни. У меня такого шанса никогда не было, и поэтому мне приходится драться за то, чтобы иметь возможность вовремя платить по счетам. Но доктор, — он очень суровым и долгим взглядом посмотрел на доктора Томпсона, — поймите, мы люди бедные, нам приходится много трудиться, чтобы каждый месяц оплачивать счета. Если мы не будем платить по счетам, то не сможем получить новых поставок. А если мы не сможем получать новых поставок, то тогда, черт возьми, Мы обанкротимся. Так скажите, как нам обеспечить учебу Алана? Это нам не по карману — и все тут.

Мартин шлепнул себя по колену, словно желая сказать, что на этом разговор окончен — баста. Алан сидел удрученный. Он делался все мрачнее и мрачнее.

«Если бы я жил в США, — думал он, — то смог бы найти себе работу на неполный день, чтобы остальное время посвящать учебе. И тогда я мог бы как-то прожить. Но в этой стране... Да, здесь такие бедные парни, как я, вряд ли могут на что-то надеяться».

Доктор Реджинальд Томпсон думал. Он опустил руки в карманы брюк, вытянул ноги и сказал:

— Ладно, как я уже говорил вам, у меня была трудная жизнь, и я сделал то, что, полагаю, должен был сделать. Наверное, сейчас я должен помочь Алану. И поэтому я предлагаю вам следующее, — он обвел всех взглядом, чтобы убедиться, что его внимательно слушают. И это действительно было так. Алан смотрел на него в упор. Бонд-отец уже не выглядел столь непреклонным, а мама Бонд перестала теревить свои пальцы. Удовлетворенный тем, что он увидел, доктор продолжил:

— Я холостяк. У меня, знаете ли, никогда не хватало времени на женщин. Я слишком увлекался наукой, исследованиями и всем, что с этим связано. Так что я остался холостяком, что позволило мне сэкономить солидную сумму денег. Я готов вложить часть этих денег в Алана, если он сможет убедить меня, что из него действительно получится хороший врач.

Мэри Бонд сказала:

— Это было бы замечательно, доктор. Мы пытались получить страховой полис, который помог бы покрыть расходы на обучение Алана, но не нашли такого полиса, который пришелся бы по карману таким небогатым людям, как мы, или, точнее сказать, таким беднякам, как мы.

Доктор молча кивнул, а затем сказал:

— Хорошо, считайте, что он уже включился в учебный процесс. Тем более что директор школы имеет чрезвычайно высокое мнение о его способностях. К тому же он получает право на бесплатное обучение на подготовительном отделении медицинской школы Сент-Мэгготс, в которой, кстати, учился и я. И было бы очень желательно, чтобы он поселился в этом учебном заведении. Однако эта стипендия не покрывает иных затрат. Поэтому вот что я сделаю.

Он сидел, то, втягивая щеки, то, раздувая их, а затем повернулся к Алану и сказал:

— Вот что я сделаю, Алан. Я возьму тебя в Музей Джона Хантера²¹, что находится в Королевском хирургическом колледже. Мы пробудем там целый день, и если с тобой не случится обморок либо нечто подобное, тогда мы сможем быть уверены в том, что из тебя получится настоящий врач.

²¹ Хантер Джон (1728-1793) — известный английский анатом и хирург. — Прим. перев.

Он немного помолчал, а затем продолжил:

— Я могу предпринять и еще один шаг. Я возьму тебя в прозекторскую комнату, где повсюду лежат человеческие трупы и их части. Если их вид вызовет у тебя недомогание, значит, можешь вычеркнуть себя из когорты врачей. Если ты меня убедишь, то, так и быть, — мы с тобой станем партнерами: ты получишь право на бесплатное обучение, и я оплачу все издержки. А сделавшись квалифицированным врачом и став на ноги, ты сделаешь то же самое для какой-нибудь другой несчастливой души, чья цель окажется недостижимой из-за отсутствия возможностей или денег.

Алан чуть и впрямь не упал в обморок от облегчения и счастья, но тут Бонд-отец медленно произнес:

— Все это хорошо, доктор, но мальчик нам нужен здесь, чтобы, так» сказать, обеспечивать поставки товара в наш магазин. Все это время мы содержали его, но теперь он должен сделать что-то для нас. А если он застрянет в этом своем — как его там — колледже и будет жить там, купаясь в роскоши, то, что же станет с его несчастными родителями? Вы что же, думаете, что я, отстояв день за прилавком, должен буду еще и за товаром бегать?

Потрясенная этими словами, миссис Бонд сказала:

— Но Мартин, Мартин! Ты разве забыл, что, пока не родился Алан, мы с тобой управлялись вдвоем?

— Да ничего я не забыл, — сердито сказал Мартин, — и не намерен забывать. Однако я помню еще и то, что мальчишка жил с нами все эти годы. Мы его кормили, поили, а теперь, когда у него все есть, он уходит от нас. Радуйтесь все: он, видите ли, торопится доктором стать. Помяни мое слово — мы с тобой его сейчас последний раз-то и видим, во как!

Мартин Бонд сцепил свои руки так, словно он хотел задушить кого-то. И вдруг его словно прорвало:

— А какая здесь ВАША выгода, доктор Реджинальд Томпсон? С чего это вдруг вы принимаете такое участие в судьбе мальчишки? Очень мне это любопытно. Люди, знаете ли, ничего не делают для других, если не видят в том своей выгоды. В чем же тогда ваша выгода?

Доктор Томпсон громко рассмеялся, а затем сказал:

— Господь с вами, мистер Бонд, вы только что помогли мне убедиться, что ваш сын и вправду необычный парень! Вы всегда думаете лишь о том, какую выгоду из чего бы то ни было можно извлечь. А ваш сын думает о том, как он, будучи врачом, сможет помочь другим людям. Вы хотите знать, в чем моя выгода, мистер Бонд? Хорошо, я вам отвечу. Мои чувства совпадают с чувствами вашего сына. И сейчас у меня есть сильное ощущение, что я должен ему помочь. Не спрашивайте меня почему. Мне это самому не известно.

А если вы подумали, будто я домогаюсь вашего сына в сексуальном плане, тогда, мистер Бонд, вы глупее, чем я о вас думал. Если бы я захотел, у меня было бы столько мальчиков или девочек, сколько мне было бы угодно. Но покамест я хочу помочь Алану во имя того, что мне известно. Во имя того, что всегда хранится глубоко в моем подсознании и никогда не всплывет на поверхность. Но если вы не желаете, чтобы вашему сыну помогали, мистер Бонд, то я подожду, пока ему исполнится двадцать один год. И пусть тогда будет несколько поздно, но я увезу его отсюда. Ладно, я ведь пришел к вам не для того, чтобы спорить. Если вы не хотите продолжать разговор на эту тему, то я уйду.

Доктор Томпсон поднялся, и вид у него при этом был весьма свирепый. Его лицо раскраснелось, и, казалось, он готов был выбросить Мартина Бонда из его же

собственного окна.

Мартин Бонд пошевелил пальцами, теребя ими полы своей куртки, а затем сказал:

— Хорошо, допустим, я сказал не подумав. Но я в толк не возьму, как мы будем ночью таскать в магазин картошку и все такое... Нам, знаете ли, как и нашему мальчишке, тоже ведь надо на что-то жить.

Тут в разговор весьма поспешно вмешалась Мэри Бонд:

— Тише, Мартин, тише! Мы прекрасно справимся с этим. Мы легко можем нанять на работу какого-нибудь школьника, который этим займется. Это нам обойдется дешевле, чем, если бы нам пришлось содержать Алана.

Мартин Бонд медленно кивнул головой.

— Ладно, ладно, — с неохотой проговорил он. — А ты, — обратился он к сыну, — можешь идти. Но куда тебе не исполнился двадцать один год, ты все еще под моим контролем. Гляди, хорошенько учись лекарскому ремеслу, а не то я тебе задам!

С этими словами отец резко повернулся и застучал каблуками по ступенькам, спускаясь в магазин. Мэри Бонд с извиняющейся улыбкой на лице обратилась к доктору Томпсону:

— Мне очень неудобно, что все так получилось, доктор. Мой супруг иногда бывает горяч. Он у меня, знаете ли, Овен!

Таким образом, дело было устроено. Доктор Томпсон и Алан договорились, что поедут в Музей Джона Хантера на следующей неделе, когда у доктора будет выходной. Затем доктор ушел домой, а Алан отправился в свою комнату, чтобы позаниматься.

— А, привет, Алан! — сказал доктор Томпсон, когда неделей позже Алан появился у него в операционной. — Входи! Сейчас мы с тобою попьем чаю, а затем сядем в машину и поедem на бульвар Линкольнз Инн-Филдз.

Они попили чаю с печеньем, после чего доктор сказал: — А теперь, парень, думаю, тебе нужно кое-куда сходить, поскольку нас ожидает столь сильное удовольствие, после которого, боюсь, ты можешь испачкать мой прекрасный чистый автомобиль!

Алан покраснел и поспешно направился в ту самую маленькую комнатку, куда даже короли ходят пешком!

Затем доктор Томпсон повел Алана за собой по дорожке, которая пролегала вдоль тыльной стороны дома к месту, где был припаркован его автомобиль — старый добрый «моррис-оксфорд». Открыв дверцы автомобиля, он сказал:

— Садись, — и исполненный благодарности Алан уселся на пассажирское место. Алану не очень-то часто приходилось ездить в личном авто. Ему больше приходилось путешествовать на лязгающих трамваях и рычащих автобусах. Он жадно следил за тем, как доктор завел двигатель, подождал какое-то время, чтобы разогреть мотор, потом проверил заряд аккумулятора и уровень масла и выехал со двора.

— Ты знаешь, какой дорогой нам лучше ехать? — насмешливо поинтересовался доктор.

— Видите ли, сэр, — довольно робко ответил Алан, — я ознакомился с картой и полагаю, что вы поедете по улице Ист-Индия-Док-Роуд, а затем — по мосту Ватерлоо.

— Нет, — ответил доктор. — Тут я тебя «купил», ни по каким мостам мы не поедем. Ты хорошенько запомни маршрут, поскольку, если мои планы осуществятся, тебе придется довольно часто им ездить.

Алан как зачарованный рассматривал те места, что простирались за пределами его родного района Тауэр-Хамлетс. Ему не часто доводилось ездить по городу, но отчего-то у него возникло тревожное чувство, что во многих из тех районов, через которые они проезжали, он когда-то бывал. Наконец они свернули вправо, и по улице Кингзуэй попали в район Холборн. Потом они довольно долго ехали вдоль по Кингзуэй, после чего свернули на улицу Сардиния-Стрит, которая вела на бульвар Линкольнз-Инн-Филдз. Тут Доктор Томпсон неожиданно въехал в какие-то железные ворота и ловко припарковал машину. Выключив зажигание и вытащив ключ, он сказал:

— Вот мы и приехали, парень. Вылезай!

Вместе они вошли в парадную дверь Королевского хирургического колледжа, и доктор Томпсон дружеским легким кивком поприветствовал одного из стоявших здесь людей, одетых в униформу.

— Дела в порядке, Боб? — спросил его доктор и, бодро кивнув, направился дальше, в темный вестибюль.

— Пойдем! Сейчас мы повернем налево... Ах, погоди-ка — мне нужно кое-что тебе показать.

Он остановился и схватил Алана за руку:

— Здесь представлено нечто, от чего у тебя сейчас могут заболеть зубы. Это зубоврачебные инструменты, которыми пользовались в старину. Видишь — вон там, в стеклянном шкафу? Ну, как бы тебе понравилось, если бы кто-то решил выдернуть такой штуковиной твой коренной зуб?

Он весело хлопнул Алана по спине и сказал:

— А теперь посмотрим, что у нас там.

«Там» находилась большая — весьма большая — комната, сплошь уставленная застекленными шкафами, стеллажами и, конечно же, всякими полками, где находилось множество стеклянных банок. Алан с благоговейным страхом разглядывал все то обилие закупоренных в банки младенцев, утробных плодов и всяческих человеческих органов, которые, по мнению хирургов, должны были храниться здесь для изучения и для обучения студентов.

Они прошли вдоль одной из комнат и остановились у стеллажа, выполненного из хорошо отполированного орехового дерева. Доктор Томпсон взял с этого стеллажа какой-то ящик, и Алан увидел в нем два стеклышка, уложенные друг на друга в виде сэндвича. Между стеклышками виднелось какое-то ужасно грязное «нечто». Доктор Томпсон рассмеялся и сказал:

— В этой коробке содержится мозг, который был тонко нарезан таким образом, чтобы, взяв эту коробку и заглянув в нее, ты мог увидеть любую отдельную часть мозга. Смотри-ка, — он потянулся к другому ящику, потянул за ручку, и оттуда показался еще один стеклянный «сэндвич», указав на который доктор сказал:

- Считается, что именно отсюда ты получаешь свои психические ощущения. Интересно, каковы они у тебя? — затем он добавил: — Да и, мне не мешало бы разобраться в своих!

Доктор и Алан провели все утро в Музее Хантера, а затем доктор Томпсон сказал:

— Ну что ж, по-моему, нам пора перекусить, не так ли?

Алан давно уже чувствовал урчание в желудке и потому отнесся к этой идее весьма одобрительно. Они покинули музей и, сев в машину поехали в клуб, где мистера Томпсона, видимо, хорошо знали. Вскоре они уже сидели за столом и обедали.

— Теперь мы поедem в больницу, и я свожу тебя в прозекторскую, а там, как говорится, будь что будет.

— А что, разве в прозекторскую пускают всех так запросто? — несколько изумленно спросил Алан.

Доктор Томпсон рассмеялся и сказал:

— Нет, что ты, не приведи Бог! Но меня там знают как специалиста. И потом, у меня когда-то был свой медицинский кабинет на Харли-Стрит, но я не терплю низкопоклонства и не смог терпеть всю тамошнюю грязь. Я совершенно не выношу этих старых матрон, которые уверены в том, что если они достаточно заплатят, то их немедленно вылечат. К тому же они смотрят на врача как на какую-то инфузорию, — добавил он, покончив с обедом.

Вскоре автомобиль подвез их к крыльцу больницы и остановился в том месте, где парковка была разрешена только врачам. Доктор Томпсон и Алан оставили машину и через парадный вход прошли в регистратуру. Здесь доктор обратился к одному из находившихся здесь санитаров:

— Я хочу поговорить с профессором Дромдэри-Дамбкофф. Санитар обернулся к телефону и, подняв трубку, что-то сказал в нее.

Вновь повернувшись к доктору Томпсону, он сообщил:

— Все в порядке, сэр. Профессор попросил меня проводить вас и вашего спутника к нему. Прошу вас пройти за мной.

Вместе они прошли по больничным коридорам, которые, как пока-залось Алану, простирались на бесконечное множество миль. Наконец они добрались до кабинета, на двери которого была видна табличка с именем профессора. Санитар постучал и открыл дверь. Доктор Томпсон и Алан вошли. Первой вещью, которую они увидели, была лежавшая на столе половина человеческого тела. Двое людей в белых халатах деловито что-то там вырезали. На мгновение Алан почувствовал, что внутри него происходит нечто странное, однако он быстро решил, что если он собрался стать доктором, то ему придется привыкнуть к подобным зрелищам. Поэтому он сделал резкое глотательное движение, дважды или трижды усиленно моргнул и полностью овладел собой.

— Это тот мальчик, о котором я вам говорил, профессор. Думаю, из него будет толк, — сказал доктор Томпсон, представляя Алана профессору.

Профессор пристально посмотрел на Алана и сказал:

— А, это хорошо, что вы уже здесь. Ну что же, давайте посмотрим, на что вы способны, — и вдруг он так странно захихикал, как девчонка. Бедный Алан ужасно смутился.

Какое-то время они просто стояли и разговаривали, пока профессор наблюдал за работой двух студентов. А затем Алана провели в невероятно холодную и ужасно зловонную прозекторскую. Здесь Алан не на шутку испугался, что может опозориться, если рухнет в обморок или испачкает пол своей рвотой. Но тут он опять вспомнил, что это его будущая работа, и приступ тошноты сразу прошел. Профессор двигался от одного трупа к другому. Поскольку лекции закончились и никого из студентов в прозекторской не было, то профессор стал обращать внимание Алана на отдельные интересные моменты, а доктор Томпсон внимательно следил за его реакцией.

— Ах, я ешь глупий башка! — вдруг сердито вскричал профессор, нагибаясь и поднимая упавшую на пол отрезанную руку, которую кто-то забыл под прозекторским столом.

— Студенты сейчас не такой, как есть в Германия, — они очень небрежный. Как они сметь ронять рука?

Все еще продолжая ворчать, он подошел к другому трупу и, ухватив Алана за руку, сказал:

— Возьми вот этот скальпель и сделай надрез отсюда досюда. Ты должен почувствовать, что значит резать человеческий тело.

Алан тупо взял протянутый ему скальпель, а затем, с внутренним содроганием, которое, как он надеялся, было не очень заметно, надавил острием ножа на мертвую плоть и сделал надрез.

— Твердый рука! У тебя твердый рука! — восторженно вскричал профессор. — Да, ты станешь хороший студент-медик!

Потом доктор Томпсон и Алан пили чай, и доктор сказал:

- Ну а теперь, несмотря на то, что ты столько сегодня повидал, тебе придется есть. Я был почти уверен, что увижу твою зеленую физиономию на полу подле прозекторского стола или что-нибудь в этом роде. Интересно, что с тобой будет, если в следующий раз я предложу тебе съесть почку на поджаренном тосте? Как думаешь, тебя стошнит при виде почки?

Алан рассмеялся. На душе у него теперь было легко, и он ответил:

— Нет, сэр, я чувствую себя как дома.

Потом они медленно возвращались в район Уоппинг, лавируя между толпами вечерних прохожих. Доктор Томпсон всю дорогу рассказывал Алану о своих планах — о том, что он стареет и очень устает, о том, что он будет заботиться об Алане и позволит ему пользоваться своим банковским счетом, чтобы тот зависел от родителей. Он говорил:

— Я не знал своих родителей. Я был сиротой. Но если бы мои родители поступали со мною так же, как с тобой твои, то, поверь мне, — я бы от них сбежал!

В тот вечер в семействе Бондов состоялся нелегкий разговор. Бонд-отец пытался не выдавать своего любопытства, однако он с большим вниманием слушал все, о чем рассказывал Алан. И, в конце концов, он сердито сказал:

— Хорошо, парень! Если хочешь, можешь убираться. Мы нашли другого мальчишку, которого заберем к себе, если Ты нас покинешь.

Таким образом, все очень быстро устроилось. Алану предстояло поступить на подготовительное отделение медицинской школы при больнице Сент-Мэрготс, а затем если он преуспеет в учебе, то станет студентом этой школы. И Алан преуспел, учась на подготовительном отделении. Он хорошо успевал, входил в тройку самых лучших слушателей этого отделения и стал любимцем своих преподавателей. И вот настала пора, когда он закончил подготовительное отделение и был принят в число студентов медицинской школы, учившихся при больнице. Алан никогда не задумывался о том, что случится с ним завтра, поскольку любил перемены, а перемен в его жизни было очень много.

Больница Сент-Мэрготс находилась в старом здании, своей формой напомиавшем букву «U». В первом крыле буквы «U» находилось терапевтическое отделение, в основании этой буквы расположилась психиатрия, а хирургическое отделение располагалось во втором крыле. Конечно, учась на подготовительном отделении, Алан часто бывал в больнице, но он испытал особенно трепетные чувства в то утро понедельника, когда впервые пришел сюда. Он подошел к парадному входу и назвал себя, после чего санитар недовольно заметил:

— А, ты один из этих?

Затем он раскрыл свой гроссбух и стал не спеша листать страницы, слюнявя палец и оставляя на бумаге желтые никотиновые пятна. Наконец он сделал в гроссбухе какую-то пометку и сказал:

— Да, да, я про тебя знаю. Поднимись по лестнице вверх, поверни направо, а

потом налево. Как войдешь во вторую дверь справа, спросишь доктора Эрика Тетли. Но поостерегись — он сегодня с утра не в духе!

Пожав плечами, санитар отвернулся. От удивления Алан на мгновение остановился — он думал, что люди проявят больше уважения к человеку, который собирался служить в этой больнице три или четыре года, будучи студентом-медиком. И он тоже пожал плечами, взял в руки свои чемоданы и поднялся по лестнице вверх.

На верхней площадке лестницы, у правой стенки маленького вестибюля стоял стол, за которым сидел какой-то мужчина.

— Кто вы? — спросил он.

Алан назвалса. Санитар сверился со своей книгой и что-то написал на карточке, а затем сказал:

— Можешь оставить свои чемоданы здесь. А эту записку отнеси в кабинет доктора Эрика Тетли. Только стучи один раз и негромко — а уж после входи! А что дальше будет — зависит только от тебя.

Про себя Алан подумал, что здесь почему-то очень странно ведут себя с вновь прибывшими, тем не менее он взял у этого человека карточку и направился в указанный кабинет. Он постучал в дверь, вежливо подождал секунду или две, а затем тихо вошел. Прямо перед собой он увидел стол, заваленный бумагами, хирургическими инструментами и фотографиями женщин. Черная табличка с надписью «Д-р Эрик Тетли», сделанной белыми буквами, стояла в углу стола, а сам доктор, квадратный, словно шкаф, восседал на вращающемся стуле. Его руки были широко расставлены, а большими жирными пальцами он упирался в край стола.

Алан подошел к столу, слегка смущаясь немигающего взгляда доктора Тетли, и сказал:

- Сэр, я приехал поступать в Сент-Мэгготс. Мне велено передать вам эту карточку.

Доктор даже не пошевелился, чтобы взять карточку. Поэтому Алан положил ее перед ним на стол и сделал шаг, все еще испытывая на себе все тот же выматывающий душу пристальный взгляд.

— Храх! — хрюкнул доктор. — Да, старик Томпсон был прав. Я вижу, в тебе есть задатки порядочного человека, однако тебе необходимо немного вправить мозги, не так ли?

Тут он возвысил голос и во все горло рявкнул:

— Пол! Бонд пришел. Ты не мог бы зайти?

Только теперь Алан заметил, что палец доктора лежал на кнопке системы внутренней связи. Вскоре послышался шум, а затем в комнату влетел маленький неопрятного вида доктор с торчащими во все стороны волосами. На нем был белый халат, который доходил ему до лодыжек. Рукава халата были такими длинными, что доктор их то и дело засучивал. Он скорее был похож на старьевщика, чем на доктора.

— Ах, это Бонд? Ну и что мне теперь с ним делать? Целоваться, что ли?

Доктор Эрик Тетли фыркнул и сказал:

— Для начала тебе придется с ним повозиться, чтобы сделать из него нормального человека.

Доктор Пол помычал, перелистывая бумага Алана, и сказал:

— Ох, до чего же низко пал Сент-Мэгготс, если дошел до того, что принимает в свои стены сына торговца картошкой, который вознамерился стать дипломированным хирургом, либо практикующим терапевтом, или кем-нибудь вроде этого. Зачем это вам? Мало нам студентов из высшего общества — теперь нам

продавцов картошки подавай, во как Алан был ошеломлен. Он был просто потрясен тем, что этот замызганный, неопрятный и жалкий на вид человек смел, говорить ему столь неприятные вещи. Однако он вспомнил, что ему предстоит здесь учиться, и промолчал. Но вдруг, взглянув на доктора Пола, он увидел веселые искорки в его серых глазах. Доктор сказал:

— Но что поделаешь, мальчик... Говорят, Иисус был сыном плотника, так, кажется? Я не очень-то доверяю этим слухам, поскольку сам я приверженец Моисея, — рассмеялся он и протянул Алану руку.

Вскоре после этого Алану показали его комнату, которая находилась здесь же наверху — в центральной башне здания, прямо над парадным входом. Эту комнату ему предстояло делить еще с двумя студентами-медиками, так что их бытовые условия были стеснены донельзя. Спать им приходилось на парусиновых раскладушках.

Слуга, который показал ему комнату и позволил положить на койку чемоданы, сказал:

— А теперь, доктор, я должен сопроводить вас в больничный покой Мэристу²², который находится над терапевтическим отделением. В нем тридцать пять коек. Между прочим, там есть еще две койки — в частной комнате, которая находится рядом с покоем. За старшую там сестра Суини. Черт возьми, это еще та сучка! Находясь рядом с ней, всегда помните о своих манерах!

Старшая медсестра Суини, отвечавшая за порядок в покое Мэристу, и вправду казалась сущим драконом. Она была всегда недовольна всеми и всем. Ее кожа была так смугла, что могло показаться, будто она была представительницей какой-то смешанной расы. На самом же деле она происходила из старинного английского рода, и Алан изумился, когда она впервые заговорила с ним. Судя по ее речи, она принадлежала к самым культурным людям, которых Алану доводилось когда-либо видеть. И более близкое знакомство показало, что сестра Суини отнюдь не была драконом. Когда она видела, что студент усердно трудится, то изо всех сил старалась помочь ему. Для лентяев у нее никогда не находилось времени, а в случае, если какой-нибудь студент совершал оплошность, она тут же бежала в кабинет Сестры-распорядительницы.

Жизнь студента-медика, живущего при больнице, по большей части однообразна. Алан усердно трудился. Он любил работать и производил на всех очень благоприятное впечатление. В конце третьего года обучения его вызвал к себе доктор Эрик Тетли.

— Ты хорошо работаешь, мой мальчик, — куда лучше, чем я предполагал. В самом начале я думал, что, несмотря на все комплименты, сказанные в твой адрес стариком Томпсоном, ты все равно вернешься домой чистить картошку. Но ты во всем проявил себя с наилучшей стороны. И я хочу, чтобы в будущем году ты был моим личным ассистентом. Ты согласен?

Он поднял на Алана глаза и, не дожидаясь ответа, продолжил:

— Хорошо, можешь отлучиться на полдня, чтобы сходить к старику Томпсону. Передай ему от меня, что он оказался прав. Скажи, что с меня причитается...

Алан направился к двери, но доктор его окликнул:

— Эй, погоди-ка! — Алан вернулся обратно, не понимая, почему его вернули.

22

В Великобритании издавна существовала традиция присваивать больничным pokojам имена благотворителей, жертвовавших свои средства на строительство больницы. Так, например, в 1881 г. граф Уильям IV Маунт-Эджкумбский основал в г. Плимуте больницу «Гринбеик». И одному из покоев этой больницы было присвоено его имя. Еще две палаты этой больницы — Лопес и Мэристу — были названы в честь других благотворителей.

А доктор Тетли спросил:

— Машина есть?

— Нет, сэр, — ответил Алан. — Я ведь всего лишь бывший «продавец картошки», ставший студентом-медиком. Машина мне не по карману.

— Храх! — хрюкнул доктор Эрик Тетли. — Ну а водить-то хоть можешь?

— О да! Доктор Томпсон научил меня, и я даже получил права.

— Это хорошо, — сказал доктор Тетли, роясь в правом ящике своего стола. По мере того как доктор извлекал из ящика всевозможные бумаги, медицинские инструменты и прочее, он бормотал что-то себе под нос, произнося при этом всякие омерзительные слова. Наконец он с ликованием извлек из ящика кольцо с двумя прикрепленными к нему ключами.

— Вот тебе ключ от моей машины. Я хочу, чтобы по дороге ты завез пакет одной леди. Вот здесь указан адрес. Сможешь разобрать почерк? Так, хорошо... Передашь ей пакет, и все! Не вздумай с ней болтать. От нее езжай сразу к старику Томпсону. Жду тебя здесь ровно в девять вечера. Машина находится на стоянке, место 23. Это сразу под окнами кабинета Сестры-распорядительницы. Нет, постой! — добавил он. — Лучше я выпишу тебе разрешение на то, чтобы взять мою машину, а не то какой-нибудь чертов полицейский подумает, будто ты решил ее угнать, да и арестует тебя. Однажды у меня уже был такой случай.

Он небрежно написал что-то на клочке бумаги, поставил на нем свою служебную печать, а затем сунул эту бумажку Алану, сказав:

— Ну, жарь! И не появляйся здесь до девяти вечера.

Шли годы. Эти годы принесли Алану Бонду не только большой успех, но и горе. Умер его отец. Однажды, торгуясь с каким-то покупателем, желавшим купить у него спаржу, он вошел в раж и замертво рухнул на пол. Теперь Алану пришлось помогать своей матери, поскольку товара в магазине уже не осталось, а за аренду нужно было платить. Поэтому Алан снял для матери квартиру из двух комнат и следил, чтобы за старушкой ухаживали, как следует. К сожалению, мать возненавидела Алана, считая, что это он убил отца тем, что слишком возгордился и ушел от них. И хотя Алан заботился о своей матери, он никогда не навещал ее.

Вскоре стали поговаривать о войне. Эти ужасные немцы, по своему ужасному немецкому обыкновению, вновь бряцали оружием, со всей своей наглой дерзостью хвастали, что скоро завладеют всем миром. Одна страна напала на другую, а та, в свою очередь, тоже на кого-то напала, и Алан — к тому времени уже ставший дипломированным врачом — рвался на фронт. Но его не брали, принимая в расчет то, что он усердно работал не только в своем районе, но и на территории Лондонского Пула, где находилось множество морских транспортных компаний.

Однажды доктор Реджинальд Томпсон позвонил Алану по телефону прямо в больницу, где Алан к тому времени уже служил штатным врачом, и сказал:

— Алан, ты мог бы зайти на несколько минут ко мне домой? Мне нужно срочно тебя видеть.

Алан, который относился к доктору Томпсону с искренней любовью, быстро упросил стареющего доктора Тетли отпустить его с работы до конца рабочего дня. Теперь у Алана была своя машина. Поэтому вскоре он подъехал к дому доктора Томпсона и припарковал машину на дорожке, которая вела к его воротам.

— Алан, — сказал доктор Томпсон, — я старею, и жить мне осталось не так уж долго. Ты мог бы осмотреть меня?

Алан замер в оцепенении. И тогда доктор Томпсон обратился к нему снова:

— Что с тобой, мой мальчик? Ты разве забыл, что ты врач? Ну, давай — приступай же.

И он стал снимать с себя одежду. Алан подготовил инструменты, которые были у доктора Томпсона: офтальмоскоп, аппарат для измерения давления и прочие. А его собственный стетоскоп, конечно же, был всегда при нем. При осмотре у доктора Томпсона были выявлены гипертония и острый стеноз митрального клапана.

— Вам следует лучше следить за своим здоровьем, — сказал Алан. — Вы не в столь хорошей форме, как мне казалось. Почему бы вам не лечь в Сент-Мэгготс, где бы мы могли решить, что нам следует предпринять?

— Не лягу я в эту задрипанную богадельню, — ответил ему доктор Реджинальд Томпсон. — Послушай, чего я действительно хочу... У меня здесь прекрасная практика, она приносит мне много денег, а Тетли говорил мне, что за те пять лет, что ты у него работаешь, ты хорошо себя зарекомендовал. И теперь я говорю тебе: пришла тебе пора принять мою практику, пока я еще в состоянии помочь тебе и передать все свои связи. Ты слишком надолго застрял в Сент-Мэгготсе — так надолго, что уже успел ссутулиться и сделаться близоруким. Бросай все это и переходи жить ко мне.

Затем он добавил:

— Разумеется, я передам тебе свою практику, и, покуда я не протяну ноги, мы с тобой будем работать как партнеры. Добро? Так и порешим. Алан был очень удручен. Какое-то время он определенно чувствовал, что движется в правильном направлении. Он был одержим... Одержим стремлением спасти жизнь. Спасать жизнь пациента любой ценой, независимо от того, сколь тяжелой и неизлечимой была бы его болезнь. Алан не был силен в хирургии — он не питал к ней никакого интереса, а вот ординарная терапия была его коньком, и как раз на этом поприще он сделал себе имя. А теперь его друг и благодетель, Доктор Реджинальд Томпсон хочет, чтобы он занялся частной практикой. Голос доктора Томпсона вдруг прервал ход его мыслей:

— Возвращайся в Сент-Мэгготс и переговоры об этом с Эриком Тетли. А также посоветуйся со своим другом, доктором Уордли, — расспроси, что он об этом думает. Будь спокоен и не сомневайся — эти двое дадут тебе верный совет. А сейчас ступай с глаз моих и не появляйся, пока не примешь решения, — а не то, боюсь, тебя сейчас укачает от моих разговоров.

И тут в комнату вошла с чайным сервизом на деревянной тележке сильно постаревшая миссис Симмондс:

— Ах, доктор Томпсон, я увидела, что пришел доктор Бонд, — вот я и решила приготовить вам чаю прежде, чем вы меня позовете. Вот, угощайтесь, — и она широко улыбнулась Алану, которого теперь почитала своим фаворитом, поскольку он так хорошо распорядился своей жизнью.

Вернувшись в Сент-Мэгготс, Алан сумел встретиться и переговорить с докторами Тетли и Уордли. При этом доктор Уордли сказал:

— Знаете, возможно, я не должен был вам это говорить, Алан, но доктор Реджинальд Томпсон является моим пациентом вот уже много лет. Он сделал множество кардиограмм, и скажу вам, он может внезапно угаснуть, как свеча. Вы многим ему обязаны, и я бы советовал вам крепко подумать, прежде чем отказаться от переезда к нему.

Доктор Тетли одобрительно кивнул и сказал:

— Да, Алан, вы хорошо поработали в Сент-Мэгготс, но здесь вам уже становится тесно, вы все больше превращаетесь в узника этой больницы. Надвигается война, и врачи понадобятся не только в больницах, но и на улицах. А в случае необходимости мы всегда сможем отозвать вас обратно. Поэтому я

освобождая вас от обязательств, которые вы имеете перед нашей больницей.

Вот так и случилось, что месяц спустя доктор Алан Бонд стал равноправным партнером доктора Реджинальда Томпсона, и они успешно работали вместе. Но все это время газеты и радио не переставали говорить о войне, о бомбежках и о том, как одна страна за другой покорялась ненавистным «Гансам», которые с обычной жестокостью бошей безжалостно подминали под себя Европу. Наконец Невилл Чемберлен вернулся из Германии с нелепыми, пустыми и глупыми заявлениями о «мире в наше время», а из Германии, естественно, приходили сообщения о том, как там громко хохочут над долговязым англичанином, который полагал, будто, приехав туда со своим свернутым зонтиком, он может установить мир во всем мире. Вслед за этой пустой болтовней в радиоприемниках зазвучал наглый и напыщенный голос Гитлера, а через день или два Англия объявила ему войну.

Месяцы проносились один за другим, а война так и не начиналась. Это был период «странной войны»²³. Как-то раз к Алану зашел полицейский. Он тщательно проверил, что перед ним действительно доктор Алан Бонд, а затем сказал, что его мать, Мэри Бонд, покончила жизнь самоубийством и ее тело сейчас находится в Паддингтонском морге.

Алан едва не сошел с ума. Он не догадывался почему, но это известие показалось самым ужасным из всех, какие ему довелось услышать. Самоубийство! В течение многих лет он выступал против этого, а теперь его родная мать решила на столь безрассудный поступок.

А вскоре началась самая настоящая война, и Лондон стали бомбить. Все это время приходили известия о военных успехах Германии. Немцы побеждали повсюду. А на Дальнем Востоке японцы крушили все на своем пути. Они взяли Шанхай, они взяли Сингапур. Снова Алан просил, чтоб его зачислили в какое-нибудь войсковое подразделение, и снова его просьбу отклонили, ссылаясь на то, что он будет больше полезен там, где находится.

Бомбежки усилились. Каждую ночь немецкие бомбардировщики пересекали побережье Британии, беря курс на Лондон. Каждую ночь в районе доков и в лондонском Ист-Энде пылали пожары. Алан очень активно помогал службе ПВО — то есть службе противовоздушной обороны. В подвале своего дома он организовал пост ПВО. Воздушные налеты повторялись каждую ночь. На город обрушивался град зажигательных бомб. Термитные бомбы скакали по крышам, а иногда и пробивали их, поджигая дома.

Однажды ночью случился очень сильный налет. Казалось, весь район был в огне. Слышался нескончаемый вой бомб и завывание сирен. Шланги пожарных машин растянулись через все дороги, что не позволяло врачам использовать свои машины.

Та ночь была лунной, но свет луны не мог пробиться из-за красного дыма, клубившегося над пожарами. Искры вихрем носились вокруг, и постоянно слышался адский вой падающих бомб. Хвостовые стабилизаторы некоторых бомб были оснащены сиренами, чтобы усилить шум и панику. Алана можно было видеть повсюду: он помогал извлекать тела, которые находились под обломками зданий, и ходил по подвалам домов, где были бомбоубежища, неся успокоение измученным телам тех, кто находился внутри. В ту самую ночь Алан стоял переводя дух и попивая чай возле одной из полевых кухонь. И вдруг — фью-у!

Стоявший рядом с ним начальник местной службы ПВО сказал:

— Совсем рядом прошла.

Алан посмотрел назад и увидел, что весь горизонт был в огне. Повею- I ду бушевало море дыма. А над всем этим слышалось «Трам-трам-трам», — это неровно гудели моторы немецкого самолета.

Время от времени до ушей доносилось: «Тах-тах-тах», — это стреляли британские ночные истребители. Они вели огонь по самолетам захватчиков, которых с земли освещали лучи прожекторов.

И вдруг послышалось резкое «Бух!» — и показалось, будто весь мир содрогнулся. Целый дом вдруг подпрыгнул в воздух, распался и рассыпался на куски. Алан испытал чувство сильной агонии. Командир ПВО, который остался невредим, огляделся и прокричал:

— Боже мой, доктор ранен!

Бойцы ПВО и спасатели отчаянно пытались убрать куски каменной кладки, чтобы высвободить живот и ноги Алана. А самому Алану казалось, будто он попал в море огня. Все его существо было объято бушующим пламенем. Вдруг он открыл глаза и сказал:

— Не трудитесь, ребята. Со мной все кончено. Лучше оставьте меня и поищите тех раненых, которые не так безнадежны, как я.

С этими словами он сомкнул глаза и лежал так какое-то время. Казалось, он пребывает в особом состоянии экстаза.

«Это не боль», — подумал он про себя.

И вдруг ему показалось, что у него начинаются галлюцинации, поскольку он почувствовал, что плывет над самим собою, зависая вниз головой. Он видел голубовато-белый шнур, соединявший его висевшее в воздухе тело с тем телом, что лежало сейчас на земле. И это лежавшее на земле тело было разворочено от пупка донизу. Потом он сделался маленьким, словно пятнышко, — словно капелька малинового джема распростерлась на земле. И вдруг его мозг, словно молния, пронзила мысль о том, что ведь как раз сегодня он должен был отметить свой тридцатый день рождения. При этой мысли ему показалось, что серебристый шнур начал вдруг уменьшаться и таять. И Алан вдруг стал взмывать кверху — словно он был одним из тех заградительных аэростатов, что висели над Лондоном. Поднимаясь все выше и по-прежнему зависая лицом вниз, он видел под собой землю. Внезапно ему показалось, что он натолкнулся на темную тучу. И на какое-то время все исчезло из виду.

— Пятьдесят-Три! Пятьдесят-Три! — прозвучал в его голове чей-то голос. Он открыл глаза и оглянулся, но кругом все было черно. Казалось, он находится в сплошной черной мгле. И про себя он подумал: «Странно, но все это кажется мне очень знакомым. Где я? Наверное, мне ввели обезболивающее или что-то вроде того».

А пока он так думал, черная туча стала серой, и теперь он мог различить какие-то образы, цифры. Вдруг ему стало ясно: он находится в астрале. И тогда он улыбнулся. А пока он улыбался, тучи и туманная мгла таяли все сильнее. И он увидел все величие реального астрального плана. Вокруг него столпились друзья — ведь только друзья могут окружать человека в этом плане. В какое-то мгновение он с ужасом оглядел себя, а затем, не задумываясь, вообразил на себе ту одежду, мысль о которой первой пришла ему в голову. Он вспомнил о том белом одеянии, какое носил в больнице Сент-Мэгготс. И тут же оказался одетым в белое. Но вдруг его испугали донесшиеся до него взрывы смеха, которые явно адресовались ему. Еще раз, взглянув на себя, он увидел, что его белое одеяние достает ему всего лишь до талии. Ведь именно такой фасон ему, как специалисту, было положено носить в больнице.

Реальный астрал оказался местом весьма и весьма приятным. Друзья с радостью доставили Алана в Дом Покоя. Здесь он получил премиальную комнату, из которой мог наблюдать прекрасные кусты и деревья в парке. Таких красивых растений он никогда прежде не видел. Повсюду здесь летали птицы и гуляли ручные животные. И ни одно существо не причиняло вреда другому.

Алан скоро оправился от душевной травмы, перенесенной им в связи со смертью на Земле и возрождением в астрале, а затем, неделей позже, как это здесь было принято, ему пришлось посетить Галерею Воспоминаний. Сидя здесь, он увидел все, что случилось в его прошлой жизни. В конце сеанса, длительность которого невозможно было бы измерить, чей-то добрый голос сказал ему:

— Ты достиг успеха. Ты все сделал правильно. Ты искупил свою вину. Теперь ты можешь отдохнуть здесь в течение нескольких столетий, прежде чем составишь план своих будущих действий. Здесь ты можешь заняться наукой или всем, чем только пожелаешь. Ты показал себя молодцом.

На выходе из Галереи Воспоминаний Алана вновь встретили его друзья. И вместе они направились искать жилище, в котором Алан мог бы насладиться временем, проведенным наедине с самим собой, и поразмышлять над тем, что ему больше всего хотелось бы совершить в будущем.

Я полагаю, что всех людей, кто бы они ни были, нужно приучить к мысли о том, что смерти нет — есть только смена астральных планов. И когда наступает час такой смены, доброжелательная Природа облегчает нам путь, ослабляет нашу боль и погружает в состояние покоя тех, кто ВЕРИТ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

В старом доме стояла такая тишина, какая бывает лишь в старом доме. Временами из темноты ночи доносилось бормотанье ветхой половицы, которая нечаянно терлась о свою соседку, а потом извинялась за то, что таким образом вторглась в ее личную жизнь. Старый дом отдыхал после трудного дня. Теперь дом уже не мог предаваться мечтам вплоть до теплого полудня. Старый дом сделался жертвой злого времени, налогов, конъюнктуры и недостатка средств на реконструкцию.

Старый дом был не рад толпам беспечных посетителей, которые волнами текли по коридорам и набивались в комнаты, подобно стадам обезумевших овец. Старый дом слышал, как стонут его половицы, и чувствовал, как провисают его брусья под непривычным грузом после стольких лет покоя и тишины. Но Семейству требовалось жить дальше и как-то зарабатывать деньги. Поэтому после долгих душевных терзаний и внутренних раздоров стороны решили сделать этот исторический особняк открытым для экскурсантов.

Построенный сотни лет назад, этот дом был помещьем человека из высшего общества, — человека, который верой и правдой служил своему королю и за свою преданность заслужил титул лорда-пэра. Дом был с любовью и добротой построен здоровыми и сильными рабочими, которые кормились пивом, сыром да еще хлебом и которые сделали все должным образом, поскольку считали делом чести трудиться на совесть. Поэтому дом выдержал...

Выдержал обжигающий летний зной и холодную зимнюю стужу, когда казалось, будто каждая балка вот-вот согнется под порывами ледяных ветров, которые бесновались вокруг. Лужайки подле дома были все еще хорошо ухожены. Фундамент дома был все еще хорошо защищен. Но кое-где начали скрипеть доски, кое-где арки просели от старости. И вот теперь, истоптанный ногами посетителей и

замусоренный выброшенными детьми липкими конфетными бумажками, дом опять погрузился в тишину.

В старом доме стояла такая тишина, какая бывает лишь в старом доме. Где-то за стеной, пища и шурша, резвились мыши. Где-то в вышине ухала на луну сова. На улице холодный ночной ветер шелестел в карнизах и иногда стучал по окнам длинными ветвями. Но в том крыле дома никого не было. «Семья» жила сейчас в домике поменьше, который стоял на землях поместья и которым когда-то, в более благополучные времена, владели дворецкий и его супруга.

До блеска отполированный пол сиял при лунном свете, бросая таинственные блики на облицованные панелями стены. А в комнатах портреты предков мрачно бросали вниз невидящие взоры точно так же, как и много столетий тому назад.

В дальнем конце Большой Залы пробил без четверти двенадцать величественный «Дедушка»²⁴. Где-то в серванте тихим эхом вторили бою часов треснувшие стекла. Из другой комнаты, что была неподалеку, тонким голоском «Дедушке» подпевала «Внучка»²⁵.

На мгновение все стихло, как вдруг Дедушка заговорил:

— Эй, Внучка, ты здесь? Ты слышишь меня?

Послышался щелчок, потом с жужжанием повернулось колесико часового механизма, а затем послышался тоненький голосок Внучки:

— Конечно, Дедушка, я слушаю тебя. Должно быть, ты хочешь что-нибудь рассказать мне сегодня ночью?

Тихим голосом Дедушка шептал: «тик-так, тик-так, тик-так», и вдруг он заговорил громче:

— Знаешь, Внучка, я родился в конце XVII века. Впервые люди отполировали мое длинное тело в 1675, и как только мой маятник начал ходить, я тут же стал размышлять о странностях жизни. И сколько лет я жил — столько и думал. Люди, которые нас окружают, живут так мало, им не хватает времени, чтобы подумать обо всем том, что следует знать о жизни. А ты хотела бы знать об этом, Внучка?

Внучка, покоившаяся на почетном месте в девичьей, слегка покачнулась, словно кивая вслед проезжавшему мимо дома тяжелому локомотиву и сопровождавшим его товарным вагонам, а затем мягко сказала:

— Конечно, Дедушка, я бы очень хотела знать, о чем ты думал много веков подряд. Ты рассказывай, а я стану слушать тебя до тех пор, пока исполнится мое Предназначение и я пробью новый час. Ты рассказывай, Дедушка, и знай, что я тебя слышу.

В горле у Дедушки что-то клокотало. Его длинный корпус был великолепен — будучи более семи футов в длину, он неясно вырисовывался в полумраке над натертым до блеска полом. На корпусе «Дедушки» не было никаких отпечатков пальцев, которые могли бы испортить его полировку, поскольку специальному лакею было поручено содержать этого замечательного представителя антиквариата в добром здравии, чистым и голосистым. Дедушкин лик — или циферблат — был направлен к лунному свету. Глядя в окно, которое было неподалеку, он мог обозревать обширный парк, где столетние деревья построились рядами, словно солдаты на параде. Под деревьями располагались усаженные густой травой лужайки. А кое-где росли рододендроны и множество разных кустов, привезенных из дальних земель.

²⁴ «Дедушка» — здесь — «дедушкины часы» — так в Англии и Америке называют старинные напольные часы. — Прим. перев.

²⁵ «Внучкины часы» — так в Англии и США называют напольные часы, которые обычно бывают меньше «дедушкиных». Их размеры обычно составляют 42x54 дюйма. — Прим. перев.

А там, за кустами, куда Дедушкин взгляд уже не досягал, были славные луга. Те лошади и коровы, что жили в поместье, собирали здесь урожай душистых трав и так же, как старый дом, предавались мечтам.

Поближе — где именно, Дедушка не мог видеть, но так ему говорили — был весьма и весьма славный водоем шириной футов тридцать. Обо всем этом Дедушка узнал от Дорожных Часов. На поверхности пруда было множество больших лилий, на которых в определенное время года сидели и квакали жирные лягушки. Дедушке самому доводилось слышать их кваканье, и он думал о том, что механизм этих лягушек нуждался в смазке. Но Дорожные Часы объяснили ему истинное положение вещей, а также рассказали о рыбах, живших в пруду, и о прилежавшем к дальнему концу водоема птичнике, который был длиной футов тридцать, а высотой около десяти футов и где проживали разноцветные птицы.

Дедушка мысленно представлял себе все это. В своей памяти он вернулся на много столетий назад и увидел там лордов и леди, которые приближались к нему в своих великолепных нарядах, столь отличных от тех скучных, однообразных и грубых джинсовых комбинезонов, которые можно видеть на людях в нынешние дни всеобщего упадка. Дедушка размышлял, пока голос Внучки не пробудил его от этих дум.

— Дедушка, Дедушка, с тобой все в порядке? Я жду твоего рассказа. Ты ведь собирался многое поведать мне о прошлом, настоящем и будущем, а также о жизни и ее значении.

Дедушка откашлялся, в то время как его маятник продолжал шептать «тик-так, тик-так, тик-так», и заговорил:

— Внучка, — сказал он, — люди не осознают, что качающийся маятник представляет собою ответ на загадку Вселенной. Я старый хронометр, и я стою здесь уже так много лет, что основание моего корпуса искривилось, а мои механизмы скрипят при смене погоды. Но я должен кое-что тебе сказать. Нам, хронометрам старой Англии, известен ответ на загадку Вселенной. Нам известен Секрет Жизни, а также ведомы Секреты Потустороннего Мира.

Сказка, которую он поведал своей внучке, была новой, но она сочинялась веками. Эта сказка началась в незапамятные времена. Дедушка сказал, что в этой сказке ему придется объединить современную технологию с древней наукой, поскольку современная технология пока еще остается древней наукой.

— Деревья поведали мне, — сказал он, — что много-много тысяч лет назад была иная наука, иная цивилизация. И все, что сейчас считается современным, что принято называть последними изобретениями и современными процессами, — все это даже в те времена уже устарело.

Он на мгновение остановился и вдруг сказал:

— О, мне пора отбить новый час. Время пришло.

Он стоял в Большой Зале, крепкий и высокий, и тут изнутри его длинного корпуса раздался предварительный щелчок, потом послышались жужжание и мелодичный перелив. А затем он ударил полночь — двенадцатый час, когда один день умирает, а другой день рождается и начинается совершенно новый цикл. И, ударив в последний, двенадцатый раз, когда его молоточки остановились, дрожа, он терпеливо подождал, пока его Внучка пробьет тот же час для всех, кто вслушивается в тишину этой ночи.

«Внучка» была высока и стройна, не более ста лет от роду. У нее был очень приятный голос и чистая трель колокольчиков, в которой не было никаких фальшивых вибраций, а также никакого лязга и щелчков. И это было вполне естественно для столь юной особы, прожившей ничуть не более сотни лет. Теперь

она стояла в лучах лунного света, проникавших сюда сквозь легкую тень от качавшихся за высоким окном ветвей. И пробежавшие по ее корпусу пальцы мерцавшего света украшали орнаментом ее башни и иногда касались ее стрелок, поднятых кверху, как руки человека, который молит о помощи в этот новорожденный день. Она слегка откашлялась, а затем ее колесики стали вращаться, молоточки поднялись и упали на прутья. Молоточками она отстучала свою песенку. Когда песня смолкла, часы начали бить: один, два, три, и так до двенадцати. На последнем, двенадцатом ударе она едва затрепетала, теряя все свои силы. Ее молоточки дрогнули, а гири, что были на концах цепей, тихо рокотали, ища новую опору внутри ее корпуса. Она кротко сказала:

— Прости, Дедушка, что я заставила тебя ждать. Я знаю, что на минуту отстала, Но скоро все наладится. Ты готов продолжать?

Дедушка улыбнулся своим мыслям.

«Все верно, — думал он, — молодежь должна уважать и почитать тех, кто намного старше». Он улыбнулся и сказал:

— Да, Внучка, я продолжу.

— Через века, — сказал Дедушка, — люди пронесли уверенность в том, что религия облегчит тягость их противоестественной жизни. Они всегда стремились увидеть в Боге своего личного Отца, Который должен был заботиться о них, следить за ними, смотреть только на них и быть с ними более обходительным, чем с другими людьми. Бог должен был быть всегда тем, — сказал Дедушка, — кто всемогущ, кому можно молиться и кто, как можно надеяться, даст благоприятный ответ на эти молитвы.

Внучка согласно кивнула. И еще она кивнула, сочувствуя проходившему мимо дома тяжелогруженому составу. А где-то неуклюжая мышь наскочила на украшение и опрометью забралась на стол. Пискнув от ужаса, мышь спрыгнула со стола, бросилась к ближайшей норе и нырнула в нее, неистово взмахнув в воздухе хвостом.

Дедушка продолжил свой рассказ.

— Мы должны также рассмотреть, — сказал он, — современную технологию, которая, конечно же, является лишь рецидивом технологии старой. Все сущее — все, что ЕСТЬ, — это всего лишь некие последовательности вибраций. Вибрация — это волна, которая вначале поднимается, а затем опускается вниз. Потом она снова идет вверх и опять опускается вниз — и так целую вечность, — точно так же как наши маятники качаются сначала в одну сторону, где останавливаются, а затем они качаются в другую сторону.

Дедушка на мгновение умолк и тихо похихикал, поскольку цепь пошла вниз и соскользнула с зубца латунного колеса, которое было у него внутри, а висевшая внизу гиря слегка покачнулась, словно радуясь тому, что она еще на один зубец приблизилась к земле.

— Я знаю, — сказал он, — что все сущее имеет свои позитивные и негативные фазы и движется от одной фазы к другой. Я знаю, — сказал он, придав своему голосу особую торжественность, — что в один период времени, когда Маятник Жизни идет в своем колебательном движении в одну сторону, ответственным за этот процесс является Бог Добра. Но по мере движения в этом направлении Бог Добра все более успокаивается в своем самодовольстве и перестает уделять достаточное внимание происходящему, а Маятник Жизни, остановившись, чтобы изменить направление, откатывается вниз. Бог Добра успокаивается, считая, что все в порядке, но Маятник движется вниз и приходит в другую точку своей амплитуды. А там Бог Зла, которого люди зовут Сатаной, алчно ждет, когда произойдет

колебание сил и наступит его черед.

— Зло — это мощная сила, — заметил Дедушка. — Это весьма и весьма мощная сила. Добро не осознает всей силы зла. Поэтому Добро не прилагает к борьбе со злом достаточно больших усилий. И потому мы видим, как та злая сила, что зовется Сатаной, старается максимально использовать все свои возможности. Маятник Жизни идет вверх, и в конечной точке своей траектории он, как всегда, останавливается на какую-то долю секунды перед тем, как возобновить движение. В этот момент Бог Зла совершает самые большие свои злодеяния. А затем, когда Маятник вновь начинает опускаться, Бог Зла постепенно теряет свою силу, и по мере того, как Маятник поднимается кверху, то есть к Добру, оно снова восходит на трон.

— Ах, Дедушка, — донесся откуда-то из теней чей-то тихий голос, и сама похожая на тень, гладкая Черно-белая Кошка вдруг вынырнула из темноты и села в луче лунного света, пристально глядя на старые-! престарые часы.

— Дедушка, — сказала Кошка, — я бы могла влезть на твой корпус и сесть тебе на голову, но я очень тебя уважаю и не стану вести себя непочтительно. Расскажи нам еще что-нибудь.

Она прошлась по лучу лунного света и села, уставившись на часы. И чтобы не тратить времени даром, она решила умыть свою мордочку и ушки. Время от времени она смотрела вверх на старые часы, которые нежно глядели на нее и говорили:

— Погоди, Кошечка. Я ведь все-таки часы, и мое время ограничено. Мне придется сделать паузу и пробить четверть часа, чтобы все те люди, кто сейчас бодрствует, знали, что истекли первые пятнадцать минут новорожденного дня. Ты, Кошечка, послушай, как я буду бить, а затем послушаешь мою Внучку. Мы сообщим время, а затем продолжим наш разговор.

В неподвижной ночной тиши прозвучал перезвон, известивший о том, что истекли пятнадцать минут первого часа. Где-то за окном скрытный браконьер, тихо прокрававшийся, чтобы стащить яйца из близлежащего курятника, на мгновение замер, а затем самодовольно ухмыльнулся и направился дальше — по направлению к другому окну, за которым ждала своей минуты Внучка. И когда тень браконьера пересекла ее окно, она тоненько зазвонила. Браконьер снова остановился, а затем, прикрывая руками глаза от бликов света, попытался заглянуть в комнату.

— Светящиеся часы, — сказал он, — запросто могут до смерти напугать любого, даже самого лучшего вора!

Сказав так, он пошел дальше, миновал окно и скрылся в тени, откуда вскоре донеслось слабое бормотанье и протестующие вопли растревоженных кур.

В старом доме стояла такая тишина, какая бывает лишь в старом доме. Доски скрипели. Ступеньки шептали, жалуясь, что они не могут оставаться в столь тяжелом положении так долго. По всему дому слышался торопливый топот маленьких ножек и, конечно же, нескончаемое «тики-так, тики-так, тики-так», и еще: «так-так-так», или громкое Дедушкино «тик-так, тик-так, тик-так». Все это были обычные звуки обжитого дома.

Ночь тянулась медленно. Луна на улице шла своим путем, оставляя вокруг дома темные тени. Ночная живность вышла и занялась своими законными делами. Маленькие лисы рискнули выйти из своих нор, чтобы бросить свежий взгляд на земную жизнь.

Ночь медленно тянулась, и представители ночной цивилизации бродили по окрестностям, каждый своею тропой. Скрытные коты подстерегали свою добычу, и часто их прыжки чередовались с проклятиями, произносимыми на кошачьем языке и

означавшими, что несчастливый кот промахнулся.

И, наконец, в восточной части неба тени стали светлеть, а затем тусклые красные полосы появились там, и солнце своими чуткими пальцами стало ощупывать перед собой дорогу, освещая вершины дальних холмов и еще более усиливая темноту лежащих внизу долин. Вдруг где-то рядом хрипло прокукарекал петух, почуяв первый признак нового дня. На мгновение вся потрясенная Природа замерла, а затем послышался внезапный шорох и понялась суeta — это ночные обитатели, получившие предупреждение о том, что рассвет уже не за горами, кинулись в подлесок, по своим домам. Ночные птицы разлетелись по своим веткам в темных лесных углах. Летучие мыши вернулись на колокольни. А дневные существа затеяли ту беспокойную возню, которая обычно предшествует полному пробуждению.

В Большой Зале дедушка продолжал:

— Тик-так, тик-так, тик-так.

Теперь он уже не говорил — это время дня не годилось для разговоров. Где-нибудь неподалеку могли быть люди, а часы не желали делиться своими секретами с невнимательными и недоверчивыми людьми.

Однажды Дедушка так отозвался о людях:

— Ох, эти люди, стремятся всему найти подтверждение. Им хотелось бы даже найти доказательства того, что они люди. Но как можно доказать какую-то вещь? — вопрошал Дедушка. — Если эта вещь настоящая, то ей не нужны доказательства, поскольку она сама доказывает свое существование. Но если вещь ненастоящая и ее нет, то никакое количество «доказательств» не докажет, что она есть. А значит, нечего и пытаться что-либо доказывать.

Свет стал ярче, а день — старше. Скоро в доме закипела работа: прибывшие сюда уборщицы включили свои механические приборы и наполнили тихий старый особняк шумом. Послышалось звяканье тарелок, и раздался гул голосов из цокольной части дома, где жила прислуга. Затем слышались знакомые шаги, и вошедший лакей сказал:

— Доброе утро, Дедушка. Позвольте вас, как водится, вытереть и протереть ваше лицо, то бишь циферблат.

Лакей подошел к старым часам, тщательно почистил стекло и проверил время. Затем он открыл переднюю крышку корпуса и, осторожно поднимая гири, подтянул цепи таким образом, чтобы можно было завести часы, не повредив старинных зубцов. Закрыв часы, он любовно похлопал их, а затем принялся натирать и без того до блеска отполированную поверхность.

— Славно, Дедушка, — сказал он, — теперь вы в порядке, опрятно выглядите и вполне готовы к приему тех зевающих идиотов, которые скоро сюда придут. Я лишь повешу ограждение, и все будет у нас в порядке.

Он взял специальную тряпку и полироль и отошел прочь, а затем очень аккуратно повесил проушину красной веревки на вбитый в стену крюк и перешел на другое место, чтобы повесить вторую проушину на такой же крюк, вбитый в другую стену. Теперь никто не смог бы приблизиться к «Дедушке», не зацепив при этом веревку или не попытавшись пролезть под ней.

Это был самый обычный день. Вскоре с улицы донесся шум Моторов, слышались вопли непослушных детей, сопровождаемые криками сердитых мамаш, а также шлепками, посредством которых они пытались призвать своих детей к порядку.

Главные двери отворились. Лакеи отступили, и тут же хлынул поток дурно пахнущей публики, скорее напоминавший стадо слонов во время гона, который еще

называют брачным периодом, когда слоны бредут, не разбирая дороги. Эта волна представителей рода человеческого хлынула в Большую Залу.

— Мама, Мама, хочу пи-пи, хочу пи-пи! — завопил какой-то малыш.

— Ш-ш-ш! — предупредила его мать. Тогда малыш завопил громче:

— Мама, мама, хочу пи-пи, хочу пи-пи!

Мама резко нагнулась и пухлой ладонью отвесила мальчугану солидный шлепок. Наступила минута молчания, а затем послышалось странное журчание. Мальчуган смущенно сказал:

— Мама, я уже! — и он указал ей на мокрые штаны и на образовавшуюся под ним лужу. От стены отделился один из лакеев. Покорно вздохнув, он вышел вперед со шваброй и ведром, как будто такие вещи были обыденным делом.

Из темноты, зиявшей под перегруженным посетителями диваном, выглядывали два любопытных зеленых глаза. Здесь, под диваном, было любимое место Черно-белой Кошки, откуда она почти ежедневно, как зачарованная, наблюдала за недисциплинированными детьми и неряшливыми мамами, которые вваливались в этот старый дом, что-то обсуждали, что-то обдумывали и повсюду оставляли обертки из-под шоколадных конфет, картонные стаканчики и все что угодно — на мебели и на полу, — даже не думая о том, сколько хлопот они доставляют другим.

Дедушка, который стоял в конце Большой Залы, наблюдал за всем с невозмутимым видом. Он лишь отчасти смутился, когда какой-то маленький мальчик разбежался по залу с такой силой, что смог остановиться только благодаря красной веревке. Один из слуг быстро подбежал к шалунишке и схватил его за воротник в тот самый момент, когда он готовился нырнуть под веревку.

— Держись подальше отсюда! — прорычал слуга, развернув мальчишку и шлепнув его для придания скорости пониже спины.

Эта толпа питалась не только конфетами, но и духовной пищей. Гости вглядывались в висевшие на стенах картины, широко разевая при этом рты и не переставая жевать большие куски какой-то дряни. Вся окружающая обстановка была для них непривычной, и они едва могли поверить в то, что их удостоили чести познакомиться с некоторыми фрагментами прошлого. Хотя на самом деле они хотели лишь одного — узнать, сколько денег они получают в день зарплаты на следующей неделе!

Все, даже плохое, когда-нибудь кончается. Правда, часто нам кажется, будто плохое длится намного дольше, чем хорошее. Нам кажется, что хорошие моменты в нашей жизни заканчиваются еще до того, как мы успеем их заметить, а вот плохие... Ох, это совсем другое дело! Нам кажется, будто они длятся и тянутся бесконечно долго. Но понятно, что конец этому неизбежно наступит. Так произошло и в этот день. Когда темнеющие тени проникли в окна, толпа поредела, и с улицы донесся рев множества моторов — как будто мимо дома проехал громадный автобус дальнего следования. Затем толпа поредела еще больше, пока не осталось всего два или три посетителя, а потом один или два, а после — ни одного. Облегченно вздохнув, весь штат уборщиков, подобно стае саранчи, разбежался по зданию, подбирая бумажки, картонки, палочки

из-под фруктового мороженого — всякий разноцветный мусор, брошенный где попало неряшливыми представителями рода человеческого.

На улице вокруг дома предстояло убрать кучи битого стекла, бутылок из-под лимонада, картонные пакеты, а под некоторыми кустами можно было обнаружить даже фрагменты женского нижнего белья. Наблюдавшие за всем этим животные были изрядно удивлены беззаботностью людей, которые сняли с себя отдельные

предметы одежды, но потом позабыли надеть их снова. И конечно, животные никак не могли понять главного — зачем вообще людям нужна одежда. Ведь рождались то они без нее, разве не так? И животные в который раз убеждались в том, о чем они так часто говорили между собой: странности дурного поведения людей необъяснимы.

И вот, наконец, долгожданная ночь наступила. В доме включили огни, чтобы Семейство могло собраться, подсчитать выручку и подвести баланс доходов и убытков за этот день, а также выяснить, сколько истреблено растений и сколько разбито окон, поскольку почти не было дня, чтобы какой-нибудь сопливый маленький разбойник не швырнул кирпич в стекло оранжереи. В конечном счете, все дела сделаны, баланс подведен. Ночной сторож, вооруженный фонариком и персональным хронометром, строго по расписанию заглянул буквально во все уголки дома. Огни погасили, и сторож — один из нескольких — отправился в местную службу охраны.

Черно-белая Кошка прокралась в Большую Залу через приоткрытое окно и степенно подошла к Дедушке:

— Я только что поужинала, Дедушка, — сказала она, облизывая розовым язычком свой ротик. — Я не представляю, как ты можешь постоянно ходить и при этом ничего не есть, удовлетворяясь лишь тем, что твою цепь время от времени потянут за гирию. Ты ведь, наверное, голоден! Мы могли бы пойти с тобой, чтобы поохотиться на одну или двух птичек. А если хочешь, я могу поймать для тебя мышь.

Откуда-то из глубины Дедушкиного горла донесся смешок, но сам он при этом ничего не сказал. Просто время для этого еще не пришло. Всем известно, что часы никогда не начинают говорить прежде, чем наступит без четверти полночь, поскольку это преддверие колдовского часа, когда все вокруг приобретает волшебные свойства. В эту пору весь мир, кажется иным, и каждый, кто прежде, казалось бы, не умел говорить, обретает способность выражать свои мысли. Дедушка пока еще мог только думать и произносить свое обычное «тик-так, тик-так, тик-так».

А в той комнате, которая некогда служила местом уединения для очень знатной леди, Внучка мысленно возвращалась к событиям минувшего дня. Она считала, что сегодня ей очень повезло, поскольку она уцелела и не упала со своей подставки, когда двое каких-то подравшихся друг с другом хулиганов споткнулись о веревку и упали к ее, Внучкиным, ногам. К счастью, двое бдительных слуг скрутили этих двоих и бесцеремонно вывели за дверь, где передали их охранникам, которые, в свою очередь, схватили хулиганов и вышвырнули за пределы имения. Вспоминая об этом ужасном эпизоде, Внучка так задрожала от страха, что в ее горле раздавался какой-то металлический скрежет. Тогда она стала думать о том, как ей было приятно, когда ранним утром к ней подошел молодой лакей, который помог ей совершить утренний туалет, затем накормил ее, подтянув вверх ее гири, а потом весьма и весьма деликатно выставил точное время, чтобы она могла играть мелодию и отбивать время абсолютно синхронно с Дедушкой.

Все было тихо, как бывает только в старинном доме. Часы все шли, повторяя свое монотонное «тик-так». Дорожные часы шептали «тики-так, тики-так, тики-так» и ждали, когда наступит без четверти двенадцать, чтобы рассказать об одном из своих приключений. А Черно-белая Кошка глядела на Дедушкины стрелки и смиренно вздыхала, понимая, что время еще не настало, — ведь невозможно заставить часы говорить, прежде чем за пятнадцать минут до полуночи. Черно-белая Кошка прошла через всю Залу и мягко вскочила на старый сундук. Она улеглась на

его тканую обивку, вытянулась и заснула. Но не надолго. Птицы, которые, не переставая, скандалили за окном, то и дело будили ее, отчего Кошка подкралась к окну и стала мяукать на глухих птиц.

— Ах, если б я только могла открыть это окно, — разгневанно вскричала Кошка, — я преподнесла бы вам, несносные птицы, парочку уроков, от которых вам бы не поздоровилось!

Одна птица увидела в комнате черную кошку и с тревожным криком отлетела от окна.

Наконец Дедушка зазвенел музыкальными переливами и пробил половину двенадцатого часа ночи. Внучка сыграла мелодию и пробилла то же время. Казалось, Дорожные Часы ускорили свой ход, повторяя «тики-так, тики-так, тики-так». А Кошка, приоткрыв один глаз, взглянула на Дедушкин циферблат, чтобы убедиться, что до двенадцати осталось всего полчаса.

— Тик-так, тик-так, тик-так, — твердили часы в унисон. И вдруг внутри у Дедушки послышался металлический скрежет, а затем раздался рокот — это цепь стала двигаться, опуская вниз гирию. Наступила без четверти полночь. Дедушка с удовольствием пропел перезвон. Четверть до полуночи — это примерно то время, когда кончается один цикл и начинается обратный цикл.

— А теперь, — подумал Дедушка, — настало время для РАЗГОВОРА!

— Дедушка, Дедушка! Чур, я буду говорить первой! — вскричала Черно-белая Кошка, которая при этом вскочила на все четыре лапы, прыгнула на пол и замерла перед длинным полированным корпусом Дедушки.

Луна за окном сияла несколько ярче, чем прежде, поскольку приближалось полнолуние, и эта ночь выдалась ясной. По небу не летели грозовые тучи, и не было ветра, от которого во дворе трещали бы ветви деревьев. Все было тихо, все было спокойно, и яркая луна заглядывала в дом.

— Что ж, юная Кошечка, — сказал Дедушка, — ты требуешь, чтобы тебе первой предоставили слово, так? Однако мне кажется, что ты и так заговорила первой. Но прежде скажи, о чем ты хотела бы поговорить, дитя мое?

Черно-белая Кошка прервала свой вечерний туалет и, приподнявшись на лапах, сказала:

— Дедушка, я много думала о том, что ты рассказывал нам вчера ночью. Прежде всего, я размышляла над тем, что ты говорил о Маятнике. Так вот, Дедушка, если добро и зло попеременно меняют друг друга с каждым взмахом Маятника, то значит, у них недостаточно времени, чтобы творить добро или зло, поскольку взмах Маятника длится примерно одну секунду. Я правильно понимаю? Что ты на это ответишь, Дедушка?

Кошка присела на задние лапы, распушив хвост. Она сидела напряженно, словно ожидая, что Дедушка вот-вот обрушится на нее с гневом и нарушит ее равновесие. Но нет, Дедушка обладал старческой мудростью и терпимостью. Он лишь откашлялся с металлическим скрежетом в горле и сказал:

— Но ведь ты же не думаешь, милая моя Кошечка, что Маятник Вселенной делает один взмах в секунду?

Этот период длится тысячи и тысячи лет. Видишь ли, юная Кошечка, время есть понятие очень относительное. Здесь, в Англии, где мы с тобой находимся, сейчас без четырнадцати минут двенадцать. Но в других странах сейчас совершенно иное время. И, скажем, если бы ты внезапно оказалась в Глазго, то узнала бы, что сейчас там на самом деле не без четырнадцати, а, возможно, все еще без пятнадцати двенадцать. Все это действительно очень загадочно, и понятно, что мои исчисления ограничены ходом моего собственного внутреннего маятника.

На мгновение Дедушка замолчал и вздохнул, в то время как у него внутри очередное звено цепи попало на зубец колеса. Затем, когда гиря перестала опускаться, он продолжил говорить:

— Запомни, Кошечка, что у нас, часов, единицей измерения являются сутки, то есть двадцать четыре часа. В каждом часе шестьдесят минут, а в каждой минуте шестьдесят секунд. Это значит, что в каждом часе три тысячи шестьсот секунд. Следовательно, за двадцать четыре часа маятник сделает восемьдесят шесть тысяч четыреста колебаний — при условии, что он будет делать один взмах в секунду.

— Фью! — присвистнула Кошка. — Так МНОГО? Ох, для меня это просто непостижимо! — И Черно-белая Кошка еще с большим восхищением посмотрела на Дедушку.

— Да, — вдохновенно, поскольку это была его излюбленная тема, сказал Дедушка, и при этом его механизм зазвучал еще громче, — но Маятник Вселенной устроен совершенно иначе, ведь мы имеем дело с суточными периодами, тогда как в реальном времени за пределами Земли наш мир преодолевает период в один миллион семьсот двадцать восемь тысяч лет в каждом цикле, и все циклы делятся на четверти. Это точно так же, как я отбиваю час, четверть, половину и три четверти часа. Как видишь, мы следуем доброй традиции. Время во Вселенной следует четвертями. И мы, домашние часы, также отбиваем четверти.

Черно-белая Кошка с умным видом кивнула, как будто поняла все, что было сказано, и как будто вся эта сложная наука была ей по силам. Затем она спросила:

— Но Дедушка, а что же происходит с Маятником в конце его амплитуды? Помнишь, ты сказал, что он останавливается на какую-то долю одной доли секунды. Но ведь это же очень много, если считать в «реальном времени»?

Дедушка усмехнулся сам себе и сказал:

— Да, верно, но, имея целых миллион семьсот двадцать восемь тысяч лет, неужели мы не можем позволить Маятнику сделать паузу на несколько лет в конце каждого взмаха? Однако все это довольно сложно. Даже не каждый человек способен это понять. Да и не все часы это понимают. Мы не можем допустить, чтобы твой мозг лопнул от перенапряжения, маленькая киска. Поэтому давай лучше оставим эту непростую тему.

— Но Дедушка, я хочу спросить еще кое о чем, — сказала Черно-белая Кошечка. — Если Бог находится на одном конце амплитуды, а Сатана — на другом, тогда как они находят время для того, чтобы творить Добро или Зло?

Стекло, прикрывавшее Дедушкин циферблат, просияло под ярким лунным светом, а затем, через мгновение или два, он ответил:

— Из всех этих лет, в течение которых происходят колебания, у нас остается порядка двух тысяч лет в конце каждого колебания. Тогда один интервал в две тысячи лет у нас будет хорошим, а следующие две тысячи лет будут плохими. Однако, — поспешно сказал Дедушка, — мне нужно остановиться. Пришла пора мне и Внучке пробить полночь. В этот час вся Природа может свободно изменяться, когда один день умирает и рождается новый день. А Маятник, раскачиваясь, направляется сперва к Добру, а затем движется в сторону Зла. Но после он следует от Зла — к Добру. Прошу прощения, — сказав так, Дедушка резко замолчал, а колесики у него внутри зажужжали, и, опускаясь, пророкотала гиря. А потом из длинного Дедушкиного корпуса донесся полночный перезвон, после чего часы громко пробили двенадцать раз. Сразу же за Дедушкой вступила Внучка, точно повторив мелодию и бой.

Лежавшие на маленьком столике Дорожные Часы проворчали:

— Что за болтливая пара! Как можно тратить столько времени на личные

разговоры. Фу!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Вирус слишком мал, чтобы его можно было рассмотреть в микроскоп. Число различных микроорганизмов, обитающих на коже человека, — вирусов, бактерий и т. д. — превышает количество людей, проживающих на Земле. Примерно четыре тысячи таких организмов содержится на каждом квадратном сантиметре руки, а на голове, под мышками и в паху их количество может достигать более двух миллионов.

Вирус по имени Вера (полное имя этой «дамы» — Вариола Вера — натуральная оспа) сидела в своей Долине Поры, размышляя над проблемами, которые окружали ее и других жителей планеты под названием Человек. Рядом с ней сидела ее ближайшая подруга — тоже вирус, по имени Брунгильда. Обе они весело подрагивали, как это бывает свойственно только желеобразным вирусам. Вдруг Вера сказала:

— Ах, я пребываю в таком смущении! Меня попросили сообщить мои размеры, и с чем можно сравнить мой размер — мои целых 25 нм? Ох, когда же нас начнут измерять в метрической системе? Тогда мне было бы гораздо легче ответить на этот вопрос.

Брунгильда сильно задрожала, и это означало, что она смеется. Затем она сказала:

— Знаете, вам тогда придется прежде объяснить этим людям, каковы размеры этого самого «нм». Просто скажите им, что один «нм» — это одна миллиардная часть метра. А если они окажутся настолько глупы, что не будут знать, что такое метр — величина, которой пользуются электрики, — то скажите им, что «нм» равен одному миллимикрону. И говоря откровенно, Вера, мне кажется, вы делаете из мухи слона.

— Что за глупости, Брунгильда, — с особой едкостью возразила Вера, — не понимаю, откуда здесь взяться мухам и при чем тут слоны!

Она фыркнула, — если только вирус может фыркать, — и снова впала в желеобразное молчание.

Мир, именуемый Человеком, был своеобразен. Все обитатели этого мира жили в долинах, которые назывались порами, поскольку по какой-то странной и загадочной причине, которую, наверное, никто не смог бы разгадать, этот мир, за исключением некоторых мест, был укрыт каким-то непонятным покровом, или облаком, или чем там еще. Этот покров, казалось, состоял из огромных штырей, скрещенных меж собой с таким большим зазором, что любой проворный вирус, если бы ему дали несколько лет, мог бы запросто пролезть сквозь них и взглянуть на окружающий мир с поверхности этого странного материала. Но особенно поразительно было то, что время от времени весь этот мир претерпевал Потоп. Миллионы обитателей планеты, вирусы, гибли в воде, и лишь некоторые их сограждане — такие, как Вера, Брунгильда и некоторые их друзья, умудренные опытом жизни в долинах-порах, могли рассчитывать на спасение.

Подняв вверх свои усики, какой-нибудь вирус мог видеть потрясающее зрелище — огромное множество тел, устилавших равнину, пролежавшую между двумя близлежащими долинами-порами. Но никто не мог объяснить, что это было. Вирусы знали, что в определенные промежутки времени та великая Мембрана, которая закрывала большую часть мира, почему-то раскрывалась и начинался Потоп. Затем возникала новая, сильно вспененная мембрана, после которой

возникла еще одна, и потом на какое-то время все успокаивалось.

Вирус Вера и ее друзья сидели в Долине Поры, в той местности, которая никогда не закрывалась этой преградой. Отсюда можно было даже наблюдать небеса, и Вера, предаваясь этому занятию, однажды сказала:

— Брунгильда, я часто думаю: есть ли на свете иные миры, кроме нашего?

Тут вмешался новый голос, принадлежавший вирусу-джентльмену, которого звали Баньянвера и который, как говорили, не то был рожден от Угандийской культуры, не то память о ней сохранилась в расовой памяти его предков. Сейчас же он был всего лишь одним из обитателей мира Человека. Он сказал:

— Что за чепуху ты говоришь, Вера! Ты же отлично знаешь, что в мире существуют тысячи, миллионы миров, подобных нашему. Разве

мы с тобой не наблюдали их иногда там, вдалеке? Однако мы не знаем, есть ли на них жизнь, ведь так?

Вдруг послышался четвертый голос:

— Знаете, я думаю, что этот мир был создан специально для нас. И других миров, подобных нашему, просто не существует. Я думаю, что весь мир был создан Богом только для нас — вирусом. Взгляните на те признаки, которые подтверждают наше исключительное положение в этом мире. Нигде нет интеллекта такого уровня, который мог бы сравниться с нашим. На нашей планете кто-то разметил особые долины. Если они не были созданы специально для нас, то зачем они тогда образовались?

Этот собеседник, вирус Кату Гуама, был эрудированным парнем. Ему приходилось немного путешествовать. Однажды он даже побывал в соседней долине-поре. Поэтому все относились к его мнению с уважением.

Но тут гневно выступил Баньянвера:

— Да чепуха все это! Никакого Бога нет! Нет Бога — и все тут! Я молился тысячи раз, чтобы мне дали хоть какую-то малую толику хоть чего-нибудь. И если бы Бог существовал, то неужто вы думаете, он позволил бы одному из его детей страдать? Взгляните на меня: часть моего желе раздавлена. Это случилось со мной, когда я подобрался слишком близко к вершине Долины и кусок Мембраны поранил мне зад. Конечно же, никакого Бога нет, иначе Он излечил бы меня.

Наступило временное молчание, а затем Вера сказала:

— Знаете, и я ничего не понимаю. Я тоже усердно молилась, но никогда не получала ответа на мои молитвы и никогда не видела парящих в небе вирусом-ангелов. А вы видели?

Все остальные сидели и молчали, как вдруг разразилась ужасная катастрофа: откуда-то сверху на них ринулось громадное «нечто». Оно скользнуло вниз и прочесало по тем массивным прутьям, которые должны были служить вирусам защитой.

— Ах, боже мой, боже мой! — сказала Брунгильда, когда громадное «нечто» пронеслось мимо, — это что же, мы с вами были на краю гибели? Нас же чуть не уничтожили!

Но стоило им избежать одной опасности, пришедшей из космоса, которую они приняли за НЛО, — как приключилась другая беда. Внезапно на них полилась какая-то едкая жидкость, а над ними распространился отвратительный запах антисептика. И Вера, Брунгильда, Баньянвера и Кату Гуама вдруг перестали существовать, поскольку планета под названием Человек нанесла какое-то вяжущее средство на свое лицо.

Мисс Муравей безмятежно сидела на большом камне. Она тщательно вычистила свои антенки-усики, а также проверила, насколько чисты и опрятны все

ее ножки. Ей хотелось убедиться, что она выглядит на все сто, поскольку сегодня ей предстояло идти на прогулку с муравьем-солдатом, которому неожиданно разрешили сходить в увольнение. Мисс Муравей обратилась к своей подруге по имени Берта Черножук, которая дремала в тепле полуденного солнца.

— Берта, слышь ты, нескладеха! — сказала она. — Ну-ка посмотри на меня хорошенько. Как я выгляжу? Глянь, все ли у меня в порядке.

Берта проснулась, приоткрыла один глаз и внимательно осмотрела свою подругу Мисс Муравей.

— Вот это да! Ты смотришься просто шикарно, — сказала она. — Твой солдатик будет убит наповал одним твоим видом. Но ведь еще слишком рано. Лучше садись да погрейся на солнышке.

Они сели и стали наблюдать тот пустынный мир, что простирался перед ними. Их окружали большие и даже огромные валуны, которые были раз в двадцать больше, чем Мисс Муравей. А под валунами лежала сухая земля. Вокруг не было видно ни травинки, ни кустика — ничего, кроме опустошения и множества странных следов на земле.

Мисс Муравей посмотрела на небо и сказала:

— Берта, всю жизнь мне хотелось иметь такого солдатика, который был бы мне другом. Неужели Бог внял моим молитвам?

Берта качнула одним своим усиком, а затем, медленно и тщательно подбирая слова, сказала:

— Ну, я не знаю. Лично я не верю в Бога. Если даже Он есть, то я никогда не получала ответа ни на одну молитву. Когда я была много моложе — совсем еще маленькой личинкой, — я часто молилась какому-то Богу, о котором мне говорили. Но все мои молитвы оставались без ответа. И знаешь, я решила, что все это — пустая трата времени. Что толку верить в Бога, который не может доказать нам свою божественную силу? Вот и все, что я могу сказать.

С этими словами она лениво прошлась по кругу и опять присела.

Мисс Муравей озабоченно сложила свои передние ножки и сказала:

— В том-то и дело, Берта. Интересно, если все эти светящиеся точки, которые мы видим по ночам, — это иные миры, то, как ты думаешь, есть ли там жизнь? Смешно было бы считать, что этот мир одинок и мы с тобой — его одинокие жители. Что ты скажешь?

Раздраженно вздохнув, Берта сказала:

— Ну, я не знаю, есть другие миры или нет. По-моему, это уже совсем другой вопрос. Несколько месяцев назад мне повстречался один комар — знаешь, крылатый такой, — так он сказал мне, что летал далеко-далеко, и однажды подлетел к огромному столбу. Это был какой-то невероятно громадный столб, который даже трудно себе вообразить. Так вот, этот комар сказал, что в определенное время, каждую ночь, вершина столба светится ярким светом. Знаешь, я не могу поверить, что где-то есть мир, где светит яркий свет, когда у нас темно. А ты как думаешь?

Мисс Муравей еще больше смутилась:

— Знаешь, меня всегда учили, что наш мир создан для нас, насекомых. Мне всегда говорили, что нет других форм жизни, которые были бы лучше, чем насекомые. А ведь мы с тобой насекомые, Берта. Значит, если это так и наши священники правы, то в мире не может быть никого умнее нас. Но те, кто может заставить свой мир существовать даже тогда, когда наш с тобой мир погружается во тьму, должны быть намного умнее нас. Я не знаю, во что мне верить, но думаю, что во всем этом есть некий великий Замысел. Так же как и ты, я устала молиться какому-то Богу, который не торопится с ответом.

Время шло, и тени становились длиннее. Где-то поблизости послышался голос какой-то мурашки:

— Эй, Мисс Муравей, Мисс Муравей, где вы? Мне нужно вам что-то сказать.

Мисс Муравей встала на ножки и двинулась вперед, на край валуна.

— Да, что там? — крикнула она вниз, глядя на другого муравья, стоявшего неподалеку.

Мурашка посмотрела вверх, шевельнула двумя своими усиками, а затем сказала:

— Ваш солдатик решил вас покинуть. Он сказал, что, как оказалось, вы не та девушка, которая ему нужна. Поэтому он ушел к той ветреной и взбалмошной молодой особе, которая живет где-то в этих краях, — сказав так, она указала куда-то вдаль.

Мисс Муравей так и села. Весь мир разрушился на ее глазах. Она молила Бога послать ей юного солдата, который бы любил ее и с которым вместе она могла бы обустроить свое семейное гнездо. И что же уготовила ей жизнь?

Вдруг Мисс Муравей и Берта вздрогнули от мощного глухого звука, который внезапно прокатился по земле и был похож на приближающееся землетрясение. Они поднялись на цыпочки, чтобы увидеть, что происходит. Но не успели они рассмотреть неясные, громадные, темные предметы, устремившиеся на них с высоты, как от Мисс Муравей, ее подруги, а также от посланницы-мурашки осталось мокрое место. Это ученики, которые закончили занятия в школе, пронеслись по игровой площадке, спеша по домам.

А где-то на далеком лугу стояли высокие травы. Там было прекрасно. Налитая здоровьем зеленая-презеленая трава. Лучи солнца согрели ее, дожди напоили ее, и сейчас этот луг мог восхитить кого угодно.

Где-то посреди поля, которое для его обитателей казалось настоящим лесом, два маленьких полевых мышонка резвились среди травы, весело катались по земле, а затем стали выбирать стебли потолще, карабкаться на них, качаться и перепрыгивать с одного на другой. Один мышонок подпрыгнул и достал до самых верхушек травы. Кубарем, скатившись вниз, он с веселым писком упал подле ног старой-престарой мыши.

— Будь осторожней, мальчик, — сказала старая мышь. — Что-то ты очень расшалился. Подобная шалость в нашем мире до добра не доведет. Скоро свершится великое Таинство. Весь наш лес рухнет под напором той громадной Машины, природу которой никто из нас не может даже представить. По виду этой травы я могу судить, что это случится очень скоро, и нам следует как можно скорее вернуться в свои норы.

Старая мудрая мышь повернулась и поковыляла с поля. Два маленьких мышонка глянули друг на друга, а затем посмотрели на нее — на ее покатуую спину. Затем один из них сказал:

— Ох уж эта жалкая старуха! Вечно она портит нам удовольствие. Другой сказал:

— Верно. Должно быть, она не любит детей. Она держит нас за рабов, которые должны приносить ей орехи, не получая ничего взамен.

Какое-то время маленькие полевые мышки продолжали резвиться, пока холодный шелест ветра не напомнил им о том, что скоро вечер. И, испуганно глядя на темнеющее небо, мышата поспешили домой.

В наступивших сумерках они задумчиво присели у входа в свою нору, грызя травинки и следя за тем, чтобы их не заметили ночные совы. Вскоре круглый серебристый шар луны заскользил по темному небу. Один мышонок сказал

другому:

— Интересно, как оно там? Хотелось бы знать, есть ли мыши на этой большущей штуке над нами, которую мы так часто видим?

— Ай, не будь дураком, — ответил ему другой мышонок. — Ясно же, что ничего нет, кроме нашего мира.

Но потом он нерешительным голосом добавил:

— Ну да, вообще-то я и сам часто думаю, что должны быть и другие миры, где жили бы полевые мыши. Хотя наши священники говорят, что этот мир специально был создан для полевых мышей и нет никакой формы жизни, которая была бы выше, чем мы, полевые мыши.

— Да, верно, — сказал другой мышонок, — но наши священники также велют нам молиться. Я молился довольно усердно. Я просил послать мне свежего сыру и других вкусных вещей, но никто так и не ответил на мои молитвы. По-моему, если бы там был какой-нибудь Бог, то ему бы ничего не стоило время от времени присылать маленькому мышонку свежего сыру. Как думаешь?

Он вопросительно посмотрел на своего товарища, но тот лишь сказал:

— Даже не знаю. Я тоже молился, но никогда не получал доказательств того, что где-нибудь есть какой-то мышиный Бог. Да и летучих мышиных ангелов я тоже не встречал.

— Я тоже, — сказал другой, — видел только этих жутких сов и им подобных.

На этой важной мысли они закончили разговор и юркнули в норку.

Ночь тянулась медленно, и всякие любители темноты вышли на поиски пищи. Но маленькие полевые мышки надежно укрылись от них в своей норке. Утром забрезжил яркий рассвет и землю окутало мягкое тепло. Маленькие полевые мыши занялись своими повседневными делами. Они покинули свои норки и отправились в зеленый «лес» искать себе хлеб насущный.

Но вдруг они припали к земле, и кровь словно заледенела в их жилах. Какой-то невыносимый, адский шум приближался к ним. Такого шума они никогда раньше не слышали. Они оцепенели от ужаса. Один мышонок поспешно шепнул другому:

— Скорей, скорей, давай помолимся о спасении.

И это были последние слова, сказанные полевой мышкой, поскольку фермер наехал на мышей своей жаткой и их тела были порублены на куски и перемешаны со скошенной травой.

От большой пирамиды с башенками по сторонам донесся рев труб. Их медные звуки эхом разнеслись по долине, что простиралась у подножия пирамиды, которая на самом деле была священным храмом.

Люди испуганно переглядывались друг с другом. Неужто они опоздали? Что случилось? Такой трубный рев раздавался только во время тревоги или когда жрецы намеревались что-то сказать людям. Люди, все как один, бросили свои дела и найденным путем побежали к подножию пирамиды. Широкие-преширокие ступени поднимались примерно до третьей части пирамиды, в которой было множество выступов, напоминавших балконы или, точнее сказать, защищенные стенами дорожки. И, гуляя по этим дорожкам или балконам, священники проводили здесь свой досуг. Двигаясь, пара за парой, они прохаживались по дорожкам, заложив руки за спину либо спрятав их в широкие рукава своих одежд. Держась по двое, они шествовали, поминая Слово Господне и размышляя над тайнами Вселенной. Здесь, в прекрасной атмосфере высокогорья Анд, можно было легко наблюдать за ночными звездами, и так же легко можно было поверить в существование иных миров. Но сейчас огромная толпа жителей долины поднималась наверх — в главное здание Храма.

Сумрачный интерьер этого здания был настолько насыщен ароматными благовониями, что можно было задохнуться. То здесь, то там было видно, как местные крестьяне, привыкшие к исключительно чистому воздуху, начинали тереть руками наполнявшиеся слезами глаза, которые жгло от обилия едкого дыма.

Огни здесь горели тускло, но в одном из концов Храма стоял громадный идол из полированной бронзы — сидящая фигура человека. И даже нет, это был не человек, а нечто совершенно иное. Это был сверхчеловек, высотой он был с многоэтажный дом, и стоявшие возле его постамента люди едва доставали до середины его колена.

Прихожане вошли. Когда главный жрец убедился, что зал почти полон, прозвучал громкий удар гонга. Чей-нибудь острый взгляд, не затуманенный ароматным дымом, мог бы увидеть, как трепетно задрожал этот гонг в правой руке фигуры бога. Удары все еще раздавались, хотя никто больше не ударял в гонг. Никто даже не стоял ближе к гонгу, чем на расстоянии нескольких ярдов, но удары продолжали звучать. Вдруг, без участия человеческих рук, большие двери Храма закрылись. На мгновение наступила тишина, а затем на колене Бога появился Верховный жрец, облаченный в мягко ниспадавшие одежды. Его руки были подняты высоко над головой. Он посмотрел свысока на людей и сказал:

— Бог разговаривал с нами. Бог недоволен той помощью, какую вы оказываете Храму. Многие из вас не отдали ему десятину. Бог желает говорить с вами.

С этим он повернулся и пополз на коленях, глядя на торс изваяния. Затем рот изваяния открылся и оттуда донесся рокот. Люди рухнули на колени. Они закрыли глаза и прижали ладонь к ладони. Вдруг вместо рокота зазвучал громкий-прегромкий голос:

— Я ваш бог,— сказала изваяние. — Я разочарован вашим неуважением к моим слугам, вашим жрецам. Если вы не будете более послушны и щедры в своих подношениях, вас постигнут чума, ящур и многие болезни и язвы, а ваши посеы иссохнут на ваших глазах. Повинуйтесь своим жрецам. Они — мои слуги, они — мои дети. Повинуйтесь, повинуйтесь, повинуйтесь!

Голос умолк, и рот идола сомкнулся. Первосвященник поднялся с колен и вновь повернулся лицом к собравшимся. Затем он изложил свои новые требования: больше продовольствия, больше денег, больше работников, больше молодых женщин для Девственников Храма. И вдруг он исчез. Нет, он никуда не поворачивался и не уходил — он просто исчез, и двери Великого Храма вновь открылись. По сторонам дверей в две линии выстроились жрецы. Каждый из них держал в руках чашу для подношений.

Храм опустел. Идол сидел тихо. Хотя нет, не совсем тихо, поскольку сегодня местный священник показывал Храм своему очень-очень близкому другу. Идол издавал легкий рокот, шепот и шелест, а приезжий жрец высказывал по этому поводу свои суждения. Его друг отвечал:

— Да, сейчас как раз проверяют акустику. Ты не видел нашего идола изнутри? Идем, я тебе покажу.

Оба жреца подошли к идолу со стороны спины, и местный священнослужитель нажал руками на какой-то фрагмент орнамента, украшавшего подножие статуи. Потайная дверь отворилась, и два жреца вошли вовнутрь. Идол не был цельным изваянием, а состоял из отдельных секций. Друзья поднялись по нескольким лестницам и, наконец, добрались до уровня груди изваяния. Здесь находилась очень странная комната. Там стояла скамья, а перед нею — сиденье. Перед сиденьем был мундштук, соединенный с многочисленными замысловато переплетенными трубками, которые поднимались к горлу идола.

Местный жрец сказал:

— Вон теми двумя рычагами управляют два служителя. Они приводят в движение челюсти абсолютно синхронно с речью. Мы так хорошо натренировались, что можем управлять челюстями практически одновременно с речью.

Он отодвинулся назад и сказал:

— Взгляни сюда, говорящий все время может наблюдать за собравшимися, оставаясь невидимым для них.

Гость подошел и заглянул через узкие глазницы. Он увидел Великий Храм, увидел уборщиков, которые подметали полы. Внезапно он оглянулся, чтобы посмотреть, что делает его друг. Тот сидел перед мундштуком. Он сказал:

— У нас есть особый священнослужитель, у которого очень властный голос. Ему не позволяют общаться с другими людьми, поскольку его голос — это Голос нашего бога. Когда требуется, он садится сюда и обращается к пастве через этот мундштук. Сначала он открывает заслонку вот здесь, и тогда его голос исходит из уст изваяния, а когда заслонка закрыта, снаружи нельзя услышать того, что говорится здесь.

Продолжая свою беседу, они опять спустились вниз, в главное здание Храма. Местный жрец сказал:

— Видишь ли, нам приходится это делать. Я не знаю, есть Бог или нет, но мне точно известно, что Он не отвечает на наши молитвы. Я здесь уже сорок лет, и я не знаю ни одного случая, когда бы молитва была услышана. Но нам нужно поддерживать свою власть над людьми.

Гость сказал в ответ:

— Да, по ночам я стою на высокой вершине и смотрю в небо. И, видя там маленькие светящиеся точки, я спрашиваю себя, являются ли они дырами в небесной тверди или все дело в моем воображении? Существуют ли небеса? Или светящиеся точки — это иные миры? А если это иные миры, то что там у них происходит?

Местный жрец ответил:

— Да, меня тоже одолевают сомнения. Все-таки должна существовать некая управляющая Сущность. Но на своем собственном опыте я убедился, что она никогда не отвечает на молитвы. Именно поэтому тысячу лет назад, а возможно и более, была возведена эта металлическая фигура. Это было сделано для того, чтобы мы, жрецы, могли сохранить свое могущество, нашу власть, наше воздействие на людей и, возможно, чтобы помогать им тогда, когда Бог пренебрегает ими.

Я ВЕРЮ, что вся жизнь состоит из вибраций и каждое колебание — это всего лишь цикл. Допустим, мы говорим, что какая-то вещь сотрясается. При этом мы имеем в виду, что эта вещь поднимается и опускается. Вы можете провести на клочке бумаги кривую линию. Кривая будет идти вверх, потом вниз, прежде чем снова начнет подниматься вверх. Таким образом, у нас получится цикл, колебание — наглядная диаграмма колебательного движения, подобная диаграмме биоритма или той, которая применяется для описания переменного электрического тока. Но и вся наша жизнь похожа на эту диаграмму. Она напоминает качание маятника. Она идет с одной стороны от нейтральной точки, через нейтральную точку и проходит то же расстояние в другую сторону. А затем маятник качается снова, и так повторяется вновь и вновь.

Я ВЕРЮ, что вся Природа проходит через циклы. Я полагаю, что все сущее — это колебания. Это попеременное движение сверху вниз, от позитива к негативу, от добра к злу, и, если вдуматься, без зла не было бы добра, поскольку добро — это противоположность зла — точно так же как зло есть противоположность добра.

Я верю в существование некоего Бога. Я очень твердо верю в некоего Бога. Но я также верю, что этот Бог, видимо, слишком занят, чтобы общаться с нами индивидуально. Я верю, что, молясь, мы направляем молитвы нашему Высшему Я, нашему высшему духу, если хотите, но это не есть Бог.

Я полагаю, что есть два Бога, Бог Добра — позитивный и Бог Зла — негативный. Последнего мы называем Сатаной. Я полагаю, что с точно определенными интервалами — в противоположных направлениях качания маятника — добрый Бог управляет Землей и всем сущим, и тогда у нас наступает Золотой Век. Но маятник качается, цикл продолжается, и при этом власть доброго Бога, позитивной стороны, слабеет и затем доходит до нейтральной точки, где силы Добра и Зла равны. Затем маятник отклоняется в другую сторону, в сторону зла, в сторону Сатаны. И тогда у нас наступает период, который часто называют веком Кали²⁶, веком разрушения. В этот век все идет не так. Если взглянуть на нашу Землю и присмотреться ко всем этим современным вандалам, войнам, политикам, то разве мы не вправе сказать, что сегодня мы живем в веке Кали? Это именно так. Колебание нашего маятника стремится к пику, и ситуация все ухудшается и ухудшается, пока наконец колебание не достигнет высшей точки зла, и ситуация станет чрезвычайно плохой. Войны, революции, забастовки, землетрясения — это признаки необузданной власти зла. А затем, как всегда, маятник изменит направление движения, станет падать, и силы зла ослабнут, и наступит возрождение лучших чувств на Земле.

Когда в очередной раз будет достигнута и пройдена та нейтральная точка, где добро и зло равны, маятник начнет восходить к добру. И пока он будет подниматься, жизнь будет становиться все лучше и лучше. Может статься, что, когда мы встретим наш Золотой Век, Бог этой вселенной услышит наши молитвы, и, возможно, тогда Он представит нам некоторые доказательства Своей заботы о тех, кто обитает в этом мире.

Я полагаю, что в настоящее время печать, средства массовой информации, телевидение и все, что к ним относится, в значительной степени содействуют возрастанию зла. Ведь именно из печати мы узнаем о том, как семилетние дети учатся убивать людей и как в Ванкувере из десятилетних ребят формируются банды убийц. Я полагаю, что деятельность прессы должна быть ограничена, а телевидение, радио и кино должны подвергаться цензуре.

Но вернемся к теме богов. Да, я полагаю, что Бог есть, точнее, я полагаю, что есть боги различных рангов. Мы называем их Ману. А тем, кто не может понять концепцию богов, мы предлагаем взглянуть на систему управления какого-нибудь универсального магазина. Не важно, как вы назовете этот магазин. Возможно, это даже будет большая сеть универсальных магазинов. На самой вершине у вас будет Бог в должности президента или генерального директора, что будет зависеть от того, в какой стране вы живете и какой терминологией пользуетесь. Но этот человек наверху и есть та всемогущая персона, которая будет отдавать безапелляционные распоряжения. Однако этот человек, этот Председатель правления, Президент или Гендиректор, занят осуществлением своей огромной власти, у него нет времени, чтобы вникать в проблемы какого-нибудь младшего посыльного или мелкого чиновника, который раздает пищу и раскладывает ее по пакетам. Этот особый человек — Бог супермаркета — представляет Самого Бога, Главного Ману нашей Вселенной, который руководит многими иными мирами. Он столь важен, столь могуществен и столь занят, что не сможет вникать в проблемы отдельных миров, не

²⁶ «Кали-юга» — в мифологической хронологии последняя из четырех юг, «век демона Кали», называемый также «железным веком». Его продолжительность составляет 432 000 земных лет. — Прим. перев.

станет разбираться с отдельными странами и, уж конечно, не сможет общаться с каждым отдельным индивидуумом — с отдельным человеком или с отдельным животным. Ведь в космическом плане животные имеют те же права, что и люди.

Президент универсама, или Главный Менеджер, не может уследить за всем лично, поэтому он назначает помощников — менеджеров и инспекторов и смотрителей, — и это совпадает с космической системой Ману. Есть Бог Всемогущий, и, согласно нашей схеме, есть также Ману Земли — Менеджер, который полностью отвечает за управление Землей. У него есть подчиненные Ману — если хотите, пусть это будут инспекторы, — которые ведают отдельными континентами Земли. Есть также инспекторы отдельных стран Земли. Они вершат судьбы стран, они влияют на действия политиков, хотя политики способны натворить всяких дел и без помощи Ману!

Есть одно существо, известное как «Око Бога». Это кошка. Кошка гуляет везде, делает все, что захочет, и все видит. Ну кто же станет обращать внимание на бродячую кошку? Люди говорят: «Ай, ничего — это всего лишь кошка». А кошка бродит, наблюдает и докладывает как о хорошем, так и о плохом. Кошки неподвластны силам зла. Кошки обладают внутренним барьером, который противостоит дурным мыслям. Вот почему в одном столетии кошек возводят в ранг Божества, а в другом столетии их ненавидят как приверженцев дьявола, поскольку слуги дьявола хотят избавиться от кошек, которые докладывают Богу о злых поступках. И ничего дьяволы с этим поделать не могут.

В настоящее время Ману, который управляет Землей, — это Сатана. В настоящее время Сатана овладел Землей полностью. Мало что хорошего может случиться сейчас. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на сатанинские отряды коммунистов. Взгляните на множество культов с их «религиями», которые вводят людей в заблуждение. Посмотрите, как они пытаются обрести власть над теми, кто недостаточно умен, чтобы противостоять этим культам зла. Но, в конце концов, Сатана будет вынужден оставить Землю. Ему придется уволить своих фаворитов точно так же, как это делают учредители обанкротившихся компаний. Очень скоро настанет время, когда маятник изменит свое направление, и, когда это направление изменится, сила зла ослабнет, а сила добра начнет усиливаться. Но пока это время еще не пришло. Мы будем испытывать все более суровые трудности, пока маятник движется в прежнем направлении.

Задумайтесь над этим. Когда вы смотрите на маятник, вам кажется, что он движется постоянно. Но это не так. Даже скорость его движения непостоянна, поскольку он приближается к верхней точке своей траектории. Допустим, эта точка находится справа. Тогда он будет падать с возрастающей скоростью, пока не достигнет нижней точки. Там его скорость будет максимальной. Но когда маятник начнет делать взмах в другую сторону, его вес станет замедлять скорость движения, и в конечной точке маятник остановится. Маятник наверняка остановится на какое-то определенное время, прежде чем он опять начнет подниматься в другую сторону.

В зависимости от начала отсчета времени мы можем сказать, что в среднем время остановки составит всего лишь какую-то долю секунды. Но, если мы возьмем другую систему счисления времени, где секунды — это годы, а быть может, даже тысячи лет, то в этом случае, возможно, что маятник остановится примерно на две тысячи лет. И если маятник остановится на стороне зла, то множество бед случится, прежде чем маятник изменит направление и цикл своего движения и станет опускаться ниже, ниже и ниже, двигаясь в противоположную сторону, чтобы обеспечить благоприятные и равные возможности.

Никто из ныне живущих не застанет Золотого Века. Условия жизни

определенно будут сильно ухудшаться в течение жизни тех людей, которые сейчас находятся в зрелом возрасте. Но наши дети или внуки действительно встретят начало Золотого Века и смогут воспользоваться многими его благами. И одна из главных задач, которая стоит перед нами сейчас, — это пересмотр религиозной системы. Сейчас христиане выступают против христиан, а также против христианской религии, которая подверглась сильным искажениям в шестидесятые годы²⁷ и стала одной из самых воинственных религий в мире. В Северной Ирландии католики убивают протестантов, а протестанты убивают католиков. Опять началась война между евреями и мусульманами. Разве так уж важно, за какой «религией» следовать? Ведь главное — чтобы наша дорога вела нас к Дому. Мы можем в чем-то не соглашаться, однако все религии должны вести людей к Дому. Ну и что, если один из нас христианин, а другой — иудей? Что из того, что христианская религия в том виде, в каком она была во времена Христа, сформировалась из сочетания ряда религий Дальнего Востока? Любая религия должна верно служить удовлетворению потребностей тех людей, которые ее исповедуют.

Религия станет совсем другой. Ее учения должны исповедовать преданные люди, а не те, кто ищет себе легкой жизни и стремится получить верную прибыль, что имеет место сейчас. Не должно быть никакой дискриминации и, уж конечно, никаких миссионеров. На своем горьком опыте я убедился, что миссионеры — это враги истинно верующих. Я знаю, что в Китае, Индии и многих других странах — особенно в Африке — люди нарочно принимали христианство только ради того, чтобы получить какие-то подачки из рук миссионеров. Необходимо также помнить, что некоторые не в меру стыдливые миссионеры заставляли отдельные коренные народы одевать неподходящую для них одежду. Такие миссионеры принесли туберкулез и другие ужасные болезни людям, которые, пребывая в естественной для них среде, были прежде совершенно невосприимчивы к таким болезням.

Пожалуй, нам также следует помнить о временах испанской инквизиции, когда представителей различных религий пытали, сжигали заживо, поскольку они не разделяли верований католиков или лишь пытались притвориться, что разделяют их.

Золотой Век придет. Не в наше время, но позже. Возможно, в цикле добра, когда у Бога нашего мира появится больше свободного времени, он постарается лучше изучить людей и животных. Садовники Земли, несомненно, имеют благие намерения, но думаю, все согласятся с тем, что хозяину поместья иногда следует прийти и посмотреть, чем занимаются его садовники, а возможно, даже и внести некие коррективы в их работу.

Я верю в Бога. Но я также полагаю, что бесполезно отбивать поклоны и молить Бога о мелких нуждах. Он слишком занят, и в любом случае в данное время наш цикл, или ритм, или маятник, находится на негативной стороне, когда зло все еще пребывает в силе. А уж если это так необходимо, то обращайтесь молитвы к своему Высшему Я. И если ваше Высшее Я решит, что то, о чем вы просите, будет во благо как вам, так и ему — вашему Высшему Я, то, может быть, вы это получите. Хотя, возможно, к тому времени это вам будет уже не нужно.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Маргарет Таггланк приоткрыла один глаз и с опаской стала всматриваться в яркий дневной свет.

²⁷ Здесь автор, видимо, имеет в виду следующие события. В 1959 г. Папа Иоанн XXIII объявил о созыве Вселенского Собора. С перерывами между сессиями Собор проходил с 1962 по 1965 гг. На первой же сессии Собора большинство церковных иерархов отвергли практику отлучений и анафем в адрес коммунистов и высказались за конструктивный диалог с ними в интересах укрепления мира и борьбы за социальный прогресс. — Прим. перев.

— О Господи! — простонала она. — На что только ни приходится идти девушке, чтобы заработать себе на жизнь!

Она медленно открыла другой глаз, и на этот раз день предстал перед ней в полном своем свете. Боль пронзила ей голову с такой силой, что казалось, голова вот-вот расколется. Со стоном она дотронулась руками до поясницы. Боль была ужасна. Какое-то время она лежала, пытаясь припомнить все, что случилось прошлой ночью.

— Ах да, — вспоминала она, — мне очень хотелось получить столь желанный контракт, но этот ужасный человек сказал, что я должна остаться с ним на ночь, если хочу получать от него контракты и впредь.

— Ах, Господи, что же со мной случилось? Обычный секс я переношу нормально, но сейчас мне кажется, будто я побывала в постели с разъяренным слоном.

Она все стонала и стонала, наконец поковыляла в ванную и там присела. Ее долго рвало, а затем она обернула голову мокрым полотенцем, совершенно не заботясь о том, что после этого останется от ее прически. Наконец ей стало лучше, и она огляделась вокруг. И тут ее лицо потемнело от ярости:

— Что за скотина мой муженек! — сказала она. — Я же сказала ему прибраться в квартире, прежде чем он пойдет на работу сегодня с утра.

Продолжая мысленно бранить мужа, она неровной походкой прошла из ванной на кухню.

Ошеломленная, она посмотрела по сторонам, а затем ее взгляд наткнулся на записку, прислоненную к бутылке из-под молока.

«Я устал жить с эмансипированной женщиной, — говорилось в записке. — Равные возможности могут завести слишком далеко, и меня выводит из себя то, что ты постоянно спишь с кем попало. Ты меня больше не увидишь».

Она взяла записку в руки и пристально на нее посмотрела. Затем повернула ее обратной стороной и поднесла к свету. Потом, как будто с некоторым воодушевлением, она перевернула записку вверх ногами. Но нет, ни воодушевления, ни чувства комфорта, ни горя она не испытывала. Она была одной из тех так называемых «эмансипированных» женщин, которые являют собой наихудшее проклятие цивилизации.

Я — один из тех, кто смотрит на таких женщин с полным презрением и неприязнью. Они — не жены, а лишь бесполезный балласт, который тащит человеческую расу ко дну.

В 1914 году, или примерно в это время, Британия оказалась втянута в Первую мировую войну, но вместе с ней началась и другая война — так называемая «война полов». Женщинам предначертано вынашивать детей, чтобы продолжать человеческий род, но в 1914 году женщины пришли на фабрики, и надели мужскую одежду. Скоро они начали пить и курить, а в своей речи стали использовать такие грязные выражения, которыми не пользовался даже самый развращенный мужчина. Вскоре женщины освоились в новой обстановке и стали жаловаться, что им мало платят. Но ведь ни одна женщина толком не знает, чего она хочет. Возможно, она хочет превратиться во второсортного мужчину, совершенно не заботясь о продолжении рода.

Это те женщины, которые ставят буквы «Ms.» перед своим именем²⁸. Значение этих букв непонятно мировой науке, но если бы они имели какой-то тайный смысл, то, скорее всего, служили бы предостережением о том, что женщины постепенно

²⁸ Ms. (англ.) — «мисс» или «миссис». — Прим. перев.

обретают признаки мужского пола и скоро могут утратить способность к деторождению.

Нельзя выразить словами, насколько это ужасно, когда некоторые молодые женщины ложатся спать с первым мужчиной, который завладеет их воображением. Иногда это похоже на изнасилование мужчин. А затем, когда в браке или вне его рождается ребенок, мать мчится обратно на фабрику, в магазин или куда бы то ни было, едва дитя успеет родиться. И тогда ребенка оставляют под присмотром соседей или отдают на попечение няни. Вырастая, ребенок оказывается на улице, где попадает под влияние более сильных и взрослых детей. Вскоре из таких ребят формируются банды. Посмотрите-ка, что писала газета «Albertan» 15 июля 1976 года. Понятно, что здесь приводится только выдержка из статьи, которая называется «Дети — наемные убийцы». После обычной издательской аннотации в статье говорится следующее: «Где-то в районе Ванкувера проживает десятилетний мальчик, который связался с преступным миром и занялся осуществлением заказных убийств».

Оказывается, этот мальчишка, всего десяти лет от роду, стал главарем банды из сотни мальчишек, которые готовы убивать за деньги!

Несколько недель назад в газетах появилось сообщение о том, что убийство совершил еще более юный парнишка. А сейчас я узнал о новом случае, когда какой-то мальчишка убил своего сомнительного друга.

В прежние времена мать оставалась дома и заботилась о семье и о том, чтобы ее дети росли в послушании и вырастали достойными гражданами. Да и что может быть важнее для матери, чем забота о доме и о должном порядке в семье? Ясно, что многие из тех женщин, о которых я здесь говорю, не желают оставаться дома и поддаются воздействию порока.

В годы Первой мировой войны женщины шли работать на фабрики, в учреждения и даже отправлялись служить в армию. В результате рекламные агентства обнаружили, что теперь источники доходов тех, кого они рекламируют, удвоились. И вскоре экономика стала развиваться таким образом, что женщина просто вынуждена была идти работать. Во всяком случае, так это казалось со стороны. Все рекламные средства заявляли, что это вполне допустимо. Поскольку теперь женщины смогут купить себе одно, другое и третье. И, конечно, женщины клюнули на эту удочку.

Правительства тоже обнаружили, что привлечение женщин к труду и выплата им солидного жалованья позволяет поднять налоги на прибыль, получить больше средств от налога с продаж, и так далее. А женщины по-прежнему остаются настолько глупы, что не вспоминают о своем естественном призвании, а вместо этого ходят на работу, влезая в долги и тратя деньги на суетные мелочи жизни.

Некоторые женщины в настоящее время лишены всякого вкуса и совершенно не умеют одеваться. Они полагают, что следовать моде — это значит, каждый день ходить в новой блузе и юбке. Эти вещи, обычно сшитые из самой дешевой материи и украшенные безвкусными узорами, они покупают в рассрочку.

Приходилось ли вам в последнее время смотреть на женщин? Я имею в виду молодых женщин. Вы замечали, какая у них плоская грудь и какие узкие бедра? Как они собираются рожать? Очевидно, с помощью пинцета. И в результате получают детей с повернутыми и ущемленными мозгами.

Приходилось ли вам наблюдать, как быстро сейчас распадаются браки? Некоторые женщины желают лишь сожительствовать с мужчиной, чтобы вступать в сексуальные отношения так часто, как они пожелают. Но стоит мужчине сказать или сделать что-либо поперек, как женщина тут же собирает свои вещи и уходит к

первому встречному, кто пожелает с ней жить.

В эзотерическом мире существуют мужской и женский принципы. Это два противоположных полюса. И для того, чтобы этот мир оставался населенным людьми, необходимо, чтобы мужчины и женщины отличались друг от друга. В противном случае женщины станут стерильными. И тогда, сколько бы и как бы они ни старались, у них не будет никакого потомства.

Возможно, мы должны выступить и принять жесткие меры по отношению к рекламодателям — к тем, кто соблазняет женщин, заманивая их на путь уничтожения человеческой расы. А ведь такое уничтожение возможно! Хроники Акаши, Хроники вероятностей, подтверждают, что это может случиться. Такое уже случалось миллионы лет назад.

Давным-давно, во времена, которые не сохранились в памяти человечества, существовала цивилизация, которая достигла весьма высокого уровня. Те люди имели пурпурный цвет кожи, и не обязательно это были именно люди. Точнее сказать, это были не совсем люди, поскольку женщины у них имели шесть грудей, а не две, как сейчас. Были у них и другие, более тонкие отличия.

Та цивилизация была очень высокоразвита, и семьи там были очень дружны. Но однажды женщины решили, что им не следует оставаться дома и заботиться о своих семьях. Они также решили не заботиться больше о мужьях и детях. Женщины стали подвергать своих мужей и детей гонениям. Предания о том, как именно они это делали, не сохранились. Также непонятно, чего именно они хотели добиться. Но очевидно, что-то случилось с их сознанием. Таким образом, они решили искоренить брак из своей жизни. И как только где-то рождался ребенок, его изгоняли, веля идти и искать себе другой дом, где его согласились бы принять. Вскоре этот народ стал переживать качественные изменения — он стал вырождаться и постепенно сделался дебильным.

Со временем женщины стали совершенно бесплодны — и этот народ вымер.

Вам известно что-нибудь о садоводстве? Приходилось ли вам когда-нибудь видеть отборную яблоню в запущенном состоянии? Прежде эта яблоня приносила прекрасные плоды, которые ценились за их сочность, вкус, цвет и прочие качества.

Но если на какое-то время такую яблоню оставить без присмотра, то ее яблоки станут кислыми, морщинистыми, исковерканными, иссохшими.

Приходилось ли вам когда-либо видеть чистокровных лошадей, которых оставили без присмотра, позволив им пастись вместе с дикими пони? Я скажу вам, что получится в результате. После того как пройдет несколько поколений, эти животные придут в страшный упадок, поскольку потомство будет вырождаться по всем статьям.

То же происходит с людьми. Дети остаются без надзора, они не знают дисциплины, и в результате мы получаем вооруженные банды, мы получаем вандалов — все, что является воплощением зла и уродства. Мы получаем насильников и убийц, которые режут и убивают стариков. Совсем недавно произошел случай, когда две женщины встретили старика-инвалида. Вместо ног у него были протезы. Так вот, из-за нескольких центов, найденных у него в карманах, эти женщины избили его, сломали протезы и бросили старика полураздетым на пустынной улице.

Совсем недавно произошел еще один случай, в котором также участвовали женщины. Две женщины подошли к дому одной престарелой пенсионерки. Они силой проникли в дом, а затем избили старушку. Она чудом осталась жива, притворившись мертвой. А эти дамы, — если их вообще можно так назвать, — ограбили дом и забрали с собой все деньги, которые были у престарелой леди,

оставив ее ни с чем. Престарелые пенсионеры не имеют больших средств к существованию!

Знаете ли вы, кем вырастают самые недисциплинированные дети? Знаете ли вы, что происходит, когда дети до подросткового возраста бывают предоставлены сами себе, если их не воспитывают и не приобщают к какому-нибудь честному труду?

Уилли Волк бежал вприпрыжку вдоль полуночной улицы. Яркие огни неоновых фонарей мерцали и вспыхивали на ночном ветру, который заставлял светильники кланяться, раскачивая их то вверх, то вниз. Сегодня был день получки, и в столь поздний час на улице все еще можно было встретить людей. Ряды магазинов, всегда готовых воспользоваться преимуществами такого дня, когда люди получали на работе деньги, остались открытыми допоздна — до тех пор, пока не иссякнет приток денег.

Уилли Волк был темной личностью — одним из тех людей, с которыми лучше не встречаться, когда воскресным утром они появляются на улицах и бродят там, раскачиваясь, словно пьяные, в ранние утренние часы. Родители, которым никогда не хватало на него времени, просто изгнали его из дома — и было за что.

Отец работал, мать работала. Уилли оставался дома и тащил оттуда все, что плохо лежало. Если ему удавалось заполучить бумажник отца, когда тот приходил домой в пьяном ступоре, он забирал у отца все, что мог. Уилли был готов в любой подходящий момент стащить кошелек у своей матери и выкрасть из него все до последней монеты. А когда она бранила его, он все сваливал на отца.

В родной округе об Уилли шла дурная слава. Он вечно слонялся по темным улицам, трогая ручки на дверцах автомобилей, чтобы узнать, какие из них не заперты. А если ему удавалось найти незапертую дверцу — тут уж Уилли быстренько определял, что можно стащить из «бардачка» машины. В иных случаях он просто снимал колпаки с колес.

Родителям он надоел. Наконец, убедившись, что Уилли не желает прислушаться к ним, не собирается устраиваться на работу после того, как его исключили из школы, родители заперли от него двери, заменили замки и даже позаботились о том, чтобы запереть от него еще и окна. С этого самого момента Уилли успел пройти всего несколько улиц. Он зашел в агентство по содействию безработным и нашел чем объяснить свой отказ от предложенной ему работы. Затем по подложным документам, украденным из чужого бумажника, он получил деньги от сотрудников службы социального обеспечения. Ну а теперь Уилли Волк вприпрыжку бежал по улице, хищным взглядом озираясь вокруг и вертя головой во все стороны. Он посмотрел вперед, а затем — назад. Снова посмотрев вперед, он вдруг весь напрягся и ускорил шаг. Впереди него поворачивала за угол молодая женщина. В руках она несла битком набитую дамскую сумочку. Должно быть, женщина допоздна работала в одном из многочисленных офисов.

Уилли бежал вприпрыжку, стараясь не нервничать. Он видел, что она готовилась перейти улицу, но тут загорелся красный свет светофора. Уилли, подбежал и поравнялся с ней. Он подставил ей ножку, а правой рукой нанес удар в затылок. Женщина как подкошенная упала лицом вниз, ударившись лбом о бровку тротуара. Уилли выхватил сумочку из ее бесчувственной руки и, не снижая темпа, убежал. Свернув в узкий темный переулок рядом с жилым домом, он мельком взглянул через плечо, чтобы посмотреть, нет ли за ним погони. Он видел, как рядом с лежавшим на земле телом молодой женщины образовалось красное пятно. В зеленоватом свете неоновых ламп красный цвет был похож на черный. Хихикая, Уилли спрятал дамскую сумочку под своей кожаной курткой, которую застегнул на

молнию, и с самым беззаботным видом пошел дальше, как самый невинный из людей в этом мире. Затем он прошел в еще более темную часть переулка. Здесь был гараж, который пока пустовал. Он был надежно заперт, и никого из работников на месте не было, поскольку помещение выставили на продажу и все ожидали, когда появится новый владелец. Хотя гараж и был закрыт, но за много недель до того, как его закрыли, Уилли стащил запасной ключ от него. Он просто вошел туда и попросил пустить его в туалет. Когда служащий отвернулся, чтобы снять с крючка ключ от мужской уборной, Уилли стащил ключ от главной двери, который висел возле кассового аппарата.

Теперь Уилли вошел в гараж и присел за входной дверью. Здесь было очень светло, поскольку яркий свет с улицы проникал сюда через большое окно. Уилли сел на пол и вытряхнул из сумочки все содержимое. Ухмыляясь сам себе, он спрятал все обнаруженные им деньги, а затем стал рыться в том, что осталось, рассматривая обычные вещи, которые женщины хранят в своих сумочках. Он с большим трудом стал читать письма, которые тоже были в этой сумочке. Наконец, убедившись, что взять ему здесь больше нечего, он пнул остатки вещей в грудку мусора.

На переполненном беспечной публикой тротуаре лежала оглушенная и истекавшая кровью молодая женщина. Мимо нее проносился оживленный поток машин. Одни машины увозили людей из ночных клубов и кинотеатров, а другие везли людей с работы и на работу в ночную смену. Водители мчавшихся мимо машин изумленно главели на лежавшую у трассы женщину и спешили поскорее убраться подальше, чтобы не быть привлеченными в качестве свидетелей. Несколько пешеходов остановились на тротуаре, посмотрели и прошли мимо. Из магазина вышел мужчина. Он все видел. Он мог бы даже задержать Уилли, но он тоже не хотел, чтобы его взяли в свидетели. Ему как-то не за что было благодарить полицию. Так почему же он должен ей помогать? И скажите-ка, разве должен он помогать этой женщине? Ведь он ее совсем не знал. Поэтому он неторопливо прошелся вперед, остановившись рядом с ней, нагнулся и посмотрел на нее, стараясь угадать ее возраст и профессию. Затем он ощупал ее карманы, интересуясь их содержимым. Но в карманах ничего не было. Тогда он глянул на ее руки и обнаружил, что на одном ее пальце было обручальное кольцо, а на двух других — кольца с камнями. Он бесцеремонно стащил их и сунул себе в карман. Затем, выпрямившись, он пнул ее ногой, чтобы узнать, жива она или нет, после чего скрылся в тени.

В трущобах Калгари²⁹ кипела бурная жизнь простого люда. В круговороте дней росла преступность, а газетные заголовки вопили о том, что с этим нужно как-то бороться. Газеты сообщали об участившихся случаях изнасилования, о росте числа разбойных грабежей, но население относилось к этому равнодушно. Люди начинали беспокоиться только тогда, когда жертвами становились ОНИ сами. Ночная жизнь Калгари протекала, как и прежде, очень напряженно — насквозь пропитанная дремавшей где-то на дне преступностью, которая была готова в любой момент всплыть на поверхность. Здесь велись разговоры о том, чтобы закрывать на ночь парки, об усилении ночных патрулей, но все это были одни разговоры — только и всего. А город жил как прежде. День следовал за днем, а ночь сменялась ночью.

И снова полночь. Вдалеке бьют часы. Где-то рядом настойчиво сигналил автомобильный гудок. Какой-то грабитель, пытаясь взломать чей-то припаркованный автомобиль, нечаянно включил сигнализацию. И теперь машина

²⁹ Калгари [Calgary] — город в Канаде. — Прим. перев.

неистово ревет, но кажется, что никто этого не слышит. И никому нет до этого дела. Никто не желает вмешиваться.

И снова полночь. Уилли Волк бежит вприпрыжку вдоль полнотной улицы. Его бывший когда-то белым свитер с высоким воротом, изукрашенный нынче остатками обильной пищи, теперь развеивается и колышется от бега. А Уилли по-прежнему оглядывается вокруг, высматривая новую добычу.

Обнаружим го, ЧТО искал, он весь напрягается и ускоряет шаг. Чуть впереди него маленькая старушка с тяжелой сумкой в руках, шаркая негнушимися ногами, ступает в ночь. Очевидно, что она — инвалид, страдающий физическим недугом. Возможно, у нее подагра. Ведь она ковыляет так, словно ей невыносимо трудно переставлять одну ногу за другой. С большим трудом она продолжает свой путь.

— Нет, она не дойдет! — мысленно ухмыляется Уилли.

Вскоре он настиг ее. С натренированной легкостью — это уже многократно отработанный в нападениях навык — он подставил несчастной старушке ножку и уже занес руку, чтобы толкнуть ее в спину. Потом, когда она упадет лицом вниз, он выхватит у нее сумку. Но вот так сюрприз! Маленькая старушка вдруг пригнулась и метнула свою тяжелую, словно набитую кирпичами сумку в голову Уилли.

В какую-то долю секунды Уилли успел заметить ее приближение. Затем с сокрушительной силой сумка угодила ему по голове. В глазах у него замелькали яркие круги. Мучительная боль пронзила его, и он визгнул, а затем весь мир перед ним померк, и, точно так же как все его жертвы, он растянулся на земле и проехал по ней лицом.

Бесчувственные, беззаботные зрители, случайно оказавшиеся рядом в ту бурную ночь, с немым изумлением видели, как маленькая старушка, поставив свою ногу на спину Уилли, вскричала, выражая свое удовольствие, точно какой-нибудь петух, который, стоя на навозной куче, приветствует зарю. Потом она повторила это еще раз и бойким шагом пошла дальше.

Ночь тянулась медленно. Сколько прошло времени? Минута? Час? Для Уилли это было уже не важно. Наконец патрулировавшая окрестности полицейская машина остановилась возле лежавшего мешком на тротуаре неопрятного парня. Дверца машины открылась, и из нее вышел пожилой полисмен. Его рука лежала на кобуре пистолета. Он подошел и ногой равнодушно перевернул тело. Присмотревшись, полисмен узнал его. Он крикнул своему сидевшему в машине партнеру:

— Да это же Уилли Волк! Наконец-то он получил то, что искал. Вернувшись к машине, полицейский, в задачу которого входило внешнее наблюдение, взял в руки микрофон радиостанции и вызвал машину скорой помощи, чтобы она приехала и подобрала тяжелораненого.

Где-то в темноте одной из выходивших на этот перекресток квартир стояла у окна, выглядывая на улицу из-за шторы, маленькая старушка. Увидев, как санитары без церемоний втолкнули Уилли в скорую помощь, — они тоже хорошо его знали, — старушка долго-долго смеялась, а потом разделась и легла спать.

Летопись «Хроники Акаши», которую некоторые люди могут увидеть, когда попадут в астральный план, содержит сведения обо всем, что когда-либо случилось в мире. В ней описывается происхождение мира с того самого момента, когда он был сначала газообразным, а затем — наполовину расплавленным шаром. Эта «книга» рассказывает обо всем, что происходило когда-то, как если бы наш мир — это человек, у родителей которого была кинокамера, снимавшая все подряд, без остановки, — всю его жизнь с момента рождения и до самой смерти. Тогда какой-нибудь человек, обладающий необходимыми знаниями, мог бы взять кассету с

кинолентой и выяснить, что и как происходило раньше. Точно так же эта летопись описывает историю всех миров.

Кроме того, есть еще «Хроники вероятностей». Эти Хроники описывают то, на что можно НАДЕЯТЬСЯ. Но образ действий отдельных стран может изменить предполагаемый ход событий. К примеру, недавно на Дальнем Востоке произошло сильное землетрясение, от которого в Китае образовались огромные трещины. И лично я полагаю, что в большой степени оно было вызвано испытаниями атомных бомб, которые проводились в Америке и в Сибири. Это все равно как если бы мы нанесли удар по фундаменту какой-нибудь конструкции. Явные признаки разрушений поначалу могут быть не видны. Но с течением времени какая-нибудь отдаленная часть конструкции дает трещины, в ней появляются разломы. Авиационным инженерам известно, что недостаточно мягкая посадка самолета может привести к образованию трещин в его хвостовой части!

Много лет назад некий шарлатан от религии предложил мне принять участие в его хитроумном проекте. Он намеревался по заказу различных людей уходить в астрал — причем вместе со своим портфелем, — советоваться там с кем-то и возвращаться обратно с информацией, которую он хотел продавать заказчикам за большие деньги. Он написал мне об этом и пытался привлечь меня к сотрудничеству, утверждая, что мы мгновенно сделаемся миллионерами. Я отказал ему, и поэтому я все еще беден!

«Женские» Хроники Акаши указывают на то, что ни о каком равноправии женщин не может быть и речи. Женщины не должны изливать свою ненависть и огорчаться по этому поводу. Сейчас, насколько мне известно, большинство женщин ведут себя вполне пристойно. Если они и увлекаются идеями эмансипации, то исключительно ради забавы, не принимая их слишком всерьез. Но есть довольно много психически неуравновешенных дам, что сплошь и рядом вставляют перед своими именами буквы «Ms.», которые, я полагаю, должны означать «мадам свихнулась». И это вполне соответствует действительности, поскольку многие из таких женщин лишены всякого ума. Но, ставя это «Ms.» перед своим именем — вместо того чтобы писать «мисс» или «госпожа», либо вообще ничего не писать, — они вызывают искаженные вибрации. А ведь вибрации — это сущность всего сущего. Эти женщины направляют негативные колебания на САМИХ СЕБЯ.

Если они будут продолжать настаивать на своем, то потусторонние силы создадут определенные нововведения, чтобы позволить людям Земли вкусить плоды их собственной глупости. И тогда мы окажемся в том положении, в каком оказалась та сильно заблуждавшаяся цивилизация, память о которой сохранилась лишь в Хрониках Акаши.

В той цивилизации людей, у которых кожа была не черной, желтой, коричневой или белой, а пурпурной, женщины передали власть некой секте Садовников Земли, состоящей из сверхчеловеков, которые надзирают или должны надзирать за этим миром. Видимо, они довольно плохо справлялись со своими обязанностями. Но, так или иначе, женщины совратили некоторых Садовников мужского пола, из-за чего у них возникли разногласия с женами Садовников. Однако в результате союза Садовников и земных женщин на Земле возникла новая раса, в которой главными были женщины. Они заняли все рабочие места, и оставалось всего несколько видов рабочих мест, доступных для мужчин. Это были в основном должности лакеев, на которые принимали мужчин-импотентов. Но в особых роскошных домах можно было найти очень даже зрелых «жеребцов». Их держали исключительно для того, чтобы обеспечивать необходимый прирост потомства.

Да, все это так и было. Все это настолько истинно, что я заявляю: если вы читаете мои книги, все семнадцать, и если вы применяете в своей жизни то, о чем я в них пишу, значит, ваши намерения чисты. И это значит, что вы сможете уйти в астрал и своими глазами увидеть Хроники Акаши, предназначенные для этого мира. Вы не сможете видеть Хроник Акаши, предначертанных для отдельных индивидуумов, поскольку это обеспечило бы вам несправедливое преимущество перед «конкурентами». Вам потребовалось бы обеспечить себе «особое разрешение» — кажется, это так называется в Римско-католической церкви, — чтобы ознакомиться с Хрониками отдельного индивидуума, если они составлены ранее тысячи лет назад. Но в те далекие Века, когда царствовал матриархат, женщинам приходилось трудиться почти точно так же, как трудятся сейчас рабы в коммунистических странах. А самым здоровым из них, которые были наиболее красивы лицом и телом, разрешалось посещать дома с публичными мужчинами ради удовольствия или по необходимости — в том числе и для произведения потомства.

Можете ли вы вообразить, как бы жилось сейчас на Земле, если бы здесь существовали такие порядки? Можете ли вы представить, к чему рекламодатели призывали бы тогда легковверных женщин? «Спешите заглянуть в дом терпимости тетушки Полли. Только у нас — Самые Мощные и Самые Доступные Мужчины. Выбирайте: цвет, оттенок и размеры на любой вкус. Умеренные цены. Специальные льготы для членов нашего клуба».

Но всегда случается так, что протivoестественное общество, в конце концов, прекращает свое существование. Поэтому матриархат исчез. Его система оказалась столь нестабильной, что, в конечном счете, рухнула, и вся цивилизация вымерла.

А знаете, почему эта система была нестабильной? Представьте себе аккумулятор вашего автомобиля, батарейки вашего радиоприемника или что-то такое, что имеет положительный и отрицательный заряд. Предположим, каким-то образом вы могли бы усилить отрицательный заряд. Разве тогда весь ваш аппарат смог бы работать устойчиво? Разве он не сломался бы через какое-то время? Именно так и случилось с той особенной расой людей с пурпурной кожей.

Жизнь требует, чтобы во всем присутствовал позитив и равный ему негатив — чтобы в равной степени в ней было место как хорошему, так и плохому — для обеспечения баланса. Мужской род должен быть равен женскому. Без этого гармоничная, сбалансированная жизнь невозможна. А сторонницы борьбы за женские права пытаются нарушить природный баланс. Они пытаются разрушить экологию человеческого бытия. Такой подход не только может вывести из строя систему, но и окончательно испортит карму самих подстрекательниц, если учесть все те беды, которые они могут причинить. Они жадны, а жадность — это одно из величайших проклятий этого мира. Есть Золотое Правило, согласно которому мы должны поступать с людьми так же, как мы хотели бы, чтобы они поступали с нами. Кроме того, отдавать всегда лучше, чем получать. Отдавая, вы улучшаете свою карму, а попытки вызвать дисгармонию и противоборство безнадежно ее ухудшают.

Меня всегда чрезвычайно смешат те женщины, которые выходят замуж, но при этом не принимают фамилию своего мужа, что никак не способствует сохранению баланса. У нас, в Канаде, есть один кандидат на священный пост премьер-министра. Жена этого господина не желает носить его фамилию. Если не ошибаюсь, она называет себя «Ms.» Мак-Тир, или как-то в этом роде. И этим она действительно может из кого угодно выжать слезу³⁰. Но как же можно достичь

³⁰ Тир [tear] — слеза (англ.). — Прим. перев.

баланса в семье, которая стоит во главе государства, если два главных ее члена не представляют собой единого целого? Да никак!

И опять же, если женщины не хотят быть женами, то зачем же они выходят замуж? Если они не хотят быть женами, но желают иметь детей — хорошо, организуйте для них специальные фермы, как для рогатого скота, поскольку такие женщины ничуть не лучше рогатого скота. Я полагаю, что воспитание детей требует куда больше тех десяти минут, которые требуются для сомнительного удовольствия. Я верю, что самой природой женщинам предопределено быть матерями — теми, кто умеет и хочет понимать детей. А если они способны лишь рожать младенцев, которых потом готовы чуть ли не выбросить на улицу, едва те научатся говорить, то таким образом они выращивают расу существ, не способных любить, — существ, которых мы во множестве имеем уже сейчас. Сейчас мы имеем банды детей, готовых к убийству, — банды детей, которые слоняются по паркам, ломая деревья и идя на все, лишь бы только побуянить. В былые времена, когда жены действительно были женами, они всегда были рядом со своими мужьями, они всегда помогали своим мужьям. И если муж отправлялся заработать на жизнь, то жена оставалась дома, чтобы заботиться о семье и воспитывать молодых представителей человеческого рода.

Конечно, капиталистам придется во многом поплатиться за это, поскольку эти жадные до денег люди полагают, что работающие женщины принесут им вдвое больше денег. Безусловно, иметь много денег — это хорошо. Лично у меня никогда не было много денег. Но я скорее хотел бы оставаться честным человеком, чем стать похожим на тех капиталистов, которые ради нескольких долларов готовы уничтожить всю цивилизацию. Рекламодатели искушают людей, предлагая им системы расчета кредитными картами и «выгодное» приобретение товаров в кредит. И слабовольные люди поддаются этим соблазнам и искушениям. Они готовы вывернуться наизнанку, влезая в долги, которые они смогут погасить, если станут трудиться на одной, двух или трех дополнительных работах сразу.

Когда я жил в Виндзоре, я знал одного человека, который трудился на четырех работах, подорвал свое здоровье и рано сошел в могилу. Его жена тоже работала сразу в двух местах. Таким образом, они вдвоем получали деньги в шести местах, тем не менее, они настолько увязли в долгах, что, когда этот человек умер, все, что они имели, было отнято кредиторами. Так почему же люди не хотят жить более разумно, более экономно — вместо того чтобы пытаться схватить все, что попадает им на глаза, как непослушные дети, которые при этом еще и поднимают вой, если им в чем-то отказывают.

Я считаю себя решительным противником всяческих компаний в защиту так называемых женских прав, поскольку, как я уже сказал, мне очевидны результаты этого ужасного культа, или как там его еще можно назвать. Я видел все это в Хрониках Акаши. Я также получал тысячи писем, где мне рассказывали о том, к каким бедам приводит это женское движение.

Сейчас мы вышли на перекресток тех дорог, которые определяют дальнейшую судьбу человечества. И если люди не выберут верный путь, то у нас не будет стабильного общества. Религия должна вернуться в повседневную жизнь. При этом не важно, какая это будет религия — я не имею в виду конкретно христианство, иудаизм, ислам, индуизм или что-либо еще. Не имеет никакого значения, что за религия это будет. Нам нужна новая религия, поскольку старые религии потерпели жестокую неудачу. Возьмем, к примеру, христианство. Что такое ХРИСТИАНСТВО? Это католическая вера? Это протестантство? Православие? И какая же из них ЯВЛЯЕТСЯ истинно христианской? Если все они христианские, то

за что же они сражаются в Северной Ирландии? Кроме того, опять идет борьба между христианами и мусульманами в Бейруте.

И потом еще есть русские, которые признают одного Бога — коммунизм. А уж если верить тому, что сейчас говорят о ситуации в Китае, то вряд ли мне захотелось бы там побывать и на месте увидеть, как идут у них дела. Но нам нужна какая-то лучшая религия. Нам нужны священники, которые **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** являются священниками, а не люди, мечтающие обеспечить себе спокойную жизнь, когда они без особого труда могли бы получать свои деньги. Таких у нас хватает и сейчас.

Как я уже сказал, сейчас мы находимся на перепутье. Нам придется решить, хотим ли мы иметь стабильное общество, в котором мужчины и женщины будут трудиться каждый на своем месте как партнеры и в котором женщины будут заботиться о своих детях, а не предоставлять их опеке более взрослых и, возможно, более развращенных детей. Такой путь грозит развалом общества. В России применялась такая практика, когда всех детей отдавали в дома, которые находились на попечении у государства, в то время как отцы и матери работали на заводах или в сельскохозяйственных коммунах. Оказалось, что это не так уж и хорошо. Русские матери сейчас хотят быть со своими детьми, они хотят оставаться дома, и сейчас они в России подняли страшный шум, требуя позволить им самим воспитывать своих детей. Чем это все закончится — никому не известно.

Когда-то у Гитлера, который, в самом деле, вынашивал множество сумасшедших идей, были специальные станции, занимавшиеся воспроизведением генофонда. Вам, вероятно, приходилось читать об этом, но если кто-то из вас не читал, то вот вам вкратце, как это было:

Партийным вождям всегда были нужны очень лояльные члены партии, обладавшие хорошим здоровьем, которые к тому же были бы хорошими родителями. И если находились лояльные, здоровые юноши и девушки, то их направляли в специальные большие особняки, которые были в стране. Там их откармливали, хорошо за ними ухаживали, и когда они немного поправлялись, — поскольку рацион жителей Германии был довольно скудным, — этим юношам и девушкам разрешалось встречаться и выбрать себе партнеров. Когда выбор был сделан, они проходили еще одну медицинскую комиссию, после чего им позволяли остаться вместе на целую неделю. Думаю, вам известно, что случается, когда молодой человек и девушка проводят вместе целую неделю, причем для них, так сказать, сняты все запреты, а все их действия санкционированы правительством... И вот, когда в результате такого союза рождался ребенок, его забирали у матери и помещали в специальный дом, где он воспитывался в соответствии с нацистским научно-практическим «ноу-хау»³¹ того времени. Предполагалось, что такие дети должны стать ядром высшей расы.

Двадцать пять лет спустя некоторые ученые задались вопросом, что же стало с этими детьми. И многих из них — теперь уже, конечно, ставших взрослыми — решили обследовать. Как оказалось, все эти дети, почти без исключения, отставали в умственном развитии. Некоторые из них оказались просто слабоумными. Это доказывает, что даже Гитлеру не удалось свести вместе мужчину и женщину, слегка встряхнуть их и получить нормального ребенка!

К тому времени, когда мы достигнем 2000 года, станет понятно, обречены ли люди этой Земли на то, чтобы быть истребленными, подобно сорнякам, и чтобы вместо них здесь была высажена новая поросль. Но если женщины вернутся домой, чтобы остаться женами и матерями, как это и должно быть, то наша особенная раса

³¹ Здесь — «секреты» и «рецепты» воспитания. — Прим. перев.

сможет дожить до Золотого Века. Это зависит от вас, женщины, а также от тех, кто якобы борется за ваши права и кого нельзя назвать женщинами. Это зависит от вас. Каким будет ваш выбор? Станем ли мы чем-то вроде сорняков? Или продолжим свой путь в Золотой Век, сохранив стабильность в наших семьях?

ГЛАВА ОДИНАДЦАТАЯ

Мне кажется, что в этой книге мы имеем дело с метафизикой — с духами, призраками и тому подобным. И возможно, вам будет интересно, если я расскажу — не слишком серьезно — историю кота, который жил у хозяина бара.

Этот бармен был весьма хорошим человеком и истинным приверженцем закона. У него был добрый старый кот, который жил у него в течение многих лет. И этот старый кот — думается, это был пестрый кот, или что-то в этом роде, — но, так или иначе, он любил сидеть на прилавке подле кассового аппарата. Так вот, этот кот умер. Хозяин бара, который очень привязался к нему, был совершенно подавлен. И тогда он сказал себе:

«Я знаю, что я сделаю! Я отрежу хвост³² у моего старого Тома, положу его в стеклянный футляр, и мы будем хранить этот хвост на прилавке в память о нем».

И вот этот хозяин бара попросил своего друга, который был набивщиком чуел, отрезать у старого Тома хвост.

А остальную часть его схоронили в земле.

Старый Том — кот хозяина бара — был при жизни порядочным котом. Он прислушивался ко всему, о чем говорили люди, приходившие в бар. Особенно он симпатизировал мужчинам, которые рассказывали о том, что жены их не понимают, и все такое прочее. И вот старый Том, будучи очень хорошим котом, попал на небеса. Он добрался до Райских врат и постучал в них. И, конечно же, его с радостью впустили. Как вдруг — ах, какая жалость, какой кошмар! — тот Стражник, что стоял у Врат, сказал:

— Ах, боже мой, Том, при тебе ведь нет хвоста. Как же мы можем впустить тебя сюда без хвоста?

Старый Том оглянулся и с ужасом обнаружил, что хвоста у него не было. При этом челюсть Тома упала так низко, что он даже проделал ею борозду в небесной тверди. Но Стражник Врат сказал:

— Знаешь, Том, иди-ка ты обратно, да принеси свой хвост, а мы тебе его приклеим, и тогда ты сможешь попасть на небеса. Но отправляйся сейчас же, а я тебя подожду.

Тут кот хозяина бара глянул на часы, которые были у него на левой лапе, и обнаружил, что уже почти полночь. Он подумал:

«Черт возьми! Надо торопиться, а не то в полночь мой босс прикроет свою лавочку, и все тут. Так что уж лучше я поспешу!»

И он устремился обратно к Земле и понесся в бар. Примчавшись туда, он громко постучал в дверь, но, конечно, бар был уже заперт. Тогда старый Том постучался снова — тем особым стуком, которым, как он слышал, пользовались почетные клиенты этого заведения. Через несколько мгновений дверь открылась, и на пороге появился хозяин бара. Он с ужасом посмотрел на кота и сказал:

— О, Том, что ты здесь делаешь? Мы же тебя сегодня похоронили. Чего это ты надумал вернуться? Разве тебе не известно, что ты умер?

Старый Том грустно посмотрел на хозяина бара и сказал:

³² Здесь и далее используется двойной смысл слова «tail» — хвост, остатки чего-либо. — Прим. перев.

— Босс, я знаю, что уже почти полночь и вам пора спать, но я был на небе, и они меня не впустили, поскольку у меня нет хвоста. Поэтому я просил бы вас вернуть мне мой хвост, и если у вас есть что-нибудь покрепче, чем можно было бы хвост приклеить, то накапайте мне пару капель, а то я вряд ли смогу завязать как галстук. А когда я вернусь на небеса, меня там примут³³.

Хозяин бара взялся за подбородок, как он всегда делал, когда ему приходилось глубоко задуматься. И тут хозяину бросились в глаза часы (но это, конечно, чистая метафора — часы хозяину в глаза, конечно, не бросались, поскольку он бы тогда зрения лишился, да и часы бы разбились). И он сказал:

— Знаешь, дружище Том, я очень сожалею и все такое, но ты ведь знаешь, как сильно я чту закон. Тебе же известно, что сейчас уже поздно, а после закрытия заведения я не имею права отпускать спиртное.

Ну а теперь мы приступим к чрезвычайно важному делу — мы напишем последнюю главу этой книги. Итак:

Благородный господин, житель одной из тех маленьких античных стран, граничащих со Средиземным морем, — Греции, или Рима, или какой другой страны — я не знаю, какой точно, — однако этот господин решил толкнуть свою любимую речь.

Плиний Секундус — так звали этого господина — был, в самом деле, очень умным человеком. Я бы сказал, он был вынужден стать очень умным, поскольку, как вы понимаете, к этому обязывало его собственное имя. Да, Секундус не был первым, но зато он был Вторым. Вам, вероятно, приходилось читать броские рекламные объявления фирм, сдающих в аренду автомобили, которые столь ярко живописуют свои услуги в газетах. Есть среди них и такие, которые заявляют, что они не самые-самые, а вторые, и именно поэтому они работают усерднее других. Так вот, Плиний Секундус делал то же самое. Ему приходилось работать усердней, чтобы стать умнее, чем Плиний Первый.

Итак, он решил толкнуть речь. Я не знаю, кому именно и за сколько он хотел ее толкнуть, поскольку рекламные агенты тех дней еще не предлагали свои услуги ораторам. Однако он толкал свою речь несколько неуверенно, поскольку речь его была слабой, хотя сам Плиний Секундус хиляком не был. Какое-то мгновение он смотрел на окружавшую его безразличную толпу, а потом сказал:

— Друзья, — но никто ему не ответил и никто на него не смотрел. Тогда он вновь раскрыл рот и буквально заорал:

— Друзья, одолжите мне ваши уши!

Он думал, что это очень мудро — одалживать у людей уши, — ведь он прекрасно понимал, что люди не смогут отрезать свои уши, отдать их ему и удалиться по своим делам. Уж если ему удастся заполучить уши, то и сами их обладатели никуда от него не денутся. А ему очень хотелось, чтобы они прислушались к тому, что он хотел сказать.

Но ответа по-прежнему не было. Тогда он снова взглянул на несущиеся мимо него толпы людей, мчавшихся сломя голову туда, сюда и во все стороны. И тут он решил найти к ним свежий подход;

— Друзья, римляне, греки, американцы, — вот тут он сконфузился и замер с открытым ртом, поскольку вдруг вспомнил, что до открытия Америки придется ждать еще много столетий.

Затем, почувствовав, что никто не заметил ошибки, он продолжил свою речь.

Кстати, я — очень добрый человек. Правда, кое-кто называет меня старым

³³ Эта шутка построена на идиоматическом выражении: tie it on — «зайти выпить» и «завязать галстук». — Прим. перев.

брюзгой, мрачным старым... ну и так далее. Я знаю, поскольку мне об этом пишут и говорят. Но, так или иначе, здесь вы найдете перевод того, что сказал Плиний Секундус. Перевод здесь необходим, поскольку вы бы не смогли бы понять его речь, да и я бы ее не понял!

— Не существует такого закона, который бы защитил нас от невежества врачей. Врачи учатся на трепещущих телах своих пациентов, пользуя их на страх и риск самих пациентов. Они безнаказанно убивают и калечат, и при этом еще и обвиняют тех пациентов, которые не желают у них лечиться. Так давайте же что-то делать, чтобы обуздать тех врачей, которые не желают следовать известному изречению «не навреди» и которые забыли, что задача лекаря — утешать, а лечить должна сама Природа.

Приходилось ли вам когда-либо задумываться над тем, какой беспорядок творится в медицине? А ведь в ней действительно творится ужасный беспорядок. Сегодня врач тратит в среднем девять минут на то, чтобы осмотреть пациента, начиная с того момента, как пациент предстает перед врачом, и заканчивая тем моментом, когда пациент покидает медицинский кабинет, — всего девять минут. Не очень-то это много для того, чтобы установить личный контакт, и совсем немного — для того, чтобы узнать пациента.

Да, очень странные дела творятся сейчас. Когда-то считали, что врачи должны изо всех сил стараться помочь страждущим, а сейчас, через пять тысяч лет после возникновения документальной истории медицины, ни один врач не может излечить элементарный насморк. А если врач вдруг возьмется лечить насморк, то, как известно, на это у него уйдет две недели. Но если пациент проявит достаточную мудрость и предоставит самой Природе излечить его насморк, то она сделает это за четырнадцать дней.

Приходилось вам когда-либо думать о том, как среднестатистический доктор определяет болезнь своего пациента? Он пристально смотрит на больного всего одну минуту, пытаясь выяснить, насколько тот осведомлен о своей болезни. Поскольку еще Эскулап Мудрый, живший

довольно много лет назад, пришел к заключению, что чем больше пациент знает, тем меньше доверия он испытывает к врачу.

Если бы в этом мире все шло, как следует и если бы царствование богини Кали³⁴, поддерживаемое слишком энергичными подростками и поборницами женских прав, не было столь успешным, в медицине происходили бы великие свершения. Например, можно было бы получать фотографические снимки ауры, благодаря которым любой специально обученный человек мог бы осуществлять диагностику болезней задолго до того, как эти болезни обрушатся на тело человека. А затем, применяя колебания необходимых частот, вибрации, или циклы — называйте их как хотите, — можно было бы, так сказать, исцелять пациентов еще до начала болезни.

Но мне не удалось собрать достаточно средств, чтобы провести необходимые исследования. Смешно сказать — какой-нибудь плохонький адвокатишка может заломить цену в сотню долларов за один час своего труда. Не только заломить, но и получить! А машинистка, которая печатает на машинке, требует, чтобы ей заплатили три доллара за коротенькое письмо в одну страничку. И она получает эти деньги. Люди в несметных количествах платят наличными за напитки, развлечения и т. п. Но когда речь заходит о том, чтобы помочь в научных исследованиях, — нет. Обычно в таких случаях можно слышать «у нас у самих не густо» или что-то вроде

³⁴ Кали — индуистская богиня смерти. — Прим. перев.

того. Так что наука чтения ауры не получит своего продолжения, и я зря надеялся. Я могу видеть ауру в любое время, над любым человеком. Но ведь это я ее вижу, а не ВЫ — не так ли? И ваш врач ее не видит, правда? А ведь я трудился, мечтая о том, чтобы любой из вас, вооружившись специальной аппаратурой, был способен видеть ауру человека.

Люди, способные видеть ауру, могут наблюдать, как двоится человек, страдающий шизофренией. Это все равно, что взять продолговатый воздушный шар, надуть его и сдавить пополам так, чтобы получилось два шара. А еще можно наблюдать, как к человеческому телу подкрадывается раковое заболевание — конечно, тоже через ауру, — а затем, применив нужное противоядие в виде вибраций, цвета или звука, можно было бы остановить опасную болезнь прежде, чем она овладеет телом человека. И еще очень многое можно было бы сделать, чтобы помочь пациентам.

Наверное, одной из самых больших неприятностей, которые могут случиться с людьми в наши дни, является нехватка денег. Если ваши дети учатся в школе или колледже, то, делаясь мнениями со своими сверстниками, они могут определить, какое занятие — юриспруденция, религия или медицина — может принести им максимальный доход при максимальном количестве свободного времени. И в наши дни среди медиков больше всех зарабатывают, пожалуй, дантисты!

На нынешнем этапе жизненного цикла очень важно, чтобы врачи по-настоящему преданно служили людям. Они не должны помышлять о деньгах. Фактически это должны быть «монахи» и «монахини» от медицины, единственным стремлением которых было бы оказание помощи их ближним — мужчинам и женщинам. Обеспечивать их обязано государство, удовлетворяя все их разумные потребности. Их следовало бы освободить от подоходного налога и от подобных сборов. И тогда они всегда будут готовы принять нас в своих кабинетах или прибыть к нам по вызову.

Приходилось ли вам когда-либо думать о том, что, приходя к врачу, пациент вынужден ожидать его часами, хотя сам прием длится не более девяти минут? Как же врач может успеть подробно ознакомиться с историей болезни пациента? Откуда врач сможет узнать о наследственных факторах этого пациента? Да и сами контакты врача и пациента нельзя назвать полноценным общением — это скорее напоминает конвейер в какой-нибудь ремонтной мастерской, куда попадают пришедшие в негодность вещи. Эти взаимные контакты совершенно обезличены, и если врач видит, что пациент намерен отнять у него больше положенных ему девяти минут, то он просто спроводит беднягу в больницу — а это то же самое, как если бы нуждающуюся в ремонте вещь положили на полку дожидаться своей очереди. Вся структура нашей медицины построена неправильно. А в Золотом Веке она будет представлять собой примерно то, о чем я уже говорил, — врачи будут чем-то вроде монахов или рыцарей религиозного Ордена. Эти преданные своему делу люди всегда будут наготове, работая строго по сменам. Ведь нельзя ожидать, что они станут трудиться по двадцать шесть часов в сутки. Но людям необходимо, чтобы врачи работали не по шесть часов в день, как это практикуется сейчас, а постоянно.

Одна из самых ужасных вещей, которые имеют место сейчас, состоит в том, что сейчас у врачей может быть сразу несколько отдельных кабинетов для обследования. Доктор может сидеть в своем кабинете в одном конце коридора, а вдоль одной из стен этого коридора стоит ряд из четырех, пяти или шести маленьких кабин, в каждой из которых находится пациент. Врач поспешно беседует с пациентом, а затем направляет его в кабину. Пока этот пациент раздевается или готовится к осмотру, доктор торопливо заглядывает в соседние кабины.

Это очень сильно напоминает серийный конвейер или птицефабрику, где выращивают бройлерных кур. Там куры сидят в клетках — клетка за клеткой и ряд за рядом, — где их кормят, а они набирают вес. При этом корм поступает в клетку с одной стороны, а яйца, которые несет курица, двигаются из клетки в другую сторону. Примерно так же обстоит дело и с пациентами. Мудрые слова доктора вливаются в больного с одной стороны — то есть в уши, а деньги, поступающие от медицинской страховки или от самого пациента, стекаются в один непрерывный поток. То, что мы видим сейчас, — это не медицина.

Врачи не всегда следуют своей клятве. Часто какой-нибудь доктор, бывая в клубе, может позволить себе обсуждать состояние здоровья своей пациентки, мисс Такой-то, или посмеиваться вместе с друзьями по поводу того, что некий старый хрыч пытался сделать нечто, да у него ничего не вышло. И куда ему еще жениться? Да вы и сами знаете, как это бывает!

У меня создается впечатление, что, получив лицензию на занятие медицинской практикой, врачи закрывают свои учебники, чтобы никогда их больше не открывать, и дальнейшее их обучение осуществляется лишь посредством бесед с рекламными агентами фармацевтических фирм, которые идут от одного врача к другому, интересуясь лишь объемами продаж своих лекарственных средств. Агент, конечно, рекламирует все благоприятные эффекты, обеспечиваемые медикаментами его фирмы, но он никогда не станет говорить о фатальных последствиях, к которым они могут привести. Вспомнить хотя бы тот случай в Германии, когда страшный наркотик предписали беременным женщинам. В результате дети стали рождаться искалеченными — без рук, или без ног, или без чего-либо еще.

То же самое происходит с противозачаточными таблетками. Женщины одурманивают себя и легко поддаются гипнотическим внушениям о том, что если любишь кататься, то саночки возить не обязательно, если, конечно, вовремя принять противозачаточные пилюли. Но практические результаты обследований показали, что эти таблетки производят серьезный побочный эффект: они могут стать причиной онкологических заболеваний, вызывают тошноту и прочие подобные неблагоприятные последствия. Поэтому сейчас фармацевтические фирмы прикрыли свои яркие рекламные кампании и пытаются разработать иные средства, угнетающие активность спермы, не позволяя ей заключить в свои объятия яйцеклетку.

Наступит время, когда на смену этим средствам придет совершенно надежный метод регулирования рождаемости — нет, я не имею в виду воздержание! Это будет самый настоящий медицинский метод — нечто вроде ультразвукового излучателя, который можно будет точно настраивать на частоту определенного мужчины или определенной женщины. Излучаемые колебания будут как бы оглушать сперму, не давая ей развиваться. Фактически, ультразвуковые частоты способны нейтрализовать активность спермы и яйцеклетки. Если делать это умело, то такая операция никак не повредит ни «ему», ни «ей». Но это будет осуществимо лишь в Золотой Век, если он, конечно, наступит.

Боль — ужасная вещь, не правда ли? И, по существу, врачи и фармацевты до сих пор не нашли действительно эффективного средства от боли. Несколько таблеток аспирина здесь не помогут. Димедрол ослабляет боль на очень короткое время, да еще и возможны побочные эффекты. А ведь есть еще морфий, к которому можно легко пристраститься. Но я полагаю, что исследователи должны в первую очередь принять во внимание теорию, которая утверждает, что головную боль испытывают лишь существа, обладающие нервной системой. Поэтому необходимо изобрести нечто такое, что позволяло бы установить барьер между источником боли

и нервными рецепторами.

Мой личный опыт пациента не позволяет мне восхищаться миром медицинской науки, потому что однажды меня забрали в больницу, когда я тяжело заболел и испытывал сильные боли. И мы оказались в чрезвычайно трудном положении, поскольку в ближайшей больнице проходила забастовка не то специалистов, не то медсестер, не то кого-то еще и поэтому они не принимали пациентов. Поэтому Мама Сан Ра-аб вызвала скорую помощь.

И как я уже говорил, службу скорой медицинской помощи города Калгари можно с уверенностью назвать непревзойденной. Здешние санитары прекрасно обучены и вежливы. Но дело не только в этом. Они

также проявляют большую заботу о пациентах. Я не имею возможности щедро отблагодарить наших санитаров. Но я уверен, что Клео и Тедди Рампа должны были бы расцеловать каждого из них, и тогда эти люди могли бы похвастать тем, что были расцелованы сиамскими кошками, что должно принести им благословение. Разве я не прав?

Скоро послышался вой сирен скорой помощи, который резко умолк, как только санитарная машина затормозила у порога моего дома. Очень быстро вошли два санитары, в руках у которых были две большие черные сумки. Это были не обычные санитары, а лучшие из лучших — врачи скорой помощи. Они задали мне несколько вопросов, но не поторопились открыть свои сумки, а вместо этого ввели в комнату носилки и поставили их рядом с моей кроватью. С великой осторожностью меня переложили на носилки, а затем на лифте мы направились вниз, на улицу, где почти так же быстро, как я сейчас об этом рассказываю, они поместили меня в карету скорой помощи. Мама Сан Рампа села на переднее сиденье рядом с шофером, а другой врач сел рядом со мной. Мне повезло — карета скорой помощи оказалась совсем новой. Это был ее первый выезд, и она все еще немного пахла свежей краской и свежим дезинфектантом.

Скажу лишь, что мы ехали по улицам Калгари, но название больницы сообщать не буду, поскольку, по-моему, это наихудшая больница в Альберте³⁵. Поэтому назовем ее Сент-Догсбодиз. Плохое ли, хорошее — а все-таки имя. Я мог бы придумать название и почище, но не хотелось бы вводить в краску моего Уважаемого Издателя (интересно, а МОЖНО ЛИ вогнать в краску Издателя?) — все равно потом он бы заставил меня изменить название.

Вскоре карета скорой помощи подъехала к чему-то, что можно было бы назвать унылой, мрачной пещерой. С моей точки зрения — а я лежал на боку — могло показаться, что меня подвезли к какому-то недостроенному фабричному зданию с погрузочной площадкой в торце. Внутри площадки было чертовски холодно. Но как только наши глаза привыкли к царившей там темноте, санитары извлекли меня из машины. Поставив носилки на колеса, они повезли меня вдоль мрачного коридора, и каждый человек, которого мне довелось встречать по дороге, казалось, пребывал в глубокой тоске. Я подумал: «О боги! Должно быть, меня по ошибке доставили в морг».

Мама Сан Ра-аб исчезла в каком-то убогом кабинете, где ей пришлось дать обо мне подробный отчет, а затем меня втолкнули в отделение неотложной терапии, которое оказалось длинным залом, который был разделен брусками с металлическим покрытием. На брусках крепились шторы, которые не всегда удавалось раздвинуть. И здесь, в отделении неотложной терапии, меня перенесли и уложили на нечто такое, что напоминало детскую кроватку.

³⁵ Альберта — одна из провинций Канады. — Прим. перев.

Один из врачей скорой помощи, зная о моих проблемах, сказал:

— Медсестра, этому больному нужна трапеция.

Кстати, трапеция — это такая штукавина длиной более трех футов, которая крепится над изголовьем. От нее на небольшой цепи свисает треугольная металлическая конструкция, покрытая пластиком. Она служит для того, чтобы люди, страдающие, как и я, параличом нижних конечностей, могли приподниматься и принимать сидячее положение. В свое время, когда я в течение многих лет лежал в больницах, у меня было такое приспособление, но сейчас, когда доктор заговорил о нем, мне был нужен совсем небольшой брусок. Медсестра посмотрела на меня взглядом кислее кислого и сказала:

— Трапеция, говорите? Да где же он ее здесь НАЙДЕТ?

С этим она повернулась и вышла из моей маленькой кабинки. Два врача скорой помощи сочувственно посмотрели на меня и, покачав головами, сказали:

— Она всегда такая!

Потом настал период ожидания. Меня воткнули в эту одноместную кабинку, но со всех сторон меня окружали другие койки. Я так и не смог сосчитать, сколько тут было коек, но я слышал множество голосов. Здесь каждый был вынужден на людях обсуждать свои проблемы и получать консультации. Некоторые шторы нельзя было задернуть, и, в любом случае, они оставляли открытое пространство сверху и снизу. Ни о какой конфиденциальности не могло быть и речи.

Вспоминается один ужасно забавный случай — забавный для меня. На соседней койке справа лежал какой-то старик. Его только что подобрали на улице. Войдя к нему, врач сказал:

— Боже мой, дедушка, неужто это ОПЯТЬ вы? Я же просил вас воздержаться от спиртного. Если так будет продолжаться и дальше, то однажды вас привезут сюда мертвым.

Послышалось громкое брюзжание, бормотание и ворчание, и наконец старик зашелся криком:

— Я не желаю, чтоб меня лечили от пьянства. Лучше полечите меня от похмелья!

Доктор безнадежно пожал плечами:

— Хорошо, я сделаю вам укол. На какое-то время он вам поможет, но НЕ ВОЗВРАЩАЙТЕСЬ СЮДА СНОВА.

Несколько минут спустя, когда я уже лежал на своей больничной койке, в наш коридор влетела какая-то раздраженная сестра. Ворвавшись в мою открытую кабинку и не говоря мне ни слова — даже не потрудившись узнать, кто я такой, — она сорвала с меня простыню, спустила с меня пижамные штаны и всадила укол в мой ничего не подозревавший зад. Затем, почти не сбавляя темпа, она выдернула иглу и, развернувшись на пятке, выскочила вон. Я уверяю вас, что все так и было. С тех пор я все думаю, не всадила ли она мне как раз тот укол, который предназначался для того старого пьяницы, который лежал на соседней койке. Никто не говорил мне, что со мной собираются делать, никто не обмолвился со мной ни единым словом. Единственное, что я знаю, — это то, что мне ввели НЕЧТО прямо в мою... Милые дамы, прошу меня извинить. В общем, вы поняли, куда мне всадили укол.

Некоторое время спустя появился санитар, который без единого слова схватился за один конец моей детской койки и куда-то меня поволок.

— Куда вы меня везете? — задал я вполне логичный, как мне казалось, вопрос.

Но он лишь посмотрел на меня исподлобья и покатил вдоль длинного коридора.

— Там увидишь, — сказал он. — И учти: я здесь не работаю, а просто помогаю. Работаю я в... — и он сообщил мне название того отделения, в котором работал.

Я всегда верил, и мне всегда говорили, что одна из обязанностей доктора или медсестры, или кого-либо, кто связан с медициной, состоит в том, чтобы сообщать пациенту о том, что с ним собираются делать и зачем. Ведь это серьезное дело — воткнуть больному иголку в зад, а потом оставить его в недоумении.

Когда мы двигались по коридору, с нами вдруг поравнялся какой-то священник. Увидев меня, он сделался похожим на робота с деревянным лицом, которое он отвернул от меня в сторону. Я, видите ли, был ему неровня. И поэтому он поспешил в одну сторону, а меня покатали в другую. Когда кровать-носилки остановились, чей-то писклявый голос спросил:

— Это он?

Носильщик только кивнул в ответ и ушел, а я остался лежать снаружи того, что оказалось рентгеновским кабинетом.

Через некоторое время кто-то пришел и потащил мою кровать — как локомотив тянет вагоны, — и я вкатился в рентгеновский кабинет. Кровать подвинули к столу, и мне сказали:

— Полезайте туда.

Ладно, кое-как я ухитрился переложить на стол верхнюю половину своего тела, а затем обратился к стоявшей в кабинете юной девушке. Я посмотрел на нее и удивился, что может делать в таком месте столь юное создание. На ней были белые чулки, а ее мини-юбка, которую скорее можно было назвать микро-мини-юбкой, доходила ей как раз до того места, куда мне только что сделали укол. Я сказал:

— Вы не могли бы поднять мне ноги? Самому мне этого не сделать. Она обернулась, посмотрела на меня и удивленно раскрыла свой ротик. Затем она очень надменно произнесла:

— Ах, нет! — и внушавшим благоговение и почтение тоном добавила: — Я же СПЕЦИАЛИСТ. Я не обязана вам помогать!

Ее слова вызвали во мне жгучую боль — боль, которая была сродни агонии, — но я сумел ухватиться за свои лодыжки правой рукой и перетащить их на стол.

Без единого слова СПЕЦИАЛИСТ лишь клацала своей рентгеновской машиной, нажимая какие-то кнопки, а затем сказала:

— Вдохните и НЕ ДЫШИТЕ! Выдохните.

Я прождал на столе примерно десять минут, пока проявляли мою пленку. Потом кто-то вошел и опять придвинул мои носилки к столу.

— Перекладывайтесь, — сказала эта девица.

И опять, с невероятным усилием, я ухитрился погрузить себя на больничную койку, после чего эта особь женского пола выволокла мою койку из рентгеновского кабинета и толкнула ее к стене.

И опять мне пришлось ждать, пока, наконец, кто-то пришел за мной, глянул на карточку с именем, что висела на койке, а затем без единого слова повез меня обратно в отделение интенсивной терапии, где меня вновь втокнули в кабину, словно корову в загон.

Наконец, после трех или четырех часов, которые я провел в больнице, меня посетил лечащий врач. Но как выяснилось, здесь никто не мог мне ничем помочь — в больнице не было свободных коек, за исключением одной — в женском отделении. Мое заявление о том, что это меня устраивает, было понято неправильно.

Тогда мне предложили вернуться домой, поскольку никто не мог мне ничем

помочь, а дома мне «будет лучше».

— Дома и уход получше, чем здесь, — сказал мне кто-то из персонала.

И поверьте, меня не пришлось долго убеждать.

Все это время Мама Сан Ра-аб просидела на жестком сиденье в холодном-прехолодном приемном покое, как потерпевший кораблекрушение на необитаемом острове. Но, наконец, ей позволили войти в отделение интенсивной терапии, после чего приехала скорая и увезла меня домой. Расстояние от моего дома до больницы Сент-Догсбодиз составляет полторы мили. Прибавив к этому дорогу обратно, получим три мили. Всего три мили, если я правильно посчитал. Но это маленькое бесполезное путешествие обошлось в семьдесят долларов. И в этом не было вины врачей — столько стоит вызов кареты скорой помощи.

Так что теперь я ищу другое место — за пределами Калгари, предпочтительно в какой-нибудь другой провинции, поскольку я изнурен тем, как поставлено дело лечения людей в Калгари. Я потрясен ценами на медицинские товары и услуги, которые существуют в Калгари.

Это наводит меня еще на одну мысль. Я полагаю, что медициной должны заниматься преданные ей люди. Я также полагаю, что из больниц необходимо вышвырнуть тех трутней и сачков, которые прикидываются больными, поскольку некоторые пациенты любят посещать отделения неотложной помощи при больницах и сидеть там, в коридоре, словно это какой-нибудь сельский клуб. Тем более что ни в одном сельском клубе нет таких неудобных сидений. Я также полагаю, что врачи и медсестры — да, и даже носильщики — должны больше заботиться о пациентах, если они помнят и хотят следовать Золотому Правилу, которое гласит: «поступай с другими так, как хотел бы, чтобы они поступали с тобой». И тогда мир станет не так уж плох. Разве нет?

Я бы также хотел, чтобы в отделениях неотложной помощи соблюдалась конфиденциальность, поскольку мне вспоминается история одного старика, который однажды сидел там справа от меня. А еще я помню истории девушки, которая сидела слева. У этой девушки были, если говорить изящно, половые проблемы с ее мужем. Он ее, как бы вам сказать... немного порвал. А доктор, который ее консультировал, ничуть не беспокоясь о конфиденциальности, громким голосом давал ей советы и тем же громким голосом расспрашивал о самых интимных вещах. И я уверен, что девушка чувствовала себя в этой ситуации столь же неудобно, как и я.

Но, опять вернувшись, домой, я благодаря Маме Сан Ра-аб, Лютику, Роузи, Клео и Тедди услышал «голос», побудивший меня взяться за дело и написать еще одну книгу — семнадцатую — под названием «Я верю». И знаете, я полагаю, что на этой приятной мысли я мог бы закончить свою книгу. А как полагаете вы?